

ISSN 2782-6139

***АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

№3(11) – 2024 г.

Научный журнал

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 3 (11), 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Март-оол
Донгакович	- директор ТИГПИ, председатель;
Басангова Тамара
Горяевна	- зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», доктор филологических наук, доцент;
Берсенёв Владимир
Леонидович	- ведущий научный сотрудник Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор;
Дацышен Владимир
Григорьевич	- профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, доктор исторических наук;
Монгуш Марина
Васильевна	- ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук;
Султанов Казбек
Камилович	- зав. отделом литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук;
Цендина Анна
Дамдиновна	- профессор Института классического Востока и античности Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Моллеров Николай Михайлович	- научный руководитель ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор исторических наук, главный редактор;
Натсак Органа Доржуевна	- учёный секретарь ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат философских наук, заместитель главного редактора;
Иргит Оттук Юрьевич	- заместитель директора ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук, ответственный секретарь;
Донгак Светлана Чондан-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Кужугет Айлана Калиновна	- главный научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор культурологии, кандидат искусствоведения;
Кунгаа Маргарита Базыр-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат педагогических наук;
Мижит Людмила Салчаковна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук;
Самдан Аяна Анай-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Симчит Кызыл-Маадыр Авый-оолович	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук.

© Азиатские исследования: история и современность.

**ASIAN STUDIES:
HISTORY AND MODERNITY**

No. 3 (11), 2024

EDITORIAL COUNCIL:

1. **Mart-ool Vyacheslav Dongakovich** – Director of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Chairman
2. **Basangova Tamara Goryayevna** – Head of the Department of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space,” Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Dr. of Sci. (Philosophy)
3. **Bersenev Vladimir Leonidovich** – Leading Researcher of the Center for Economic Theory of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (History), Professor
4. **Datsyshen Vladimir Grigoryevich** – Professor of the Department of General History of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Dr. of Sci. (History)
5. **Mongush Marina Vasilyevna** – Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation, Dr. of Sci. (History)
7. **Sultanov Kazbek Kamilovich** – Head of the Department of Literary Studies of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Philology)
8. **Tsendina Anna Damdinovna** – Professor of the Institute of Classical East and Antiquity of the Russian State University for the Humanities, Dr. of Sci. (Philology)

EDITORIAL BOARD:

- Mollerov Nikolay Mikhailovich** – Editor-in-Chief, Research Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History)
- Natsak Organa Dorzhuyevna** – deputy Editor-in-Chief, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy)
- Irgit Ottuk Yurievich** – Deputy Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Executive Editor
- Dongak Svetlana Chondan-oolovna** – Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Kuzhuget Ailana Kalinovna – Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (Cultural studies)

Kungaa Margarita Bazyr-oolovna – Leading researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Pedagogy)

Mizhit Lyudmila Salchakovna – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

Samdan Ayana Anay-oolovna – Head of the History Department, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Simchit Kyzyl-Maadyr Avyy-oolovich – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный журнал

Цели и область

«Азиатские исследования: история и современность» - научный журнал, посвящённый актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам тувиноведения, востоковедения, экономики, политики, социального развития Тувы и сопредельных регионов.

Миссия журнала - содействие междисциплинарным и межрегиональным исследованиям.
Главный редактор: Н. М. Моллеров, доктор исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80690 от 23.03.2021 г.;

Адрес редакции: 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4,
Тел: 8-39422-2-39-36, электронный адрес: tigpi@asvestnik.ru.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

Goals and research fields

“Asian Studies: History and Modernity” is a scientific journal devoted to topical theoretical and scientific-practical problems of Tuvan studies, Oriental studies, economics, politics, social development of Tuva and adjacent regions.

The mission of the journal is to promote interdisciplinary and interregional research.

Editor-in-chief: N. M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

Founder and Publisher: State budgetary Research and Educational Institution «Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva»

Published quarterly (4 issues per year)

Asian Studies: History and Modernity is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-80690 of 23.03.2021

Editorial staff office: 4, Kochetov str., Kyzyl, 667000,
phone: +739422 23936, E-mail: tigpi@asvestnik.ru

© Asian Studies: History and Modernity

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

**О добровольности, правомерности и своевременности
вхождения ТНР в состав СССР и РСФСР (к 80-летию
исторического события)**

Николай М. Моллеров.....8

ФИЛОЛОГИЯ

**Ондар Дарыманың аас чогаал өнчүзүнүң тыва эртемге ужур-
дузаы (Значение фольклорного наследия Ондара Дарыма
для тувинской науки)**

Зоя Б. Самдан.....30

**Иноязычные наименования мер в тувинских героических
сказаниях**

Любовь К. Хертек.....45

ЭТНОГРАФИЯ

**Известные персоны Урянхая 1914 года в работах
Сергея и Ксении Минцловых**

Айлана К. Кужугет.....77

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Творчество Юрия Ооржака (в память о мастере)

Айлана А. Чап.....89

СОЦИОЛОГИЯ

**Особенности демографической, социально-профессиональной и
социально-классовой структуры Тувинского общества (по материалам
сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г.)**

Органа Д. Натсак.....99

ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

**“Чечек” деп шиижиткен үш көжегелиг операның либреттозу
(Либретто трехактной пьесы – оперы “Чечек”)**

Василий С. Салчак135

CONTENTS

HISTORY

- The Voluntariness, Legality and Timeliness of the Entry of the Tuvan People's Republic to the USSR and the RSFSR (on the 80th Anniversary of the Historical Event)**
Nikolai M. Mollerov.....8

PHILOLOGY

- The Importance of the Folklore Heritage of Ondar Daryma for Tuvan Science**
Zoya B. Samdan.....30
- Foreign-Language Names of Measures in Tuvan Heroic Tales**
Lyubov K. Hertek.....45

ETHNOGRAPHY

- The Famous Persons of Uryankhai in 1914 in the Works of Sergei and Ksenia Mintslov**
Aylana K. Kuzhuget.....77

CULTURAL STUDIES

- The Art of Yuri Oorzhak (in memory of the master)**
Ailana A. Chap.....89

SOCIOLOGY

- Features of the Demographic, Socio-Professional and Socio-Class Structure of Tuvan Society (the Materials of the Agricultural and Demographic Census of 1931)**
Organa D. Natsak.....99

PUBLICATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS

- The “Chechek” libretto of a three-act opera play**
Vasily S. Salchak.....135

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 930.327/325

О ДОБРОВОЛЬНОСТИ, ПРАВОМЕРНОСТИ И СВОЕВРЕ- МЕННОСТИ ВХОЖДЕНИЯ ТНР В СОСТАВ СССР И РСФСР (К 80-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ)

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. доктор исторических наук, научный руководитель института, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nm.mollerov@mail.ru

Аннотация. В статье, посвященной 80-летию добровольного вхождения Тувы в состав СССР и РСФСР в октябре 1944 г., внимание автора сосредоточено на раскрытии трех главных аспектов этого поистине судьбоносного для Тувы события – его добровольности, правомерности и своевременности. В ней также отмечается умозрительный, без прочной опоры на источники, подход либеральных авторов к освещению данных вопросов. В работе отмечена недостаточная изученность предшественниками ряда важных сторон и деталей проблемы, предпринята, в том числе с привлечением новых источников (периодических изданий и архивных документов), их более углубленное изучение. В итоге подтверждены и усилены выводы отечественных авторов о добровольности, правомерности и своевременности вхождения Тувы в состав Советского Союза и России.

Ключевые слова: Советский Союз, Тувинская Народная Республика, Тува, присоединение, добровольность, правомерность, своевременность, альтернативные суждения

Для цитирования: Моллеров Н.М. О добровольности, правомерности и своевременности вхождения ТНР в состав СССР и РСФСР (к 80-летию исторического события) // Азиатские исследования: история и современность. 2024. № 3(11). С. 8–29. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-8-29

**THE VOLUNTARINESS, LEGALITY AND TIMELINESS
OF THE ENTRY OF THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC TO
THE USSR AND THE RSFSR (ON THE 80TH ANNIVERSARY
OF THE HISTORICAL EVENT)**

Nikolai M. Mollerov

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Republic of Tuva,
e-mail: nm.mollerov@mail.ru

Abstract. In the article dedicated to the 80th anniversary of Tuva's voluntary entry into the USSR and the RSFSR in October 1944, the author's attention is focused on revealing three main aspects of this truly fateful event for Tuva - its voluntariness, legality and timeliness. It also notes the speculative approach of liberal authors to covering these issues without strong reliance on sources. The author notes the lack of study by the predecessors of a number of important aspects and details of the problem, and a more in-depth study was undertaken, including with the involvement of new sources (periodicals and archival documents). The conclusions of the Russian authors on the voluntariness, legality and timeliness of Tuva's entry into the Soviet Union and Russia were confirmed and strengthened in the article.

Keywords: Soviet Union, Tuvan People's Republic, Tuva, accession, voluntariness, legality, timeliness, alternative judgments

For citation: Mollerov N. M. "The Voluntariness, Legality and Timeliness of the Entry of the Tuvan People's Republic to the USSR and the RSFSR (on the 80th Anniversary of the Historical Event)" // Asian Studies: History and Modernity, 2024, no. 3 (11), p. 8–29. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-8-29

Введение

В исследовании вопроса о вхождении Тувы в состав Советского Союза и России 80 лет назад, несмотря на его общественно-политическую значимость и судьбоносность для тувинского народа, еще остались до конца не проясненные и малоизученные аспекты. К ним, в первую очередь, относятся: добровольность инициативной стороны, правомочность практической реализации и своевременность исторического решения о вхождении ТНР в состав СССР и РСФСР. Основной задел в их объективном изучении и освещении был сделан

еще в работах отечественных авторов советского периода, где добровольность, правомочность, а также судьбоносность являлись важными характеристиками этого исторического шага [Сейфулин 1954, Сердобов 1985, Аранчин 1982, Дубровский 1959 и др.]. Почти не изучался в это время вопрос о его своевременности. Вместе с тем, за постсоветский период расширился круг суждений, альтернативных дискурсу о добровольном вхождении Тувы в состав советского государства, апеллирующих к понятиям «аннексия», «агрессия», «односторонний акт» и т.п.

Очень наглядно это продемонстрировано в статье И. В. Отрощенко (Украина) «Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения» [Отрощенко, 2017], которая и сама, судя по невниманию к советским авторам, явно избирательному интересу к работам историков-тувиноведов постсоветского периода, ключевым словам, структуре и содержанию ее статьи, больше тяготеет к «альтернативщикам». Немалое число упомянутых И. В. Отрощенко западных и прозападных авторов, пространный обзор их явно политизированных взглядов, свидетельствуют не столько о научной значимости их публикаций, сколько о предвзятом идеологизированном подходе к вопросу, имеющему прямое отношение к единству России, к ее будущему как федеративного государства.

И. В. Отрощенко в своей статье публично заявила, что не стала включать в свой обзор альтернативных суждений статьи политического характера. [Отрощенко, 2017, с 38]. Насколько это оказалось невыполнимым для нее условием, видно на конкретных примерах.

Приведу из них только несколько достаточно ярких убедительных и тесно связанных с Тувой начала 1990-х годов. Один из цитируемых И.В. Отрощенко «исследователей Тувы» - это Тоомас Алалату, с которым тувинский читатель впервые познакомился через его политически тенденциозную статью в популярной газете «Молодежь Тувы». Алалату, в то время еще молодой эстонский политик, был одержим идеей полного и окончательного разрушения советского государства. После развала СССР его целью стала Россия. В республиканской газете «Молодежь Тувы» он опубликовал большую статью «Тува-Прибалтика – исторические параллели» о совсем не очевидных исторических параллелях прибалтийских государств и Тувы¹. В ней он акцентированно обозначил

¹ Газ. «Молодежь Тувы» от 24 января 1992 г., с. 2-3.

главную параллель – якобы, насильственное присоединение ТНР, как и прибалтийских республик, к Советскому Союзу, стремившемуся покончить с этими буржуазно-демократическими государствами. В связи с этим он даже совершенно безосновательно, по очень формальным признакам причислил к капиталистическим государствам и Туву, шедшую по пути «некапиталистического развития». В связи с этим следует отметить, что на почве надуманной буржуазности Тувы в тувиноведческих исследованиях вдруг начала «вызрывать» идея о тувинском парламентаризме периода ТНР [Доржу, Ондар 2020]. О ее научной несостоятельности и причинах появления на свет написали сотрудники нашего института [Моллеров, Натсак, Самдан 2021].

Потенциально взрывоопасному выводу Алаталу не доставало убедительного обоснования: предпосланный ему пространный, но совершенно некомпетентный экскурс в историю тувинско-русских исторических связей должного политического эффекта не произвел. Тенденциозные натяжки, необоснованные сравнения, хронологические и статистические погрешности в большом количестве – всем этим изобиловала его статья. На явные недостатки статьи справедливо указывали оппонировавшие ему в то время тувинские ученые и журналисты: В. А. Дубровский, М. С. Байыр-оол, А. А. Дугержаа и автор настоящей статьи. Так, научный сотрудник ТНИИЯЛИ (ныне ТИГПИ) М. С. Байыр-оол после подробного разбора его статьи резюмировал: «Хватит нам морочить голову очередными иллюзиями»². Судя по всему, явное фиаско не остановило эстонского «сокрушителя» российского государства. За прошедшую с тех пор четверть века свой взрывной пыл он не утратил. А вот более компетентным в вопросах истории Тувы не стал, продолжив писать сугубо идеологизированные статьи.

С другим, цитируемым И. В. Отрощенко автором С. Салливаном [Sullivan 1995] у меня была короткая, но достаточно показательная беседа. В начале 1990-х гг., когда я работал в Секретариате советников Президента Республики Тува, в наш кабинет зашел этот западный представитель организации «Международная тревога». Помню, как он начал убеждать нас сносить в Туве советские памятники. В частности, по поводу памятника Ленину он сказал, что вождь мирового пролетариата виновен в расстреле царской семьи. По этому поводу замечу, что до сих пор вины Ленина в этом расстреле никто из историков убедительно не доказал.

² Газ. «Молодежь Тувы» от 6 марта 1992 г., с. 5.

Я тогда не стал вступать в продолжительную дискуссию по данному вопросу, не стал напоминать об отказе Англии принять императорскую семью, и просто спросил его, а как же тогда быть с памятником лорду-протектору Англии Оливеру Кромвелю, установленному в Лондоне. Ведь

Памятник Оливеру Кромвелю у Вестминстерского дворца, Лондон

из истории известно, что лорд решительным образом повлиял на приговор парламента, обрекшего английского короля Карла I на смерть через обезглавливание. На это Салливан ничего не ответил, и наша беседа закончилась. Надо отдать должное, он даже не сказал: «Это другое». Визитная карточка этого «практикующего политолога» у меня долго хранилась в качестве своеобразной зарубки на память. Потом где-то затерялась.

Трудно причислить к плеяде истинных ученых и ряд других, представленных в статье И. В. Отрощенко авторов. Даже роль политологов им плохо удастся. А говорить о роли историка и вовсе не приходится из-за

полного отсутствия системных знаний по новейшей истории Тувы. К самой Отрощенко это заключение относится в гораздо меньшей степени, но ее политическая тенденциозность при освещении истории Тувинской Народной Тувы тоже без труда просматривается.

Добровольность

Обращаясь к еще достаточно близкой истории Тувинской Народной Республики, мы не можем пройти мимо документов высших органов власти республики – Великого и Малого Хуралов, а также Центрального Комитета Тувинской Народно-Демократической партии (ЦК ТНРП). Так, в протоколах Великого Хурала начала 1930-х гг.

мы находим первые предложения тувинских делегатов о вхождении в состав Советского Союза. Историк, ныне директор Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) при Правительстве Республики Тыва В. Д. Март-оол, основываясь на архивных данных, писал: «Впервые эту проблему поднял делегат Кертиг-оол на VII Великом Хурале в ноябре 1930 г.»³. Со временем сторонников идеи присоединения становилось все больше и больше. Они излагали свои взгляды на многочисленных собраниях в коллективах и на митингах. Их выступления получали отражение в протоколах мероприятий и в периодической печати. Все это доступно для исследователей.

В 1939 г. руководство республики проинформировало правительство СССР о массовом желании тувинского народа присоединиться к советскому государству. Некоторые отечественные авторы [Очерки 1975, с. 149; Москаленко 2004, с. 162] ошибочно считают эту информацию первым официальным обращением ТНР к СССР с ходатайством о присоединении. Конечно же, как по форме, так и по содержанию, данный документ официальным прошением о принятии Тувы в состав советского государства не является. Вместе с тем, он служит важным свидетельством о нарастании народного движения за вхождение тувинского государства в состав СССР.

В работах советских исследователей мы встречаем утверждения об учете воли народа, упоминания о целом народном движении за вхождение в состав СССР. Так, историк В. М. Иезуитов писал: «Весь ход развития братских, дружественных отношений привел к тому, что именно в годы великих испытаний советского народа в Тувинской Народной Республике усилилось массовое движение за вступление тувинского народа в братскую семью народов многонационального Союза Советских Социалистических Республик». [Иезуитов 1955, с. 27]. Через год Х. М. Сейфулин также упомянул «общественное движение за вхождение ТНР в состав Советского Союза». [Сейфулин 1956. С. 119]. Другой советский автор Н. Н. Хороший почти через 20 лет отмечал: «В годы войны советско-тувинская дружба еще более упрочилась. В среде коренного населения активизировалось движение за вхождение в братскую семью народов СССР» [Хороший 1974, с. 40]. Более того, это движение, пишет он, ссылаясь на документы Центрального партийного

³ Газ. «Молодежь Тувы» от 8 октября 1994 г., с. 1,3

архива ЦК КПСС, побудило ЦК ТНРП «в 1943 г. возобновить ходатайство о вхождении ТНР в состав СССР». [Там же] Однако, каких-либо подробных сведений о народном движении никто из авторов не приводит.

Оценивая это обстоятельство, можно прийти к неверным скоропалительным выводам о реальном отсутствии такого движения, о существовании его только в качестве политического мифа. Однако, как показывают приведенные выше факты (прежде всего информация за 1939 год), это не так. Более того, они указывают на добровольность и массовость этого движения. Другое дело, что акцентировать на нем внимание, показывать его успех на фактах и ярких примерах в условиях сложной международной обстановки, в предвоенный период и во время войны было нецелесообразно. Излишнее внимание к движению могло вызвать нежелательный международный резонанс и привести к осложнению положения СССР на международной арене. Резонно предположить, что во время Великой Отечественной войны советское руководство избегало привлекать внимание к тувинско-советским интеграционным процессам, публичная активизация которых могла затруднить решение вопросов внешнеполитического характера, в частности, об открытии второго фронта.

Из-за таких опасений движение за присоединение Тувы к СССР не было оформлено как отдельное политическое движение со своим руководящим центром, структурой, уставом и т.д., как например, более позднее движение постсоветского времени «За Советский Союз». А его юридическая неоформленность не позволила комплексно отложиться в архивах документам о нем. Поскольку отдельного архивного фонда движения в Национальном архиве Республики Тыва не существует, то сведения о нем следует искать главным образом в фонде ЦК ТНРП, а также в других фондах Национального архива Республики Тыва. Поиск и вовлечение в научный оборот новых данных позволит усилить представление о добровольности и массовости судьбоносного для народа решения.

О добровольности вхождения ТНР в состав СССР свидетельствует также и то, что инициатива изначально исходила от тувинской стороны. Как уже выше отмечалось, это подтверждается документально. Многие документы опубликованы и введены в научный оборот [Дубровский 1959]. Справедливости ради отметим, что И. В. Отрощенко, в отличие от многих западных и прозападных авторов, эти публикации заметила.

Ознакомившись с документальными источниками ТНР периода 1941-1943 гг. в фондах РГАСПИ, она пришла к такому выводу: «Судя по формулировкам «наша родина — СССР», «наше Отечество — СССР» в документах ЦК ТНРП и Совета министров Тувы начала 1940-х гг., похоже, тувинское руководство считало гипотетическое объединение свершившимся фактом...». В связи с этим замечу, что гипотетическое объединение считать свершившимся фактом, конечно же, невозможно, но уверенность в том, что решение только временно отложено и непременно будет положительным, повсеместно присутствовала.

К сказанному можно добавить, что подобная характерная риторика нередко присутствует в периодических изданиях ТНР. Могу, в частности, засвидетельствовать, что она постоянно повторяется в газете «Тувинская правда» за 1944 г., подшивку которой я просмотрел, приступая к подготовке настоящей статьи. Приведу некоторые фрагменты из публикаций того времени. Так, в обращении Президиума общего собрания членов партии и ревсомола (молодежная организация в ТНР – авт.) г. Кызыла ко всем членам партии, ревсомольцам и трудящимся ТНР о выполнении плана развития животноводства на 1944 год говорилось о долге «перед великим социалистическим Отечеством – СССР»⁴. В статье министра здравоохранения ТНР С. Сереккея отмечалось: «Только совместная работа медицинского персонала и педагогов обеспечит воспитание нового поколения патриотов своей великой Родины, здоровых телом и духом»⁵. В трудовых коллективах Тувы заинтересованно изучались решения партийного и советского руководства СССР. В связи с этим сообщалось, что общее собрание членов партийной и ревсомольской организаций г. Кызыла «положило начало ознакомлению с историческими решениями X сессии Верховного Совета СССР» и что «эти решения были глубоко изучены во всей системе партийного просвещения ТНР»⁶.

В пользу сближения ТНР с Советским Союзом, по мнению И. В. Отрощенко, также свидетельствовали такие меры тувинского правительства, как перевод тувинской письменности на русский алфавит и целенаправленное изучение в Туве русского языка [Отрощенко 2017, с. 39]. Это мнение находит подтверждение в материалах периодической печати⁷.

⁴ «Тувинская правда» № 3 (1203) от 8 января 1944 г., с. 3.

⁵ «Тувинская правда» № 7 (1207) от 21 января 1944 г., с. 5.

⁶ «Тувинская правда» № 13 (1213) от 12 февраля 1944 г., 5.

⁷ «Тувинская правда» № 13 (1213) от 12 февраля 1944 г., с. 4.

Во время военного призыва из Тувы на фронт, постоянно проживавших там советских граждан правительство ТНР и ЦК ТНРП 23 января 1943 года приняли совместное постановление «О приеме в Красную Армию советских граждан, живших в ТНР». Все расходы, связанные с проведением призыва, тувинское правительство взяло на себя. За счет республиканского бюджета постановили выплачивать семьям призывников льготы, положенные по советским законам. Местным органам власти и партийным организациям было дано поручение обеспечить благоприятные условия для работы призывной комиссии при полпредстве СССР в ТНР.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1943 г. воевали и тувинцы-добровольцы: летчики (3 человека), танкисты (11 человек) и кавалеристы (206 человек). Поддерживая желание тувинского народа вступить в семью народов СССР, подавая заявления о желании бороться с фашистами, тувинские добровольцы писали о желании выступить на защиту своей Родины. Так, в «Обращении отряда тувинских добровольцев, зачисленных в ряды Красной Армии к трудящимся ТНР» 31 августа 1943 г., зачитанном на митинге-проводах на фронт, отмечалось: «С первого дня Великой Отечественной войны братского советского народа

Помощь фронту. Плакат из коллекции Национального архива Республики Тыва.

против немецких захватчиков, мы, как и все трудящиеся ТНР, горели желанием с оружием в руках встать на защиту нашего социалистического Отечества. Теперь наша заветная мечта сбылась»⁸. Отсюда видно, что их отношения к советскому государству принимали форму отношений к своему будущему Отечеству.

Правомерность

Возможно, именно недостаточное раскрытие народного характера движения и учета его породило в постсоветский период суждения о принятии решения как кулуарного и секретного. Согласно такому суждению получалось, что вхождение ТНР в состав Союза СССР и советской России принималось узкой группой руководителей ТНРП и даже единоличным волевым решением генерального секретаря ТНР

**Генеральный секретарь
ЦК ТНРП С. К. Тока**

С. К. Тока, про культ личности которого необоснованно твердили некоторые местные политики и журналисты. Должен здесь отметить, что, изучая советско-тувинские отношения периода 1917-1944 гг., работая над докторской диссертацией, я не мог не заметить, что идея вхождения ТНР в состав СССР ясно и прямо не проводилась ни по межправительственному, ни даже по дипломатическому каналам. По этим каналам из документальных источников о готовящемся присоединении мы ничего не узнаем. И даже, напротив, узнаем о неукоснительном и подчеркнутом соблюдении советской стороной

суверенных прав ТНР. Другое дело – связи по линии ЦК ТНРП – ЦК ВКП (б), особенно партийного руководства двух стран. Остановимся на этом вопросе чуть подробнее.

Прежде всего, изучая роль ЦК ТНРП в принятии решения о присоединении, следует помнить о наличии народного движения за присоединение Тувы к СССР, его массовости и добровольности. Сведения, направляемые тувинским руководством в СССР по этому вопросу опирались на надежные источники. Это были не только результаты наблюдений за текущими событиями внутренней

⁸ НА РТ, ф.1., оп.1, д.1641, л.3-3 об.

политической жизни республики. Конечно, социологические опросы в то время не проводились, но служба безопасности с первых лет ее создания постоянно отслеживала настроения граждан ТНР, их отношение к действиям высшей власти. И это прекрасно видно по сводкам Управления Государственной Политической Охраны (УГВПО, которые ежемесячно направлялись в тувинское правительство [Моллеров 2021, с. 101]. В связи с вышесказанным можно утверждать, что у Малого Хурала ТНР, принимавшего Декларацию о вхождении ТНР в состав СССР были веские основания утверждать, что он выполнял «непреклонную волю и горячее желание всего тувинского народа» [Сейфулин 1954, с. 116]. На это важное политико-правовое обстоятельство обращали свое внимание историк Н.А. Сердобов [Сердобов 1985, с. 220] и авторы коллективного труда «Очерки истории Тувинской организации КПСС» [Очерки 1975, с. 152].

Теперь обратимся к ст. 81. конституции ТНР 1941 г., в которой ТНРП была признана руководящей и направляющей силой тувинского общества и государства [Конституции 1999, с. 90]. Было бы странным, если бы конституционно признанная политическая авангардная партия и ее лидер остались в стороне от переговорного процесса о вхождении Тувы в состав СССР и РСФСР или занимали позицию на втором плане. Напротив, вполне логично, что партия и ее руководство, выражающие интересы народа, его возглавили. А то, что этот процесс не был открытым и хорошо отображенным в печати, объясняется условиями военного времени, конкретными политическими процессами на международной арене. Ниже при раскрытии вопроса о своевременности принятого решения, я остановлюсь на этом моменте чуть подробнее.

Теперь же перейдем к такому важному вопросу, как правовое обеспечение или оформление процедуры вхождения Тувы в состав России. И, понятное дело, главное внимание сосредоточим на правомерности Малого Хурала принимать столь судьбоносное решение. Сторонники точки зрения о нарушении конституционных прав граждан ТНР считают, что вопрос о вхождении ТНР относится только к компетенции Великого Хурала. Но на каком основании так ставится вопрос? На данную его постановку есть достаточно сильные возражения.

Главное из них состоит в том, что по конституции ТНР 1941 г. полномочия Великого Хурала по окончании его работы переходили к

Малому Хуралу. В ст. 17 об этом сказано: «Высшая власть в период между Великими Хурами трудящихся ТНР принадлежит Малому Хуралу» [Конституции 1999, с. 79]. Депутаты Малого Хура, рассматривая вопрос о вхождении, это хорошо осознавали. Данный вопрос специально обсуждался перед принятием декларации о вхождении ТНР в состав СССР. Мы также знаем, что Великие Хуры собирались тогда один раз в три года, а в годы войны, как и съезды Советов в СССР, вообще не созывались. Кроме того, из трех вопросов исключительного ведения Великого Хура, перечисленных в ст. 16 конституции ТНР, X (XI) Великий Хурал реализовал два, а именно утвердил новую Конституцию и избрал членов Малого Хура [Конституции 1999, с. 79].

Что касается третьего вопроса исключительного ведения Великого Хура – основных принципов внутренней и внешней политики, – то такого важного документа он не выработал. Все внимание делегатов съезда было направлено на разработку и принятие Декларации о помощи СССР в Великой Отечественной войне. Таким образом, норма об основных принципах внутренней и внешней политики впервые появилась в конституции ТНР 1941 г. и не получила тогда в ней четкого раскрытия. Но совсем нетрудно понять очевидное. Если бы вопросы внешне- и внутриполитического характера не переходили от Великого Хура к Малому Хуралу, то последний не смог бы управлять страной, был бы беспомощным органом власти.

Конечно, наиболее демократичным было бы проведение референдума или даже плебисцита. На это часто указывают западные авторы, рассуждающие умозрительно, без конкретного знания истории Тувы вообще и ее правовой системы, в частности. Вообще-то, и система международного права, к которой они зачастую апеллируют, в то время еще далеко не сложилась. Зная факты истории, я уверен, что результаты волеизъявления тувинского народа были в пользу присоединения. Но, даже проведи тувинское руководство тогда референдум или плебисцит, у сторонников отрицания правомерности вхождения сегодня нашлись бы другие не менее «веские» аргументы для отрицания их результатов. Об этом красноречиво свидетельствует политическая практика в наши дни. Только о чем здесь спорить, если эти процедуры в конституции и законодательстве ТНР прописаны не были?

Сравнение волеизъявления в ТНР с плебисцитом в МНР [Саая, Сат, 2006, с. 279; Mongush 1993, с. 50] считаю совершенно некорректным,

поскольку сравниваются военное (для Тувы) и мирное (для Монголии) времена, военный 1944 г. и послевоенный период 1945 г., т.е. совершенно разные конкретно-исторические условия внутреннего и внешнего характера. ТНР для проведения широкого волеизъявления потребовалась бы большая работа по пересмотру и дополнению законодательства, взаимные консультации тувинской и советской сторон. Только война на это времени не отпустила. А война – это настолько весомый фактор, что не считаться с ним невозможно.

Все обширные умозрительные рассуждения И. В. Отрощенко о возможности проведения референдума (плебисцита) в связи с этим бесполезны. Всегда настораживает, когда о соблюдении демократических процедур рассуждают современные приверженцы западных ценностей. В связи с этим замечу: остается удивляться, почему И.В. Отрощенко так ратует за референдум во время жесточайшей войны СССР с Гитлером, зная о ситуации с обычными перевыборами В.А. Зеленского на Украине в условиях специальной военной операции (СВО), когда война ни одной из сторон не объявлена.

Своевременность

Таким образом, первое официальное обращение к советскому руководству о принятии Тувы в состав СССР было направлено 26 апреля 1941 г. Тогда оно не перешло в стадию практического решения. О причинах его отсрочки достаточно убедительно сказано в научной монографии Н. П. Москаленко. Она писала, что решению вопроса о присоединении внешнеполитическая обстановка не благоприятствовала. Взять хотя бы такое действие противников СССР, как исключение ее из Лиги Наций. [Москаленко 2004, с. 160-162]. К сказанному можно также добавить, что еще одним камнем преткновения для принятия положительного решения мог служить спорный тувинско-монгольский пограничный вопрос, который на какое-то время даже перерос в личную неприязнь между Чойбалсаном и Тока. СССР, игравший роль арбитра в его разрешении, не мог в тех условиях встать на чью-либо сторону, а значит и поддержать прошение тувинского руководства о вхождении Тувы в состав СССР.

По вопросу о вхождении ТНР в состав СССР и РСФСР Н. П. Москаленко привела точку зрения известных отечественных монголоведов Е. А. Белова и С. Г. Лузянина, согласно которой Сталин хотел решить тувинский вопрос еще до начала Ялтинской

международной конференции, намеченной на февраль 1945 г., чтобы на самой конференции не дебатировать сразу по двум вопросам – монгольскому и тувинскому, а, решив до этого вопрос о принятии ТНР в состав СССР, целенаправленно добиваться независимости МНР. Как нам хорошо известно, задуманное удалось осуществить [Москаленко 2004, с. 161-162].

Для претендовавшего на Туву Китая, находящегося под японской оккупацией, данный вопрос актуальным в 1940-е годы не являлся. В это время первоочередное внимание китайское руководство уделяло военной помощи СССР в борьбе с японской агрессией. Возникшая в 1949 г. КНР никогда официально на Туву не притязала. В период хрущевской «слякоти» китайская сторона поднимала вопрос о спорных территориях, не конкретизируя его, но после заключения российско-китайского пограничного договора 2001 г. она и его общую постановку с повестки международных политических обсуждений сняла. Лишь нынешняя часть Китая – Тайвань – со времен Чан Канши, по-прежнему, считает территорию Тувы своей [Дацышен 2005, с. 8].

Можно согласиться, что и в 1944 г. при выборе времени принятия Тувы в состав СССР советское руководство учитывало внешнеполитическую обстановку. А первоочередное значение для него тогда бесспорно имело предстоящее открытие второго фронта. Когда летом 1944 г. это произошло, и военная операция англо-американских армий «Оверлорд» началась, СССР уже мог действовать без постоянной оглядки на внешний фактор, а именно вернуться к отложенному в апреле 1941 г. вопросу о вхождении ТНР в состав советского государства. В августе 1944 г. вопрос прошел необходимые правовые процедуры внутри тувинского государства и в октябре того же года последовали известные акты о принятии Тувы в состав Советского Союза и России.

Рассекреченный 26 марта 2015 г. доклад-предложение Министерства обороны Российской Федерации «О мероприятиях оборонного значения будущей Тувинской автономной области Красноярского края»⁹ от 6 сентября 1944 г. позволяет дать убедительный ответ тем, кто утверждал, что руководство ТНР и СССР долго не публиковали указы о принятии Тувы в состав СССР и РСФСР, опасаясь негативной реакции на них со стороны тувинского народа. Но, во-первых, задержка была недолгой, и указы в начале ноября уже были

⁹ ЦАМО РФ, ф. 40, оп. 11549, д. 165, л. 133

опубликованы. Еще раньше до их публикации в периодической печати Тувы делались краткие сообщения о проходившем процессе интеграции. О принятии известной Декларации на Чрезвычайной VII сессии Малого Хурала и указах Верховных Советов СССР и РСФСР от 11 и 13 октября писала «Тувинская правда»¹⁰. Во-вторых, приведенный выше документ Министерства обороны Российской Федерации показывает, что небольшая отсрочка, скорее всего, была связана с пересмотром статуса будущей автономной области и проработкой комплекса мер по включению Тувы в состав советского государства. В результате Тува стала не частью Красноярского края, а самостоятельной автономной единицей в составе РСФСР, напрямую подчиненной Москве. А также взгляните на это фото. Митинг-парад в столице ТНР Кызыле в честь вхождения Тувы в состав советского государства проходит до опубликования указов Верховных Советов СССР и РСФСР. Какая здесь секретность?

**На этой старой фотографии снят митинг-парад 27 октября 1944 г.
в честь вхождения Тувы в состав СССР и РСФСР**

Альтернативные суждения

Разбирать подробно суждения всех авторов, не признающих правомочность вхождения Тувы в состав России – это неблагоприятный

¹⁰ Газ. «Тувинская правда» № 1 (1292) от 2 ноября 1944 г., с. 1-2

труд. Достаточно их общей оценки, которая уже дана в статье. Но и забывать активных «героев» идеологической войны будет неправильно. Тем более, что в свое время они своими публикациями как могли отягощали и без того трудное положение народов многонациональной России, не забывая и про Туву.

В начале 1990-х гг., сгущая краски, генеральный директор Института социально-стратегических исследований Анатолий Антонов утверждал: «Непростая ситуация складывается в Туве. Сознательно или нет, но центральная пресса замалчивает положение в этой республике, где назревает взрывоопасный конфликт. Тува имеет ряд характеристик, по которым она очень быстро может выйти из состава России. Во-первых, она находится на границе, то есть нет проблемы анклава, как в Татарстане. Во-вторых, она имеет традиции собственной государственности, поскольку до 1944 г. была самостоятельной. Наконец, очень важно то, что 60 процентов населения – тувинцы¹¹. Чего больше в этом суждении – желания заявить себя пророком или сознательного намерения навредить, судить не берусь.

Вполне однозначно можно говорить о другом авторе, политическое лицо которого к настоящему времени вполне проявилось. Со страниц «Независимой газеты» Виталий Портников, ныне ярый ненавистник России, перебравшийся на Украину, вопреки известным фактам, утверждал, что установить, от кого исходила инициатива вхождения Тувы в состав СССР, трудно. [Анайбан 1999] К сказанному можно добавить, что, игнорируя хорошо известные факты, это сделать совершенно невозможно. Тогда В. Портников получил заслуженную критику от московского этнополитолога Н. П. Москаленко. [Москаленко 2004, с. 162].

Дальше – больше. Некоторые прозападные исследователи, не желая признать, что Сталин в тувинском вопросе переиграл Рузвельта и Черчилля, позже попытались представить дело несостоящим внимания. Так, по мнению ярых сторонников распада СССР и России, таких, как уже забытый в Туве Томас Алаталу, «мир даже не заметил» аннексии Тувы [Москаленко, С. 160]. Под миром Т. Алаталу подразумевал, конечно, Запад. «Указом Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), изданным 13 октября 1944 года, Тува была аннексирована без консультации с тувинским коренным населением», — совершенно необоснованно

¹¹ «Мегаполис-экспресс». № 6 от 10 февраля 1993 г., с. 4).

пишут западные исследователи Алатау и Штрупп [Alatalu, Strupp, 2012]. Пишут и будут писать, пока продолжается идеологическая война против России – страны, которая даже еще не имеет своей идеологии.

Написав немалую по объему статью со своеобразным обзором альтернативных точек зрения на вхождение ТНР в состав СССР та же И. В. Отрощенко признает: «Широкая историографическая база, включающая исследования представителей разных стран и исторических школ, помогает составить по возможности разностороннее представление о неоднозначном и резонансном событии (сколько в этом выражении ожидаемого тумана! – авт.) как советской истории, так и истории стран Востока, по крайней мере, до введения в научный оборот документов, проливающих свет на истинные мотивы советской власти, которыми она руководствовалась, планируя это присоединение, и все обстоятельства этого процесса». Вывод обескураживающий: историографическая база (кагорта авторов) ширится, а источниковая база (документальные и другие источники), не изучается и в научном обороте не задействована. Великому множеству альтернативных точек зрения недостает учета конкретно-исторических условий и документального фундамента. А без всего этого они представляют собой всего лишь идеологические наскоки.

Представление Верховному Совету СССР Малого Хурала ТНР

Заключение

В годы войны Советского Союза против фашистской Германии ТНР, заявившая 26 апреля 1941 г. о своем желании войти в семью народов Советского Союза и России, проявила себя как верный и надежный военно-политический союзник советского государства. Война также показала, насколько тесно оказались взаимосвязаны политические системы и хозяйственные механизмы двух государств. На фронте храбро сражались тувинские добровольцы. За годы войны население Тувы еще больше укрепилось в правильности своего выбора. Время работало на сближение двух стран. И для принятия исторического решения о принятии ТНР в состав советского государства оно было выбрало удачно.

В связи с этим хочу отметить: уже сейчас, даже допуская в дальнейшем выявления новых фактов, можно с полным основанием считать, что вхождение Тувы в состав России произошло добровольно, с учетом действующего в условиях войны права и очень своевременно. А постановка вопроса о том, что присоединение Тувы к СССР и РСФСР совершалось якобы втайне от народа, совершенно надуманна. Для тувинского народа, данный вопрос всегда был «секретом Полишинеля».

Хорошо видно и то, как прозападные и западные авторы стараются предлагать широкий набор идей и разных суждений – от признания односторонним актом присоединение Тувы (аннексии) без каких-либо инициатив от тувинского руководства до обмана народа в обстановке секретности по желанию узкой группы лиц. Но ничего из этого арсенала нельзя убедительно подтвердить фактами. Ни один из этих авторов не обратил внимание на то, что с 1604 г. Тува прошла более чем 4-вековой исторический путь сближения с Россией. [Моллеров 2023, с. 38]

Умозрительным, глубоко не знакомым с историей Тувы суждениям западных и прозападных авторов, как правило, активных и сознательных разрушителей России, не достает конкретно-исторического анализа, прежде всего, внимания к изучению правовой системы молодого тувинского государства, к вопросам конституционного строительства ТНР, решениям его высших органов власти. Они слабо знают или совершенно не знают внутривнутриполитическую жизнь тувинцев 1930-40-х годов. Их мало интересует, что история столь актуального вопроса может быть дополнена новыми, вполне конкретными данными и

освещена более доказательно. У них другая задача – фальсифицируя яркую страницу периода Великой Отечественной войны о вхождение ТНР в состав Советского Союза и России, добиваться ослабления и развала Российской Федерации.

Литература:

1. Анайбан 1999 – Анайбан З. В. Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). Институт этнологии и антропологии РАН.М., 1999. 336 с.
2. Аранчын 1982 – Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму (кон. XIX – 50 г. XX в.). Новосибирск: Наука, СО, 1982. 338 с.
3. Дацышен 2005 – Дацышен В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616-1911 гг. Томск, 2005. 247 с.
4. Доржу, Ондар 2020 – Доржу З. Ю., Ондар Е. М. Российский парламентаризм: региональное измерение (Верховный Хурал Республики Тыва). Томск, 2020. 280 с.
5. Дубровский 1959 – Дубровский В. А. Вхождение Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. VII. С. 285–99.
6. Иезуитов 1955 – Иезуитов В. М. О братской дружбе русского и тувинского народов. Кызыл, 1955. 34 с.
7. Конституции 1999 – Конституции Тувы 1921–1993 гг. Тувинское книжное издательство. Кызыл, 1999. 216 с.
8. Лузянин 2003 – Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. ОГНИ: М., 2003. 319 с.
9. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан, 2021. 304 с.
10. Моллеров 2023 – Моллеров Н. М. Исторические связи Тувы и России в XVII – начале XX в. // Азиатские исследования: история и современность. № 1(5). 2023. С. 35–52 Моллеров 2021 - Моллеров Н. М. Деятельность Управления Государственной Политической Охраны по защите безопасности и суверенитета Тувинской Народной Республики // Аранчыновские чтения.
11. Материалы III-IV чтений. ООО «Тываполиграф». Кызыл, 2021. С. 93–116.
12. Москаленко 2004 – Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука. 222 с.
13. Очерки 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Тувинское книжное издательство. Кызыл, 1975. 408 с.
14. Саая, Сат 2006 – Саая С. В., Сат С. Ч. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан : Хакаское кн. изд-во. 293 с.

15. Сейфулин 1954 – Сейфулин Х.М. Образование Тувинской Автономной области РСФСР. – Кызыл, 1954. 159 с.
16. Сейфулин 1956 – Сейфулин Х. М. К истории иностранной военной интервенции и Гражданской войны в Туве. Тувинское книжное издательство. Кызыл, 1956. 120 с.
17. Сердобов 1985 – Сердобов Н. А. Коминтерн и революционная Тува. Тувинское книжное издательство. 1985. 238 с.
18. Отрощенко 2017 – Отрощенко И. В. Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения// Новые исследования Тувы. № 4. 2017. С. 37–76.
19. Хороший 1974 – Хороший Н. Н. Социалистическая государственность тувинского народа. Тувинское книжное издательство. Кызыл, 1974. 138 с.
20. Alatalu, T. (1992) Tuva. A State Reawakens // Soviet Studies. Vol. 44. № 5. P. 881–895.
21. Alatalu, Strupp 2012 – Alatalu, T., Strupp, Tuva // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]. Vol. 10. Oxford: Oxford University Press, lk. P. 124–127.
22. Alatalu, T. (2013) Geopolitics Taking the Signature from the Russian-Estonian Border Treaty (2005) // Baltic Journal of European Studies Tallinn University of Technology. Vol. 3, No. 2 (14). P. 96–119.
23. Mongush 1993 – Mongush M. The annexation of Tannu-Tuva and the formation of the Tuvinskaya ASSR // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. Vol. XXI. № 2. P. 47–52.
24. Sullivan 1995 – Sullivan S. Interethnic relations in Post-Soviet Tuva. Ethnic and Racial Studies, vol. 18, no.1, pp. 64–88.

References:

1. Anajban, Z. V. (1999) “Mezhnacional'nye otnosheniya v Tuve v 90-u gody (po materialam etnosociologicheskikh issledovanij)” [Interethnic Relations in Tuva in the 90s (Based on Ethnosociological Research)], Institut etnologii i antropologii RAN, Moscow, 336 p. (In Russ.).
2. Aranchyn, Y. L. (1982) “Istoricheskij put' tuvinskogo naroda k socializmu (kon. XIX – 50 g. XX v.)” [The historical path of the Tuvan people to socialism (the end of the 19th – 50th century)], Novosibirsk, Nauka, SO, 338 p. (In Russ.).
3. Dacyshen, V. G. (2005) “Sayanskij rubezh. Yuzhnaya chast' Prienisejskogo kraya i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1616–1911 gg” [Sayansky Frontier. The Southern Part of the Yenisei Region and Russian-Tuvan Relations in 1616–1911], Tomsk, 247 p. (In Russ.).
4. Dorzhu, Z. Y., Ondar, E. M. (2020) “Rossijskij parlamentarizm: regional'noe izmerenie (Verhovnyj Hural Respubliki Tyva)” [Russian Parliamentarism: a Regional Dimension (Supreme Khural of the Republic of Tuva)], Tomsk, 280 p. (In Russ.).

5. Dubrovskij, V. A. (1959) “Vhozhdenie Tuvinskoj Narodnoj Respubliki v sostav Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik” [The Entry of the Tuvan People's Republic into the Union of Soviet Socialist Republics], *Uchenye zapiski TNIIYaLI*, Vyp. VII, p. 285–299. (In Russ.).
6. Iezuitov, V. M. (1955) “O bratskoj družbe russkogo i tuvinskogo narodov” [About the Fraternal Friendship of the Russian and Tuvan Peoples], Kyzyl, 34 p. (In Russ.).
7. Konstitucii, (1999) – “Konstitucii Tuvy 1921-1993 gg”. [Constitution of Tuva 1921-1993.], Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 1999, 216 p. (In Russ.).
8. Luzyanin, S. G. (2003) “Rossiya — Mongoliya — Kitaj v pervoj polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg”. [Russia — Mongolia — China in the First Half of the 20th Century. Political Relations in 1911–1946.], OGNI, Moscow, 319 p. (In Russ.).
9. Mollerov, N. M., Natsak, O. D., Samdan, A. A. (2021) “Po puti narodovlastiya: predstavitel'no-zakonodatel'naya vlast' Tuvy (predparlamentskij period)”. [On the Path of democracy: the representative legislative power of Tuva (pre-parliamentary period)], Abakan, 304 p. (In Russ.).
10. Mollerov, N. M. (2023) “Istoricheskie svyazi Tuvy i Rossii v XVII – nachale XX v. [Historical Ties Between Tuva and Russia in the XVII – Early XX Centuries”], *Asian Studies: History and modernity*, No. 1(5), 2023, p. 35–52. (In Russ.).
11. Mollerov, N. M. (2021) “Deyatel'nost' Upravleniya Gosudarstvennoj Politicheskoy Ohrany po zashchite bezopasnosti i suvereniteta Tuvinskoj Narodnoj Respubliki” [Activities of the Department of State Political Protection for the Protection of Security and Sovereignty of the Tuvan People's Republic], *Aranchynovskie chteniya, Materialy III-IV chtenij*, OOO «Tyvapoligraf», Kyzyl, p. 93–116. (In Russ.).
12. Moskalenko, N. P. (2024) “Etnopoliticheskaya istoriya Tuvy v XX veke”. [The Ethnopolitical History of Tuva in the Twentieth Century], Moscow, Nauka, 222 p. (In Russ.).
13. Ocherki (1975) – “Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS” [Essays on the History of the Tuvan CPSU Organization], Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 408 p. (In Russ.).
14. Saaya, S. V., Sat, S. Ch. (2006) “Geopoliticheskij status Tuvy v pervoj polovine XX veka (1911–1944 gody)” [The Geopolitical Status of Tuva in the First Half of the 20th Century (1911-1944)], Abakan, Hakasskoe kn. izd-vo, 293 p. (In Russ.).
15. Sejfulin, H. M. (1954) “Obrazovanie Tuvinskoj Avtonomnoj oblasti RSFSR” [Formation of the Tuvan Autonomous Region of the RSFSR], Kyzyl, 159 p. (In Russ.).
16. Sejfulin, H. M. (1956) “K istorii inostrannoj voennoj intervencii i Grazhdanskoj vojny v Tuve” [On the History of Foreign Military Intervention and the Civil War in Tuva], Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 120 p. (In Russ.).

17. Serdobov, N. A. (1985) “Komintern i revolyucionnaya Tuva” [The Comintern and Revolutionary Tuva], Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 238 p. (In Russ.).
18. Otroshchenko, I. V. (2017) “Vhozhdenie Tuvy v sostav SSSR: al'ternativnye mneniya” [Tuva's Entry Into the USSR: Alternative Opinions], New Research of Tuva, no. 4, p. 37–76. (In Russ.).
19. Horoshij, N. N. (1974) “Socialisticheskaya Gosudarstvennost' Tuvinskogo Naroda” [Socialist Statehood of the Tuvan People], Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 138 p. (In Russ.).
20. Alatalu, T. (1992) Tuva. A State Reawakens, *Soviet Studies*, vol. 44, no. 5, p. 881–895.
21. Alatalu, T., Strupp, (2012) Tuva. *Max Planck Encyclopedia of Public International Law* [MPEPIL], vol. 10, Oxford, Oxford University Press, lk, p. 124–127.
22. Alatalu, T. (2013) Geopolitics Taking the Signature from the Russian-Estonian Border Treaty (2005). *Baltic Journal of European Studies Tallinn University of Technology*, vol. 3, no. 2 (14), p. 96–119.
23. Mongush, M. (1993) The annexation of Tannu-Tuva and the formation of the Tuvinskaya ASSR. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. XXI, no. 2, p. 47–52.
24. Sullivan, S. (1995). Interethnic relations in Post-Soviet Tuva. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 18, no. 1, p. 64–88.

Информация об авторе:

Николай М. Моллеров, доктор исторических наук, научный руководитель, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. e-mail: n.m.mollerov@mail.ru
Author ID РИНЦ: 990782.

*Information about the author: Nikolay M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Scientific Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov St., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.
E-mail: n.m.mollerov@mail.ru*

© Моллеров Н. М., 2024

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 398

ОНДАР ДАРЫМАНЫҢ ААС ЧОГААЛ ӨНЧҮЗҮНҮҢ ТЫВА ЭРТЕМГЕ УЖУР-ДУЗАЗЫ (ЗНАЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ ОНДАРА ДАРЫМА ДЛЯ ТУВИНСКОЙ НАУКИ)

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samdan-sn@yandex.ru

Аннотация: В данной статье автор на основе своих предыдущих статей и новых публикаций о собирателе тувинского фольклора О. К.-Ч. Дарыме впервые приводит обобщенный научный анализ собранного им материала. В результате анализа автор приходит к выводу, что многогранную деятельность О. К.-Ч. Дарымы необходимо рассматривать в системе традиционной культуры тувинского народа и продолжить изучение его наследия с точки зрения новых подходов современной фольклористики.

Ключевые слова: Ондар Дарыма, собиратель тувинского фольклора, многогранность личности, значение трудов

Для цитирования: Самдан З. Б. Ондар Дарыманың аас чогаал өнчүзүнүң тыва эртемге ужур-дузазы // Азиатские исследования: история и современность. 2024. № 3 (11). С. 30–44. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-30-44

THE IMPORTANCE OF THE FOLKLORE HERITAGE OF ONDAR DARYMA FOR TUVAN SCIENCE

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand.of Sci. (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, samdan-sn@yandex.ru

Abstract. In this article, the author, based on his previous articles and new publications about the collector of Tuvan folklore O. K.-C. Darym, for the first time provides a

generalized scientific analysis of the material he collected. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the multifaceted activities of O.K.-C. Daryma should be considered in the system of traditional culture of the Tuvan people and continue to study their heritage from the point of view of new approaches of modern folklore.

Keywords: Ondar Daryma, Tuvan folklore, the versatility of personality, the significance of works.

For citation: Samdan, Z. B. (2024) “The Importance of the Folklore Heritage of Ondar Daryma for Tuvan Science” // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (11), p 30–44. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-30-44

Кириилде

Тыва аас чогаалының сураглыг чыыкчызы О. К.-Ч. Дарыманың 90 хар оюнга тураскааткан эртем-практиктиг конференцияга оон арттырып каан байлак өнчүзүнүң эртемге ужур-дузазының дугайында ниитизи-биле сайгарып түннээри тыва фольклористиканың амгы үеде сайзыралынга эргежок чугула айтырыг бооп турар. Моон мурнунда шинчилелдерге оон ажылын эртем езузу-биле чедир үнелевейн турганын барымдаалааш, амгы үе-чадада ол байлак өнчүнү чаа көрүш-биле үнелеп сайгарар айтырыгны бо чүүлдүң сорулгазы кылдыр салдывыс.

Ук сорулганы боттандыраы-биле, тодаргай барымдааларга даянып тургаш, дараазында айтырыгларга харыылаарын чугулалап ажылды үш тургузуглуг кезекке чардывыс: 1) О. К.-Ч. Дарыманың байлак өнчүзүн тудуштуруп турар кижиле биле бойдустуң харылзаалыының дугайында кол идея тыва улустуң сүлде-сүзүүнүң дөзүндө деп бодалды тодарадыры; 2) ону чүгө “улусчу эртемден” деп үнелээнин тодаргай фактылар-биле шынзыдары; 3) эртемденниң аас чогаалды чыыр, парлаар, шинчилээр талазы-биле ажылдарының база оон дугайында ажылдарның үе-чадалары; тыва эртемге киирген үлүг-хуузунуң бүгү Россия болгаш делегей чергезинче үнгенин бадыткаары болгаш ол өнчүнү эртем ёзузу-биле улаштыр шинчилээриниң айтырыглары.

Тыва чоннуң сүлде-сүзүүнүң кадагалакчызы

“Чавынчактың адаанга

кандыг-даа аът турар.

Самдар хөрөктээштиң иштинге

кандыг-даа эр олурар”.

/Тыва улустуң үлегер домаа/

О. К.-Ч. Дарыманың 90 харлаан мугур оюн 2024 чылдың апрель 10-да, ооң төрөөн институту ТГТШИ (Эрги аттары ТДЛТЭШИ, ТИГИ), кады ажылдап чораан коллегалары, өөреникчилери, чалаттырган аалчылар, бүгү тыва чон-биле кады эртем конференциязы кылдыр эрттиргени – улусчу эртемденге хүндүткелдин демдээ база ол ышкаш аас чогаалының чидиг айтырыгларын сайгарып чугаалажырынга эптиг байдалды берип турар хемчег-дир деп демдеглээри чугула.

О. К.-Ч. Дарыманың байлак өнчүзүнүн ниити үнелели, ылаңгыя эртем деңзигүүрү, амдыызында чедир кылдынмаан бооп турар. Ынчангаш бо чүүлдү бижип турар кол сорулгавыс – моон мурнунда үнген статьяларывысты уламчылап [Самдан, 2004, 2010], ооң аас чогаал өнчүзүнүн эртемге уjur-дузазын тодаргай факт-барымдааларга даянып тургаш, ниитизи-биле түңнөп сайгарары.

Бо теманы көдүрери чүге чугула бооп турарыл?

Тыва улустун эгээртинемес байлак аас чогаалындан чыгдыгган материалдарны эртем талазы-биле чурумчудар ажылды 1970 чылдарда А.К. Калзанның удуртулгавыс-биле эгелээн турган. Ол ажылды чаа деңнелче көдүрери – амгы үеде тыва фольклористиканың чугула айтырыгларының бирээзи. Ынчангаш чыылда ажылының таваан салган эртемденнерниң, бистиң башкыларывыстың, оларның аразында О.К.-Ч. Дарыманың улуг деңзигүүрлүг аас чогаал өнчүзүн үнелээрде чаа көрүш негеттинип турар. Ону амгы үеде тыва үндезин культураның ниити сайзыралы-биле холбап, чаңгыс эртем системазының кезии кылдыр шинчилээри кедилиг үндезин-дөс болур. Чүгле ынчан О. Дарыманың эртемге киирген үлүг-хуузу долугу-биле ажыттынар.

Ол хөй талалыг өнчүнүн дөзүндө кандыг үзел-бодал илереттингенил, ону кандыг идея тудуштуруп турарыл?

Тыва улустун бурунгу көшкүн амыдыралыңа үндезилеттинген октаргай көрүүшкүнүндө кижиле биле бойдустун тудуш харылзаазының дугайында кол идея илереттинген. Ындыг үзел-бодал тыва амыдыралда кайгамчыктыг быжыг дазылдыын бадыткаан. Тываларның бот-тускайлаң менталитетинин, үндезин культуразының база уран чүүлүнүн кол ылгавыр демдээниң дөзүндө бо үзел-бодал өзек бооп кадагалаттыгган бооп турар. Ооң ачызында Тываның бойдузу, тыва улусчу болгаш профессионал уран чүүл тываларның онзагай байлаа бооп бүгүде чоннарга тывалар тывызыксыг чон, Тыва чер кайгамчыктыг оран деп үнелел сөөлгү үеде көскүзү-биле илереп эгелээн.

Сөөлгү 30 чылдарның дургузунда тыва улустун чидип бар чыткан материалдыг болгаш сагыш-сеткил культуразының чиңгине шынарлары чоорту эглип кээп сайзыралды алганын амгы үениң амыдыралындан көрүп чор бис. Бөгүнгү тыва амыдыралда Тываның агаар-бойдузунга, чоннуң ажыл-амыдыралынга таарымчалыг тыва хеп, тыва чем, тыва эт-сеп, оран-сава; тыва оюннар, тыва байырлалдар, тыва ёзулалдар хүн бүрүнүң амыдыралында калбаа-биле ажыглаттынып турар апарганы илези-биле көскү апарган.

Делегейниң хөй чоннарының янзы-бүрү культураларын деңге хүндүлөп хүлээп ап турарывыс-биле чергелештир тывалар боттарының деңгел-шыдалын өске чоннарның сайзыралы-биле деңнеп, дескиндир хүрээлелче көрүжү алгып, национал үндезин-дөзүн үнелээри күштелген. Ол дээрге чоннуң мен тыва мен деп бот-медерелиниң өскениниң, сүлдесүзүүнүң бедээниниң херечизи-дир.

Мындыг эргилдениң амыдырал кырынга боттанырынга тыва гуманитарлыг эртемниң, ооң эртем ажылдакчыларының, киирген үлүг-хуузу канчаар-даа аажок улуг. Оларның аразында бир онзагай кижиге бар.

Тываның бүгү булуңнарында чурттап чоруур чон-биле хөй чылдар дургузунда эң-не сырый харылзааны тудуп келген, улустун аас чогаалының эгээртинмес байлаан чогуур үезинде чыгташ, алдын өнчү кылдыр чонунга, чаа салгалдарга арттырып каан шылгараңгай кижилерниң бирээзи – Ондар Киш-Чалааевич Дарыма ол. Ынчангаш ону улусчу эртемден деп адаан ужуру-даа ында.

Улусчу эртемден деп адаанының баажызы чүдел дээр болза, ооң чажыды – чону-биле хини тудужунда. Чиңгине тыва кижиниң эң-не эки мөзү-бүдүжүнүн, аажы-чаңының – биче сеткилдии, бөдүүнү, чөпшүлү, хүндүлээчели, эвилең-ээлдээ, кээргээчели, дузааргаа – чаңгыс кижиде мөөңнеттингенинде. Ооң хөй талалыг салым-чаяаны; чурттап эрткен чуртталгазы, кылып каан ажылы бүгү чонга үлегерлиг, өөредиглиг, өгбелериниң сүлдесүзүүн кадагалап арттырып алганы-биле амгы үеге чедир тыва чоннуң хей-аъдын көдүрүп чоруур кижилерниң бирээзи ол деп бодаар мен.

Чоннуң база эртемденнерниң үнелээни-биле алырга, улусчу эртемден О. Дарыма – тыва аас чогаалының эдилекчизи, чыыкчызы, шинчээчизи; улусчу ёзу-чаңчылдарының суртаалчызы, чогаадыкчы, күүседикчи, хөгжүмчү, хөөмейжи; оытчу, төлгечи, хуваанакчы,

чурагайжы, метеоролог, натуралист; улусчу эмнээшкинниң башкызы, улусчу педагог, улусчу психолог, улусчу дипломат; сарыг шажын өөредииниң билдилиг башкызы д.о.ө. [Улусчу эртемден, 2004].

Ооң бо бүгү хөй янзы салым-чаяанының үнгөн дөзү – аас чогаалында.

Аас чогаал өнчүзүнгө чүү хамааржырыл?

“Арыг сеткил, арын-нүүрү –

Алдын безин бараадашпас.

Эргим чонга ынак боорга,

Эриг баарлыг, чыпшык болур...” /О. Дарыманың шүлүктөрүндөн/

О. Дарыманың чуртталгазының алыс утказы – тыва улустун кайгамчыктыг аас чогаалын чыыр ажыл – чүрээнден үнгөн сонuurгалы болганында.

Кандыг чылдагааннар ооң ындыг сонuurгалын хевирлээнил?

Б и р э э д е, ук-ызыгуур төөгүзүнден, аас чогаал делегейинге өзүп-доругуп кижизиттингенинден ала чайгаар ооң алыс күзел-соруу, ынаныжы, ажыл-агыйы аас чогаал-биле тудуш болган. Кырган-авазы Монгуш Инежик (Чаштыг-Кадай) тоолдаар, тывызыктаар, ачазы Ондар Киш-Чалаа (Чалаа-Мөге) хам уктуг аңчы, одучу, тоолчу, хөгжүмчү, хөөмейжи, авазы Балбыр уруу Серемаа ус-шевер, ырлаар, тоолдаар. Даайлары: Дажыма-хүндү алдан-маадырларның бир кол баштыңы; Лопсан-Чинмит, Севээн-кешти төвүт чуртунуң төвү Лхасага өөренип чораан эртем-билиглиг лама-башкылар д.о.ө.

И й и д е, О. Дарыманың өгбелерниң буян-кежиин шингээдип алгаш, чонунга кадагалап арттырарынгa XX чүс чылдың 2-ги чартыында тыва ниитилелге, тыва эртемге тургустунган таарымчалыг байдал улуг рольду ойнаан. 1960-1990 чылдарда, О. К.-Ч. Дарыманың ТДЛТЭШИ-ге ажылдап турган үезинде, институтту удуртуп турган эртемденнер Н.А. Сердобов, Ю.Л. Аранчын, Д.А. Монгуш, А.К. Калзан д.о.ө. аас чогаал чыыр ажылды чугулалап көрүп, ыракшылдыг бодал-биле идепкейлиг чыыкчының чончу салым-чаяанын бүгү талазы-биле деткип келгени үре-түңнелдиг болган.

Ү ш т е, О. К.-Ч. Дарыманың чуртталгазының оруунга таварышкан үжилери, башкылары база улуг тоолчулар-биле ужуражып чаңгыс демниг ажылдааны улуг салдарлыг болган. Ол бодунуң үжилери Э. Кечил-оол, Д. Кысыгбай, Сарыг-Хаа д.о.өскелер-биле бедик хей-аъттыг,

харын-даа чижилге хевирлиг чыылда ажылын чорудуп келгеннер. Тываның сураглыг тоолчулары О. Чанчы-Хөө, О. Маңнай, Т. Баазаңай, М. Хүргүл-оол, С. Самбуу д.о.ө. хөй санныг информантылар ~ медээ берикчилери-биле ажылдааш, аас чогаалының үнелиг сөзүглелдерин бижээн, күүседикчилерниң чажыттарын ажыткан. Тыва улустуң сагыш-сеткил культуразын, езу-чаңчылдарын, шажын-чүдүлгезин билдилик билир лама-башкылар Куулар Шымбай-оол, Хомушку Кенден-Сүрүң, Оюн Люндуп, Сандак-Казак д.о.өскелер-биле эгин кожа ажылдап, тыва чоннуң угаан-медерелин чырыдар, сүлде-сүзүүн көдүрер ажылды база кылып келген.

О. К.-Ч. Дарыма чыылда ажылын моон соңгаар үспейн эртем езузу-биле уламчылаар сорулга-биле хөй санныг фольклористерни, чыыкчыларны углап-баштап өөреткен. Ооң өөреникчилеринге Ч. Куулар, Э. Ооржак, Б. Бүдүп, М. Татаринцева, З. Кыргыс, З. Самдан, С. Орус-оол, А. Донгак, В. Салчак, Г. Золбаяр д.о.ө. хамааржыр. Оларны дамчыштыр У. Донгак, М. Кунгаа, Ч. Чондан, А. Дугаржап, У. Өпей-оол, Б. Баярсайхан д.о.ө. чыылда ажылынга башкының дуржулгазын шиңгээдиپ алыр аргалыг болганнар. Чыылда ажылындан аңгыда оларны тыва амыдыралдың янзы-бүрү талаларын, бөдүүн чоннуң сагыш-сеткилин, бойдустуң чажыттарын хандыр билип алырынга ол өөреткен.

О. К.-Ч. Дарыманың чыгганы ТГТШИ-ниң Эртем архивинде Аас чогаал фондузунда шыгжаттыг материалдарның саны дыка хөй. Ол өнчүнүң ниити даңзызының сан-түнү амдызында тодаргай тургустунмаан, долу чурагайжыдылгаже шилчиттинмээн бооп турар.

Парлалгага үнген материалдарның 2012 чылга чедир долу айтыкчызын библиотекарьлар З. М. Монгуш биле Ч. Ч. Норбу эртем езузу-биле тургузуп кылгаш 230 ажылдың даңзызын 2014 чылда үндүргени дыка ажыктыг бооп турар [Ондар Дарыма Киш-Чалааевич – эртинге чыыкчызы ..., 2014]. Ол библиографияга даянгат сайгарып көөрге, О. Дарыманың аас чогаал бижимелдериниң чырыкче үнгенин 2 үе-чадага чарып болур. Бирги үе-чадага 1960-2000 чылдарда бодунуң киржилгези-биле кылган ажылдарны хамаарыштырып болур. Ийиги үе-чадага 2000-2012 чылдарда колдуунда ооң юбилейлери-биле холбап парлаан аас чогаал сөзүглелдери болгаш ооң дугайында шинчилелдер хамааржыр.

Бирги үе-чадада О. К.-Ч. Дарыманың тургусканы тывызыктар чыындылары [Тывыңарам, тывыңарам, 1968], тоолдар чыындылары [Тыва тоолдар, 1968 д.о.ө.] – ниитизи-биле сес ажыл чырыкче үнген.

Ийиги үе-чадада О. Дарыманың мооң мурнунда юбилейлерин институт, өг-бүлезиниң бот идепкейлиг киржилгези-биле доктаамал эрттирип турганының түңнелинде, элээн хөй ажылдар кылдынган.

Эртем-нептерелдиг үндүрүлгелерден 2004 чылда Ч. О. Адыгбайның тургусканы, В. С. Салчактың эге чүүлүн бижээни, У. А. Донгактың редакторлааны “Улусчу эртемден – Ондар Дарыма” деп чыынды эртемденниң ук-ызыгуур төөгүзүнүн, кылган ажылынын, кижиги бүдүжүнүн дугайында эң-не долу болгаш бедик шынарлыг белеткээн ном болган. Чыындының 2-ги үндүрүлгези 2014 чылда үнген [Улусчу эртемден, 2004, 2014].

Ийиги үе-чадада эң-не дүжүткүр чылга О. Дарыманың 80 хар оюнга тураскааткан 2014 чылда үнген ажылдар хамааржыр. Ол болза үстүндө адаанывыс библиографтыг айтыкчы, С. М. Орус-оол биле М. Б. Кунгааның тургусканы “Тыва тоолдар” (О.К-Ч. Дарыманың чыып бижээн материалдары) деп чыындыда 32 тоол парлаттынган [Тыва тоолдар, 2014]. 2014 чылда институт О. Дарыманың аас чогаалдың янзы-бүрү жанрларындан чыып бижээни ТГШИ-ниң Эртем архивинден материалдарны бичии уругларга таарыштырып чурук каасталгалыг дөрт чыындыны тус-тузунда үндүрген: “Алгыш-йөрээлдер” (Ч. С. Чондан тургускан), “Үлегер домактар” (В.С. Салчак тургускан), “Тывызыктар” (А. Т. Дугаржап тургускан), “Ыры-кожамыктар” (У. А. Донгак тургускан). Дөрт чыындыны З. Б. Самдан редакторлаан [Алгыш-йөрээлдер, 2014 д.о.ө.].

Эртемге ужур-дузаны чүдөл?

“Өндүр улуг тоолчуларның арттырып каан

Өйлей бузар “үүжезин” хумагалап,

“Кезер-Мерген”, “Бора-Шээлей”, “Бокту-Кириш”

Келир чааштың өнчүзү бооп дамчып чорзун” /З. Намзырайның шүлүүндөн/

Тыва улустуң аас чогаалы чондан үнгеш чонче дедир эглип келирин үстүндө демдеглээнвис О. Дарыманың чыгган бижимелдери, парлалгага үнген номнары бадыткап турар. Үениң шапкын хөгжүлдезин барымдаалап, тыва аас чогаалдың чон аразынга тараан ийи хевирин ийи үе-чадага үзүп болур. Бирги үе-чадада бурунгу үеден XX чүс чылдың 2-ги чартынынга чедир улустуң аас чогаалы Тывага шаандан тура

салгалдан салгалче дамчып колдуунда аас-биле тараан турган болза, оон бээр ХХI чүс чылдың баштайгы дөрт кезиинге чедир ийиги үе-чада эгелээн – ол эртинелер колдуунда бижимелдер, номнар дамчыштыр тараарынче шилчээн. Өскээр чугаалаарга, аас чогаалы дириг тураскаалдар турганындан бижимел тураскаалдарже колдадыр шилчип эгелээн. Бурунгунуң аас чогаалын бижик кырынга кадагалап арттырып, мөңгөжидип, чонга эгидеринге эртемниң ужур-дузазы канчаар-даа аажок улуг.

Бо шилчилге үезинде тыва эртемниң сайзыралынга О. Дарыманың киирген үлүг-хуузу оон улуг деңзигүүрлүг салышкыннары-биле көскү черни ээлеп турар дээрзин бо чүүлге бир-ле дугаар ниитизи-биле бадыткаарын шенеп көрээлиңер.

Б и р э э д е, О. Дарыманың аас чогаал өнчүзү чүгле аас чогаал шинчилээринге эвес, харын гуманитарлыг эртемниң бүгү адырларының – дылдың, төөгүнүң, езу-чаңчылдарның, шажын-чүдүлгениң айтырыгларын өөренип көөрүңге, тыва улустуң үндезин культуразын чаңгыс системага шинчилээринге үнелиг үндезин-дөс болуп турар.

И й и д е, О. Дарыманың чыгганы аас чогаалы А. Калзанның эртем школазының таваан салырынга чугула үндезин болган. Ол А. К. Калзанның эртем удуртулгазы-биле институттуң 1960-1980 чылдарда организаастааны хөй экспедицияларга киришкен; 9 удаа эрткен Республиканың тоолчуларының болгаш ыраажыларының слёттарының (чыыштарының) чедизинге киржип эрттиришкен; аас-чогаалының янзы-бүрү жанрларының чыындыларын тургузуп үндүрүшкен – бо бүгү ажылы-биле тыва фольклористиканың эге чадазында база шапкын хөгжүлдезиниң үезинде сайзыралының быжыг таваан салышкан.

Ү ш т е, тыва аас чогаалының Бүгү Россия база делегей деңнелинче үнеринге О. Дарыманың чыгганы материалдардан шилиттинген аас чогаал сөзүглелдери улуг рольду ойнаан. Ол болза – Россияның Эртемнер академиязының Сибирьде салбырының организаастааны, Новосибирск хоорайда “Эртем” деп ном үндүрер черге үнген “Сибирь болгаш Чөөн чүк улустарының аас чогаалының тураскаалдары” деп 60 томнуг академиктиг серияга орус, тыва ийи дылга үнген 3 тыва томнарда О. Дарыманың чыгган материалдары элээн хөй санныг кирген: 1994 чылда чырыкче үнген “Тыва улустуң тоолдары” деп (3. Б. Самдан тургускан) томда О. Дарыманың бижээни бир тоол, тоолдар вариантылары кирген [Тувинские народные сказки, 1994]; 1997 чылда үнген “Тыва маадырлыг тоолдар” деп (С. М. Орус-оол тургускан) томда 1959 чылда О. К.-Ч. Дарыма биле

Д. С. Кууларның улуг тоолчу Ооржак Чанчы-Хөөден бижиткени “Хунан-Кара” деп 5440 одуруглуг маадырлыг тоолу [Тувинские героические сказания, 1997]; 2010 чылда үнген “Тываларның бурун-чугаалары, тоолчургу чугаалары, төөгү чугаалары” деп (Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. . Юша тургускан) томда ооң бижиткени он сөзүглел кирген [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010]. Делегей чергелиг эдиция үндүрүлгелеринин аразында (эртем талазы-биле улуг серияларның үндүрүлгези) бедик үнелелди алган академиктиг серияда кирген тыва томнар тыва фольклористиканың сайзыралын Бүгү Россия деңнелинче көдүрген [Фольклор и литература Сибири..., 2001]. А. Калзанның Эртем школазының адын шынзыдып тодарадырынга ук томнар үндезинниг барымдаалар болган [Самдан, 2015].

О. Дарыманың аас чогаал өнчүзүн амгы үениң амыдыралынга база гуманитарлыг эртемниң негелделеринге дүүштүр үре-түңнелдиг ажыглаар сорулга-биле чаа дилээшкиннерни уламчылаарын үе негеп келген. Ол ажылды фундаменталдыг эртемниң теориязын ханыладыр шинчилевишаан, тыва амыдыралда тургустунуп келген чидиг айтырыгларга харыыны бээри – амгы үеде фольклористиканың база бир кол сорулгасы бооп турар.

Чаа дилээшкиннерниң чугулазын тоол шинчилелиниң чижээнге сайгарып көрээлиңер. Тыва дылдың дүвүрелдиг байдалы-биле холбашкан чамдык билдинмес айтырыгларны тайылбырлаарын номчукчу чон көдүрүп турар апарганы чаа амыдыралдың бир демдээ бооп турар. Бир талазында, ада-иелер тыва дылды, чугаа-домакты тоолдуң байлак дылын дамчыштыр уруглар кижизидилгезинге шын ажыглаар дээш боттарының сонuurгалын илередип турары өөнчүг болбайн аан. Өске талазында, чамдык тоолдарның утказы-биле холбаалыг чидиг айтырыгларга бөдүүн харыыны бээри ындыг-ла амыр эвес.

Ол кандыг айтырыгларыл дээр болза, бир чижектен ап көрээлиңер. “Чүге чамдык тыва тоолдарда мегечи, кажар, дерзии тоол маадырлары хөй таваржып турарыл? Уруглар кижизидилгезинге ындыг сюжеттиг тоолдарны канчаар ажыглаарыл?” – деп номчукчулар бо-ла айтыра бээр. Бо айтырыгга харыыны чүгле тоол шинчилээр эртем талазы-биле теоретиктиг ажылдарга даянып тургаш, билдингир харыыны берип болур. Ону тодарадырда, бүгү делегей улустарының тоолдарында нештеренгей, эң-не бурунгу шагның тоолдарынга хамааржыр о в у у з у н н у г м а а д ы р л а р деп (трикстерские персонажи) тускай окур-хевирлерни тыва тоолдарның чижээнге сайгарып тургаш, тайылбырлаары негеттинип турар.

Өске чоннарның тоолдарында ышкаш тыва аас чогаалында шаандагы үеден бээр нептереңгей “Аргалыкты биле Күжүлүктү”, “Дөң-Хөөжүк”, “Чылбыга кадай” дээн чижектиг тоолдарда (делегей улустарының тоолдарында Иван-дурак, Арлекин, д.о.ө.) тенек, кажар, оптуг, мегечи тоол маадырларының овор-хевирлеринде эң-не бурунгу элдээрткен ханы кижизидикчи утка сиңген бооп турар.

О. Дарыманың Сүт-Хөлдүң сураглыг тоолчузу Ооржак Маңнайдан бижиткени “Чечен-Маанай, Тенек-Тулуң” деп тоолу мифтен үндезилеттинген овуузуңнуг овор-хевирлерни чуруп көргүскен. Бо тоол тыва аас чогаалында эң-не бурунгу ховар (архетип) сюжеттериниң бирээзи болганы-биле шилиттингеш, үстүндө адаанывыс “Тыва улустуң тоолдары” деп академиктиг томче кирген [Тувинские народные сказки, 1994]. Ынчангаш бо тоол О. Дарыманың адын аалдан академия чедир сурагжыткан тоолдарның бирээзи болган.

Бо тускай нарын овор-хевирлерниң тыва фольклористикада амдыызында шинчилеттинмээнин барымдаалааш, оларны чоокку үеде шинчилеп тайылбырлаар сорулганы литература сектору планнап алган.

О. Дарыманың чыгганы аас чогаал өнчүзүңге даянып алгаш кандидат база доктор эртем адын камгалап ап турар кадрлар саны немежип турары, чаа монографиялар бижиттинип турары өөрүнчүг; эвээш-даа болза, чаа номнар үнүп турар (чижээ, делегей чергелиг “Улуг торгу оруу” деп төлевилелге Москвада Марджани аттыг фондуга орус дылче очулдуртунган “Песни тайги” деп чурук каасталгалыг тоол ному (З. Б. Самдан тургускан) 2018 чылда үнген [Песни тайги, 2018]; Якутияга “Хунан-Кара” деп тыва маадырлыг тоол орус болгаш якут дыл кырынга үнген [Хунан-Кара, 2022] д.о.ө.

Эртем шинчилелдеринге, аас чогаалыңга даянып амыдырал кырынга боттандырып турар чаартылгалар база бар. Каш чижектен ап көрээлиңер: тыва тоолдарның сюжединде делгереңгейи-биле чуруттунган хүреш, аът чарыжы, ча адаары дээн чижектиг мөөрейлерден аңгыда, уттундуруп бар чыткан б а г а д а р ы мөөрейни; тевек, кажык, буга шыдыраадан аңгыда, с ө ө к к а г а р ы дээн чижектиг тыва оюннарны Тыва үндезин культура төвү калбаа-биле нептередип эгелээни кончуг эки. База ол ышкаш бурунгу тыва ёзулалдардан хем кежерде сүзүглээр х а р т ы г а й л а а р деп чалбарыг езулалын ТГТШИ-ниң Эртем архивинден алгаш (О. Дарыманың-даа, З. Кыргыстың-даа бижимелдери бар), А. А. Монгуштуң удуртулгазы-биле эртемге үндезилээн барымдаалыг кинону 2023 чылда үндүрүп, бурунгу ёзулалды диргискен.

Эртемге хүндүткел – чоннуң арны

“Арат чонум алдын сөзүн

Архивтерде шыгжап каан мен.

Аныяктар, келир үе

Аңаа таалап, сеткил ханзын!”/О. Дарыманың шүлүктөрүндөн/

Чон-биле эртемниң аразында дорт харылзаа быжыг болур болза, эртемге хүндүткел – чоннуң арны бооп, ооң бот-медерелиниң деңнелин илередир күш болур-дур деп алыс шынны О. Дарыманың эрткен оруу, арттырып каан буян-кежи, ат-алдары шынзыдып турар-дыр. Улусчу эртемденниң үежилери бооп, ооң ачы-хавыязын көргөн дириг херечилери болганывыс – бистин аас-кежиивис-тир деп, бо улуг кежикти утпас ужурлуг бис.

Түңнелдер

О. К.-Ч. Дарыманың аас чогаал өнчүзүнүң тыва эртемге ужур-дузазын сайгаргаш, дараазында түңнелдерни үндүрдүвүс:

Б и р э э д е, башкывыстың 90 харлаан юбилейин демдегеп тургаш, ооң тыва эртемге киирген үлүг-хуузу канчаар-даа аажок улуг дээрзин база катап түңнөп чугаалаары чугула: экспедицияларны, слеттарны эрттиреринге үре-түңнелдиг ажылдааны-биле А.К. Калзанның эртем школазының таваан салышкан; ооң бижимелдери эң-не бурунгу чингине тыва сөзүглелдерге хамааржыр болганындан шилиттингеш, академиктиг серияның тыва томнарынче кирген; үш салгалдың фольклористерин, аас чогаал чыыкчыларын уштап-баштап өөреткен, оларның аразындан академиктиг томнарның тургузукчу-авторларынга билдилик сүмелекчи бооп серияның эртем тайылбыр кезээнге киришкен.

И й и д е, О. Дарыманың аас чогаал өнчүзүн чаа көрүш-биле сайгарып көөргө, үе эрткен тудум ооң бижимелдери чаа-чаа арыннары-биле ажыттынып, үнези улам тода билдинип, амгы болгаш келир үениң эртем ажылдакчыларынга чаа шинчилелдер кылырынга бүзүрелдиг үндезин бооп артпышаан.

Ү ш т е, ук өнчүнү чүгле аас чогаал шинчилээри-биле эвес, харын дыл, төөгү, езу-чаңчылдар, шажын-чүдүлгө талазы-биле шинчилелдерни тыва үндезин культураның чаңгыс системазынга тода эртем концепциязын ёзугаар шинчилээри чугула.

Ынчангаш, О. К.-Ч. Дарыманың аас чогаал өнчүзүн эртем езузу-биле чурумчудар, шинчилээр, амыдырал кырынга шын ажыглаар

талазы-биле ажыл чаа үе-чадаже көдүрүлгөн деп болур. Мурнувуста ажыл ам-даа көвей.

Конференцияның Резолюциязынче дараазында хемчеглерни киирер-дир бис:

1. Чон биле эртемнің аразында дорт харылзааны быжыглаары-биле экспедицияларны, слеттарны, ном үндүрүлгезин акшаландырарынга хамаарыштыр хемчеглерни алып.

2. Аас чогаал шинчилээр эртемге чаа кадрларны белеткээр.

3. Академиктиг томнарның үнмээн үш номун белеткээр ажылды тускай тодаргай план ёзугаар кылырын эгелээр.

4. “Тыва дылдың сайзыралының эчис сорулгалары” деп төлөвилелдің ашкандырыышкыны-биле О. Дарыманың уругларга аас чогаалын чурук каасталгалыг үндүрер.

5. 2025 чылда институттун 80 чыл оюнга уткуштур О. Дарыманың Эртем архивинде бижимелдериниң тускай данзызын кылып, үнелиг сөзүглелдерни чурагайжыдылга системазынче долузу-биле шилчидер; парлаттыңан ажылдарының библиографиязын улаштыр тургузар; улусчу эртемденниң дугайында статьяларны институттун “Эртем демдеглелдеринге” үндүрер.

Литература:

1. Алгыш-йөрээлдер 2014 – Алгыш-йөрээлдер / Ч. С. Чондан тургускан. – Кызыл, 2014; Тывызыктар / А.Т. Дугаржап тургускан. – Кызыл, 2014; Үлегер домактар / В.С. Салчак тургускан. – Кызыл, 2014; Ырылар / У.А. Донгак тургускан. – Кызыл, 2014.
2. Дарыма Ондар 2014 – Дарыма Ондар Киш-Чалааевич – эртинге чыыкчызы, эртемден (1934-2000): библиографтыг айтыкчы. – Кызыл, 2014.
3. Мифы, легенды 2010 – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010.
4. Песни тайги 2018 – Песни тайги. Тувинские сказки / Сост. З. Б. Самдан. – М.: Фонд Марджани, 2018.
5. Самдан 2004 – Самдан З. Б. Чону-биле хини тудуш // Улусчу эртемден – Ондар Дарыма. – Новосибирск, 2004. – Ар. 167-171.
6. Самдан 2010 – Самдан З. Б. Дарыманың эртемге киирген үлүг-хуузу болгаш тыва фольклористиканың амгы үеде чидиг айтырыгы // Ученые записки ТИГПИ при Правительстве РТ. – Кызыл, 2010. – Ар. 444-450.
7. Самдан 2015 – Самдан З. Б. Научная школа А.К. Калзана // Наука и техника. – М., 2015. Тевек-Кежегениң тоолдары. – Кызыл, 2023. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

8. Тувинские героические 1997 – Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. – Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
9. Тувинские народные 1994 – Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, 1994.
10. Тыва тоолдар 1968 – Тыва тоолдар / ТДЛТЭШИ; О. К-Ч. Дарыма тургускан. К. Х. Оргу редакторлаан, чурук каасталгазы Ч. Ян-оол кылган. – 7-ги үнд. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1968. – 250 ар.; Маңнайның тоолдары 1971 – Маңнайның тоолдары / ТДЛТЭШИ; О. К-Ч. Дарыма тургускаш, тайылбырын кылган; Ю. Л. Аранчын редакторлаан. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1971. – 250 ар.; Демир-Шилги аъттыг 1972 – Демир-Шилги аъттыг Тевене-Мөге: тыва тоолдар / ТДЛТЭШИ; О. К-Ч. Дарыма тургускаш, тайылбырын кылган. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1972. – 300 ар.; Арзылаң-Мерген. 1974 – Арзылаң-Мерген. – Кызыл, 1974. – Ар. 139–141; Тыва улустуң 1976 – Тыва улустуң тоолдары / ТДЛТЭШИ. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1976. – 144 ар.; Баазанайның тоолдары 1980 – Баазанайның тоолдары / ТДЛТЭШИ. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1980. – 200 ар.; Бора-Шокар аъттыг 1983 – Бора-Шокар аъттыг Боралдай: маадырлык тоол / ТДЛТЭШИ. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1983. – 306 ар.
11. Тыва тоолдар 2014 – Тыва тоолдар / С. М. Орус-оол, М. Б. Кунгаа тургускан. – Кызыл, 2014. – 382 ар.
12. Тывыңарам, тывыңарам 1968 – Тывыңарам, тывыңарам / Ондар Дарыма; редактору С. С. Сюрюн-оол. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1968. – 48 ар.; Тываның улустуң тывызыктары / ТДЛТЭШИ, О. К-Ч. Дарыма тургускаш, эге сөзүн тайылбырын кылган. – Кызыл: Тыв.НҮЧ, 1976. – 144 ар.
13. Улусчу эртемден 2004 – Улусчу эртемден – Ондар Дарыма: эртемденнин архивинден материалдар болгаш сактыышкыннар / Тург. Ч. О. Адыгбай; эге сөзүн В. С. Салчак бижээн; У. А. Донгак редакторлаан. – Новосибирск, 2004. 226 ар.
14. Хунан-Кара 2022 – Хунан-Кара. Тувинский героический эпос/ Сост. А. Н. Жирков. Пер. с тув. А. В. Кудиярова. – Якутск, «АО «Научная издательская компания «Айар», 2022. – 464 с.

References:

1. “Algysh-joreelder” (2014) [Good Wishes], Ch.S. Chondan turguskan, Kyzyl; “Tyvyzyktar”(2014) [Riddles], / A.T. Dugarzhap turguskan. Kyzyl; “Yleger domaktar”(2014) [Proverbs], V. S. Salchak turguskan, Kyzyl; “Yrylar” (2014) [Songs] U.A. Dongak turguskan, Kyzyl. (In Tuv.).
2. “Daryma Ondar Kish-Chalaaevich – ertine chyykchyzy, ertemden” [Daryma Ondar Kish-Chalaaevich – a Collector of Fairy Tales, Scientist], (1934–2000), bibliografygy ajtykchy. (In Tuv.).

3. “Mify, legendy, predaniya tuvincev” (2010) [Myths, Legends, and Traditions of the Tuvinians], Sost. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka. (In Russ.).
4. “Pesni tajgi “Tuvinskie skazki” (2018) [Songs of the Taiga. Tuvan Fairy Tales], Sost. Z. B. Samdan, Moscow, Fond Mardzhani.
5. Samdan, Z. B. (2004). “Chonu-bile hini tudush” [Connected to the People by an Umbilical Cord], Uluschu ertemden – Ondar Daryma, Novosibirsk, p. 167–171. (In Tuv.).
6. Samdan, Z. B. (2010) “Darymanyn ertemge kiirgen ɣlyg-huuzu bolgash tyva fol'kloristikanyn amgy yede chidig ajtyryglary”, [Daryma's Contribution to Science and The Current Issues of Modern Folklore], Uchenye zapiski TIGPI pri Pravitel'stve RT, Kyzyl, p. 444–450. (In Tuv.).
7. Samdan, Z. B. (2023) “Nauchnaya shkola A. K. Kalzana” [Scientific School of A. K. Kalzan], Nauka i tekhnika, Moscow, 2015. p. Tevek-Kezhegin tooldary, Kyzyl. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka). (In Russ.).
8. “Tuvinskie geroicheskie skazaniya” (1997) [Tuvan Heroic Tales], Sost. S. M. Orus-ool, Novosibirsk, Nauka. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka). (In Russ.).
9. “Tuvinskie narodnye skazki” (1994) [Tuvan Folk Tales], Sost. Z.B. Samdan, Novosibirsk, Nauka. (In Russ.).
10. “Tyva tooldar” (1968) [Tuvan Tales], TDLTESH I, O. K-Ch. Daryma turguskan. K. H. Orgu redaktorlaan, churuk kaastalgazy Ch. Yan-ool kylgan, 7-gi ynd., Kyzyl, Tyv.NYCh, 250 p.; Mannajyn tooldary (1971) [Mannay's Tales], TDLTESH I; O. K-Ch. Daryma turguskan, tajylbyryn kylgan; Yu. L. Aranchyn redaktorlaan. – Kyzyl: TyvNYCh, 250 p; “Demir-Shilgi a"ttyg Tevene-Møge: tyva tooldar” (1972) [Thevene Møge With the Iron Brown Horse: Tuvan Tales] TDLTESH I; O. K-Ch. Daryma turguskan, tajylbyryn kylgan, Kyzyl, Tyv.NYCh, p. 300; “Arzylan-Mergen” (1974) [Arzylan-Mergen], Kyzyl, p. 139–141; “Tyva ulustun tooldary” (1976) [Tuvan Folk Tales], TDLTESH I, Kyzyl, TyvNYCh, p.144; “Baazannajyn tooldary” (1980) [Baazannai's tales], TDLTESH I, Kyzyl, TyvNYCh, , p.200; “Bora-Shokar a"ttyg Boraldai: maadyrlyg tool” (1983) [Boraldai With the Grey Spotted Horse] TDLTESH I, Kyzyl: TyvNYCh, p.306. (In Tuv.).
11. “Tyva tooldar” (2014) [Tuvan Tales], S. M. Orus-ool, M. B. Kungaa turguskan, Kyzyl6 382 p. (In Tuv.).
12. “Tyvynaram, tyvynaram” (1968) [Find it, find it] Ondar Daryma; redaktoru S. S. Syuryun-ool, Kyzyl, TyvNYCh, 48 p.; “Tyvanyn ulustun tyvyzyktary” (1976) [Tuvan Folk Riddles], TDLTESH I, O. K-Ch. Daryma turguskan, ege sozyn tajylbyryn kylgan, Kyzyl, TyvNYCh, 144 p. (In Tuv.).
13. “Uluschu ertemden – Ondar Daryma: ertemdennin arhivinden materialdar bolgash saktyyshkynnar” (2004) [National Scientist – Ondar Daryma: Archival Materials and Memoirs of the Scientist], Turg. Ch. O. Adygbaj, ege sozyn

V. S. Salchak bizheen, U. A. Dongak redaktorlaan, Novosibirsk, 226 p. (In Tuv.).

14. “Hunan-Kara. Tuvinskij geroicheskiy epos Hunan-Kara” (2022) [Hunan-Kara. The Tuvan Heroic Epic] / Sost. A. N. Zhirkov, Per. s tuv. A. V. Kudiyarova, Yakutsk, «АО «Nauchnaya izdatel'skaya kompaniya «Ajar», 464 p. (In Russ., In Tuv., In Yakut.).

Информация об авторе:

Зоя Б. Самдан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Россия Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: samdan-sn@yandex.ru

РИИЦ Author ID: 792943

Information about the author:

Zoya B. Samdan, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: samdan-sn@yandex.ru.

© Самдан З. Б. 2024

Научная статья

УДК 811.512.156+811.512.3+398.22

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ МЕР В ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Любовь К. Хертек

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, н.с. сектора словарей, Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация, hertekl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу иноязычных наименований мер в корпусе из 64 опубликованных тувинских героических сказаний. Определен состав из 17 лексических единиц с орфографическими и фонетическими вариантами, а также с зафиксированными в текстах дериватами. Выявлено, что 6 единиц являются устаревшими, 8 встречаются только в языке фольклора, 3 не зафиксированы в лексикографических источниках тувинского языка и в работах по тувинской лексикологии. Значительная часть анализируемых лексических единиц не известна современному носителю языка. Языком источником в большинстве случаев и языком посредником из китайского и восточнотохарского языков выступает монгольский язык, из русского языка заимствовано 4 единицы. Наименования мер распределены на пять семантических групп: меры длины и расстояния; меры измерения ткани; меры объема; меры веса и стоимости; меры времени. Сделан вывод, что иноязычная лексика в языке тувинского фольклора требует дальнейшего изучения и описания средствами и методами лингвофольклористики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: тувинский язык, монгольский язык, язык фольклора, тувинские героические сказания, корпус, конкорданс, иноязычные единицы измерения, лингвофольклористика

Для цитирования: Хертек Л. К. «Иноязычные наименования мер в тувинских героических сказаниях» // Азиатские исследования: история и современность. 2024. № 3(11). С.45–76. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-45-76

FOREIGN LANGUAGE NAMES OF MEASURES IN TUVAN HEROIC TALES

Liubov K. Khertek

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Researcher of the Dictionary Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation, hertekl@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of foreign-language names of measures in the corpus of 64 published Tuvan heroic tales. The composition of 17 lexical units with orthographic and phonetic variants, as well as with derivatives recorded in the texts, is determined. It was revealed that 6 units are obsolete, 8 are found only in the language of folklore, 3 are not recorded in the lexicographic sources of the Tuvan language and in works on Tuvan lexicology. A significant part of the analyzed lexical units is unknown to modern native speakers. In most cases, the source language and the intermediary language from the Chinese and East Tocharian languages is Mongolian, 4 units are borrowed from the Russian language. The names of measures are divided into five semantic groups: measures of length and distance; measures of fabric; measures of volume; measures of weight and cost; measures of time. It is concluded that foreign language vocabulary in the language of Tuvan folklore requires further study and description by means and methods of linguafolklore studies and linguacultural studies.

Keywords: Tuvan language, Mongolian language, language of folklore, Tuvan heroic tales, corpus, concordance, foreign-language units of measurement, linguafolklore studies

For citation: Khertek L. K. (2024) “Foreign-Language Names of measures in Tuvan heroic tales” // Asian Studies: History and Modernity, 2024, no. 3 (11), p. 45–76. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-45-76

Введение

Лексика тувинского фольклора до настоящего времени является недостаточно изученной областью исследования. Особый интерес представляют устаревшие лексические единицы иноязычного происхождения в тувинских героических сказаниях (далее – ТГС), большая часть которых не зафиксирована в словарях тувинского языка и лишь к некоторым приведены толкования в комментариях.

Тематическая группа «Меры измерения» в ТГС, наряду с большим количеством высокочастотных наименований мер, относящихся к древнетюркскому и общетюркскому пластам лексики, содержит в своём составе иноязычные по своему происхождению лексические единицы, не введенные в научный оборот. Вместе с тем тувинские наименования мер не были предметом специального изучения в тувинском языкознании. Этимология некоторых из них рассматривалась Н. Ф. Катановым, В. И. Рассадиным, Б. И. Татаринцевым и др.

Изучению наименований мер измерения в тюркских и монгольских языках посвящены исследования Х. З. Абдрахимова (2011), П. У. Асадулаевой (2014), К. П. Батыревой (2021), Д. Д. Дондоковой (2003), И. Б. Ивановой (2016), А. Н. Майзиной (2012), М. У. Монраева (1981) и др. С разной степенью полноты народные меры измерений приводятся в работах этнографов-тувиноведов при описании народных знаний. Так, традиционные меры времени, длины и расстояния, площади и объема сыпучих тел рассматриваются С. И. Вайнштейном в его работе о тувинцах-тоджинцах [Вайнштейн 1961: 142-143], в «Очерках народного быта тувинцев» Л. П. Потаповым – меры времени, длины, жидких и сыпучих тел, с приведением их наименований на тувинском языке и монгольском языке юго-восточных тувинцев [Потапов 1969: 305-309].

Список тувинских мер приводится также в работе М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 1999: 105-111]. Из рассматриваемых нами лексических единиц в указанных работах приводятся лишь три меры длины: *дугай* (у Вайнштейна – *мугур дугай* ‘от конца кисти руки, сжатой в кулак, до локтя’ и *узун дугай* ‘от конца вытянутых пальцев руки до локтя’ [Вайнштейн 1961: 143], у Потапова – фонетический вариант *тугай*, у Кенин-Лопсана – отсутствует), *сөөм* ‘между концами указательного пальца и отведенного назад большого пальца руки’ (у Потапова и Кенин-Лопсана – *узун сөөм*) и *мугур сөөм* ‘между концом отведенного большого пальца и согнутым указательным пальцем’ [Вайнштейн 1961: 143]. Таким образом, актуальность данного исследования не вызывает сомнений, новизна обусловлена корпусным подходом исследования в рамках и методами лингвофольклористики, введением в научный оборот наименований мер иноязычного происхождения в текстах ТГС, не зафиксированных в лексикографических источниках и не бывших ранее предметом изучения в работах по тувиноведению.

Материалы и методы исследования

Материалом послужил корпус из 64 опубликованных текстов ТГС. Сплошной выборкой создан словник, в котором через знак тильда (~) приведены зафиксированные в корпусе орфографические и фонетические варианты слов, в круглых скобках первая цифра указывает на количество словоупотреблений в корпусе, вторая – количество текстов, в которых встречается данное слово, отсутствие второй цифры означает, что слово зафиксировано в одном тексте. Приёмом лексикографической идентификации слов установлены их лексические значения, стилистические характеристики, а также происхождение (язык-источник и язык-посредник). Для этого использовались лексикографические и лексикологические работы по тувинскому языку, комментарии к ТГС, работы по тюркским языкам Сибири, монгольским языкам, тибетскому и китайскому языкам, которые приведены в списке словарей и использованной литературы. Отсутствие слова в словарях тувинского языка и комментариях указано знаком Ø (пустое множество). Для выявления семантики и функции каждой лексической единицы внутри корпуса ТГС использован контекстологический метод. Из конкорданса каждого наименования мер проанализированы семантические контексты словоупотреблений в рамках каждого текста и в корпусе текстов в целом.

Результаты

Словник состоит из 17 иноязычных наименований мер с орфографическими и фонетическими вариантами, в т. ч. 1 семантической кальки с монгольского языка, 1 слова невыявленной этимологии. Распределен на пять групп наименований, объединённых общностью функций обозначаемых ими мер, а именно: 1) меры длины и расстояния (5): а) длины (4): *дугай* ‘локоть’, метр, *мугур сөөм* ‘малая пядь’, *сөөм* ‘пядь’; б) расстояния (1): *перээ ~ бир* ‘фольк. миля, парасанга (мера расстояния)’; 2) меры измерения ткани (2): *ама* ‘мера длины ткани, равная её ширине’; *аас* ‘id.’; 3) меры объёма (4): *кунза* ‘тюк (с содержимым около 30 штук плиточного чая)’, *хөрең хумуң ~ хөрең хууң, хууң* ‘фольк. маленький кувшинчик (вместимостью в один глоток)’; *шоодай* ‘мешок’; 4) меры веса и стоимости (3): *буут ~ нуут ~ пуд* ‘пуд’, *лаң ~ ылаң* ‘лан (мера стоимости: денежный знак; денежная единица)’, *чин* ‘джин (мера

веса, равная приблизительно 0,6 кг)'; 5) меры времени (3): *минут* 'минута', *шак* 'час', *шак-минут*: *шак-минут ишти* (2) 'очень быстро'. Вместе рассмотрены также дериваты (3): *буут-буум* 'фольк. весы', *буутта-буумна-* и *чиңне-* 'фольк. взвешивать (на весах)'.

Приёмом лексикографической идентификации слова выявлено, что четыре лексические единицы зафиксированы в словарях со стилистической пометой устаревшее слово (*буут* ~ *пуд*, *дугай*, *кунза*, *лаң*), три – не отражены в словарях тувинского языка (*перээ* ~ *бир*, *хөрең хумуң* ~ *хөрең хууң*, *чиң*), из них лишь к *чиң* не приведено толкование в комментариях к опубликованным текстам. Не зафиксированы в словарях тувинского языка значение семантической кальки *аас*, а также выявленные в ТГС дериваты от рассматриваемых слов: *буут-буум*, *буутта-буумна-*, *чиңне-*. Языком-источником рассматриваемых лексических единиц в четырех случаях указан монгольский язык (*ама*, *дугай*, *мугур-сөөм*, *сөөм*), по одному – русский (*пуд*) и китайский (*лаң*), в последнем случае языком-посредником указан монгольский язык.

Меры длины и расстояния

Дугай (9/5) '1) изгиб; лука (реки); 2) уст. локоть (мера длины)' [ТРС 1968: 180; ТСТувЯ II: 503]; ком.: *кыры дурту хемчег* [АКМ 1995: 125, сн. 26; АЧ 1993: 277, сн. 4] 'мера длины в локоть'; монголизм [ЭСТувЯ II: 255]. Ср. п.-монг. *toqoi* ~ *toqai* '1) локоть, завить руки, часть руки от локтя до кисти; 2) локоть (мера, 10 вершков); 3) залив, рукав' [Ков.: 1797]; монг. *тохой*, калм. *тоха*, ойр. *toxā* ~ *toxō* '1) локоть (часть руки от локтя до кисти); 2) тохой (мера длины, равная 0,32 м); 3) перен. излуцина, изгиб, лука (реки), залив' [БАМРС III: 235; КРС 1977: 509; Цолоо 1988: 816]; бур. тохой 'уст. локоть (мера длины – от кончиков пальцев до локтевого сустава)' [БРС II: 251]. Зафиксировано в следующих сочетаниях: *бир дугай дурттуг бичии кадай* 'маленькая старушка ростом в один локоть'; *үш дугай кудуруктуг* (киш) 'с хвостом в три локтя' (соболь); *үш дугай кулактыг* (киш) 'с ушами в три локтя (соболь)'; *тос дугай дурттуг кулактыг (аът)* 'с ушами длиной в девять локтей (конь)'; *тос кырлыг тозан дугай баглааш* 'девятигранная в девяносто локтей коновязь'; *аъттың бажы дугай хире ажып турар* 'голова лошади превышает примерно на локоть'; *бир дугай хире улуг эр* 'молодец выше примерно на один локоть'. *Үш дугай кулактыг*, / *Үжен кулаш дурттуг*, / *Муң лаң өртектиг*, / *Хан сактыг кара киш* [АЧ 1993:

100] ‘С ушами в три локтя, / Длиной в тридцать маховых сажений, / Стоимостью в тысячу ланов, / С красной грудкой черный соболь’.

Метр (1), русизм, восходящий к международной метрической системе мер. Чүс метр хире ырай бергеи, аътты сакнак алдынга кээп тевер болзуңза, аъттың думчуундан ийи хүлер чылан улаштыр-селештир уштунуп кээр боор, ону часпайн, үзе адыптар болзуңза, маңгызыңның тыны ол-дур [ХК 2012: 169-170] ‘Отдалившись примерно на сто метров, если пнешь коня под дых, вероятно, из ноздрей коня выползут друг за другом две бронзовые змеи, и, если ты без промаха прострелишь их, то это и будет душа мангуса’.

Перээ (4) ~ бир (9/5) ТРС Ø; ТСТувЯ Ø; ЭСТувЯ Ø; ком.: 1) *перээ* – ак, бора ийи аъттың өңү ылгаттынмас көстүр чер аразы. Шаанда улус айга чедир чүс он беш перээ дижип турган [АКМ 1995: 124, сн. 5] ‘перээ – расстояние, на котором неразличимы масти двух лошадей – белой и серой. В старину люди говорили, что расстояние до луны составляет сто пятнадцать перээ’; 2) *чүс бирниң чери – талыгыр чер* [БШБ 1983: 84, сн. 1] ‘местность на сотом бир – очень далёкая местность’. Таким образом, в комментариях описательно дано лишь приблизительное значение меры расстояния, при этом очень далекого. См.: др.-уйг. *birä* ‘мера длины’ [ДТС: 101] > п.-монг. *ber-e* ‘миля; скр. *yôdjana*’ [Голст. II: 224], ‘миля в 4000 сажень; скр. *yôdjana. Parasanga*; тиб. *dpag-tshad*’ [Kow: 1126]; монг. *бээр* ‘путевая мера, миля, расстояние (около 2 км)’ [БАМРС I: 317], ойр. с. *берээ* ‘миля’ [Тодаева 2001: 64] < скр. *para(sanga)* [Сух. 2014: 69]; ср. перс. *farsang* ‘персидская мера длины (около 6 км)’ [Давидович 1970: 72], калм. *берэ ~ беерэ* ‘расстояние в милю, соответствует 8-ми верстам’ [Батырева 2014: 61]. Согласно А. В. Дыбо, др.-уйг. *bere* < тох. *A pār* ‘стрела’, *pare-krase* ‘расстояние на полёт стрелы’ [Дыбо 2007: 94].

Вариант *перээ* зафиксирован в тув. «Гэсэре» в следующих сочетаниях: *беш чүс перээ кода-хүрээ* (1) ‘город в пятьсот миль’; *муң перээ чер* (1) ‘расстояние в тысячу миль’; *ийи муң перээ чер* (1) ‘расстояние в две тысячи миль’; *үш муң перээ чер* (1) ‘расстояние в три тысячи миль’. *Сен үш мөгени эдертип алгаи келдиң; улуг мөгөңни муң перээ черже октап өлүрдүм; ортун мөгөңни ийи муң перээ черже октап өлүрдүм; биче мөгөңни үш муң перээ черже октап өлүрдүм* [АКМ 1995: 49] ‘Ты привел с собой трёх силачей; старшего силача убил, закинув на расстояние в тысяча парасангов, среднего силача убил, закинув на расстояние в две тысячи парасангов; младшего силача убил, закинув на расстояние в три тысяча парасангов’.

Второй вариант встречается в устойчивом сочетании *чүс бирниң чери* (9/5) ‘расстояние в сто парасангов’. *Эрге-Кара-Сыйбың аьдынга чедип келгеш, Чиңге-Шилгизин мунупкаш, чүс бирниң черинге халдып барып дүшкеш, четтирбейн барып-тыр* [ЭКС 1971: 87] ‘Эрге-Кара-Сыйбын подошёл к своей лошади, вскочил на Чинге-Шилги, ускакал на расстояние в сто парасангов, так что его не догнали’. Таким образом, на основе вышеизложенного значения тув. *перээ* ~ *бир* ‘*фольк.* 1) расстояние, на котором неразличимы масти белой и серой лошадей; 2) миля, парасанга (*мера расстояния*)’, которое было переосмыслено и воспринималось сказителями в качестве меры очень далекого расстояния на основе чувствительности зрения и представляет собой монголизм, восходящий через посредство древнеуйгурского языка к восточнотохарской лексеме *pär* ‘стрела’, в сочетании с которой в древности обозначалась мера расстояния в полёт стрелы. Вариант *перээ*, фонетически близкий к варианту *берээ* в языке ойратов Синьцзяна СУАР Китая, восходит к транслитерации из письменного монгольского языка и проник в устный текст книжным путём через эпос «Гэсэр», записанный на тувинском языке от тоджинского сказителя Балбыра Баяна (1880 г.р.) в 1953 г. на I Республиканском слёте народных сказителей (г. Кызыл), повторно в 1957 и 1960 гг. Д. С. Кууларом, ставший основой печатного издания.¹ Второй вариант, восходящий к транскрипции, распространялся устным путём и представлен в виде устойчивого сочетания *чүс бирниң чери* ‘расстояние в сто *бир*’. Он зафиксирован у представителей сут-хольской сказительской школы: в трёх сказаниях Манная Ооржака [см.: АКАМ 1971: 135; АС 1971: 11; ЭКС 1971: 87, 99], одном сказании его ученика Хургул-оола Монгуша [см.: БШБ 1983: 84], а также в одном сказании представителя дзун-хемчикской сказительской школы – Албанчы Сата [см.: ТАХ 1990: 163, 167, 170].

Сөөм (1) пядь (*расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами*), вторичный монголизм, широко распространенный в тюркских языках [см.: ЭСТувЯ V: 128-129; Khab. 2009: 48, 223]; см. тюрк. яз.²: алт. *сөдм* ‘пядь, малая пядь’ [АРС 2018: 605], монг. яз.: п.-монг. *sögüt* ‘пядь, четверть аришина’ [Kow: 1433], *söget* ~ *sögüt* ‘четверть, расстояние от большого до указательного пальца, когда оба пальца раздвинуты’ [Голст. II: 362, 363]; монг. *сөөм*, бур. *һөөм*, калм. *сөм*, то. *сөтдө*, ойр. *сөт* ‘пядь’ [БАМРС III: 120; Цолоо 1988: 753; ЭСМЯ

¹ См.: Куулар 1995: 11; Орус-оол 2019: 197-207.

² Подробнее см. Дондокова 2003: 14-15.

III: 128]. *Алдан ийи / Адыр мыйыстыг, / Үш куспак кудуруктуг, / Ийи сөөм дүктүг, / Он сес азыглыг / Бора-Хөл аът* ‘С шестидесятью двумя / Отростками на рогах, / С хвостом в три обхвата, / С шерстью в две пяди, / С восемнадцатью клыками / Конь Бора-Хөл’ [ХуК 1997: 96, 97].

Мугур сөөм (3/2) ‘малая пядь’ (расстояние между концами вытянутого большого и согнутого указательного пальцев); алт. мукур сөөм ~ мугур сөөм, хак. мухур, як. мугур сөөм ~ муңур сөөм ‘короткая (малая) пядь’, монголизм [ЭСТувЯ IV: 176; АРС 2018: 477] < п.-монг. *тигур сөгүт*, монг. *мухар сөөм*, бур. *мухар һөөм*, калм. *мухр сөм* (досл. ‘тупая пядь’) ‘короткая, малая пядь (расстояние между раздвинутыми большим пальцем и указательным с подогнутыми двумя суставами)’ [БАМРС III: 120; БРС I: 565; Батырева 2021: 58]. Встречается в сочетаниях: *мугур сөөм чаи хар* ‘свежевыпавший снег <толщиной> с малую пядь’, *мугур сөөмге деңнеп кызырып* ‘укорачивая <на величину> малой пяди’. *Содак-шудаа дөңмек дөске чедир / Мугур сөөм кирбестеп туруп-тур* [БКБШ 1995: 132] ‘Борцовский костюм до основания бедра / Не налезал с малую пядь’.

Меры измерения ткани

Ама (20/6) ‘мера длины ткани, равная её ширине’ [ТРС 1968: 614]; ‘мера длины ткани, равная её ширине; 2) лист бумаги, используемый для письма и печатания; 3) полотнище’ [ТСТувЯ I: 121-122]; ‘мера длины ткани, равная её ширине; 2) лист (*полигр.*)’ < п.-монг. *ата*, монг. *ам(ан)* III ‘ама (мера измерения, равная квадрату по ширине материала)’ [ЭСТувЯ I: 108; БАМРС I: 84]; ком.: *пөстүң узунунуң эрнинге дең хемчээли* [ТАХ 1990: 267, сн. 10], *эн; пөстүң узуну, ооң энинге дең болур хемчээл* [ТТ 2012: 591] ‘мера длины ткани, равная её ширине *эрин ~ эн*’. *Алдан ама ак торгу аржыылдыг, / Ай-хүн херелдиг алдын даңгына / Хүлүмзүрөп олуруп-тур эвеспе* [АКЧК 1996: 154] ‘В белом шелковом платке в шестьдесят ама, / Излучающая свет луны и солнца золотая царевна, / Сидела, улыбаясь’. *Ама саазын долдур чагаа бижээш / Эзерниң көвенчининиң алдынга суккаш ...* [БКБШ 1997: 430] ‘Написав письмо в полный лист бумаги, / Положив под подушку седла’. Зафиксирована в сочетании *алдан ама ак кадак* (2) ‘белый ритуальный *шарф* кадак длиной в шестьдесят ама’; *алдан ама сарыг торгу барындак* (2) ‘желтая шелковая обертка со шнуром для завертывания священных книг длиной в шестьдесят ама’; *алдан ама торгу аржыыл* (1) ‘шелковый платок длиной в шестьдесят ама’; *алды ама торгу аржыыл* (7) ‘шелковый платок длиной в шесть ама’; *ама саазын* (8/2) ‘лист бумаги размером в ама’.

Аас (1) ‘мера измерения длины’; данное значение, единичное в ТГС, не зафиксировано в словарях тувинского языка; ср.: тув. *аас* ‘1) рот, пасть; 2) устье (*реки*); 3) отверстие, дуло, жерло; вход; 4) крышка’ и др. [ТРС 1968: 30; ТСТувЯ I: 45-46]. При этом лексема *аас* со значением меры измерения длины не является жанрово специфическим и относится к фольклорной лексике, т.к. встречается также в текстах тувинских сказок, восходящих к индо-тибетско-монгольским «обрамленным повестям»³. Исходя из толкований, данных в комментариях к рассмотренной выше лексеме *ама*, отсылающих к тув. лит. *эн=эрин* ‘ширина (*ткани*)’, где основное значение лексемы *эрин* ‘губа’ [ТРС 1968: 614, 618], можно полагать, что в данном случае тув. *аас* получило семантическое расширение при употреблении в значении ‘мера измерения длины, равная её ширине’, соответствующее рассмотренному выше монг. *ам(ан)* III и представляющее собой семантическую кальку от монг. омонима *ам(ан)* I. ‘рот, уста’ [БАМРС I: 83]. Единичное его употребление в ТГС в качестве семантической кальки от монг. *ам(ан)* I вместо *ам(ан)* III относится к тексту сказителя С. Ч. Самбуу. *Ортаакы өртемчейниң он шеверлериниң кылган кара торгу тонун, камбы хилиң бөргүн, кара-саар идиин кедип, тос аас ногаан дордум курун куржанып кээрге, дай аът угбас, тар эжикке сыңмас Хунан-Кара мөге боду болу берген* [АКХК 1963: 13] ‘Когда он надел свой *тон* из чёрного шёлка, шапку из шёлкового бархата, сапоги из чёрной юфти, изготовленные десятью мастерами Среднего мира, опоясался кушаком из зелёного крепа длиной в девять *аас*, стал самим собой – силачом Хунан-Кара, которого не в состоянии нести конь на третьем году и который не может пройти через узкую дверь’.

Меры объёма

В качестве единиц измерения объёма выступают лексемы, являющиеся иноязычными наименованиями тары для сыпучих и жидких веществ.

Кунза (1) лит. *кумза* ‘уст. тюк, упаковка (плиточного чая)’ [ТРС 1968: 264]; *кумза* ~ *кунза* ‘уст. тюк, упаковка (товара)’ [ТСТувЯ II: 229, 230]; ЭСТувЯ Ø. Здесь тув. *кунза* < п.-монг. *qunʒa* ‘цайны сав, нэг хунзанд 27-36 цай ордог байжээ’, т.е. ‘чайная тара, в один хунз помещались 27-36

³ Ср.: *аас саазын – бир калбак ама саазын* [Мигир-Мижит хаан 2020: 171] ‘бумага <размером> в *аас* – лист бумаги <размером> в один *ама*’.

плиток чая' < кит. 筐子 *kuāng zi* 'корзинка' [БКРС; Сух.: 228]; ср. монг. хунз 'плетёная корзина (квадратной формы)' [БАМРС IV: 166], калм. *хунзэ* 'Ö eine kiste tee [< chin.]' [Ramst.: 197]. Таким образом, китайское слово с широким значением 'корзинка' в монгольском языке, согласно словарям, стало обозначать плетёную корзину, в которой привозили из Китая плитки чая. Представленный на рис. 1 экспонат из хранилища Банка Монголии с надписью хунз цай позволяет предположить о сематическом расширении слова, получившего второе значение 'тюк, упаковка (чая)'. Здесь речь идёт о тюке, вероятнее всего, с корзиной внутри. Известно, что для сохранности чая во время долгой транспортировки, зачастую караванами верблюдов, корзины зашивали в свежие бычьи либо конские шкуры (шерстью внутрь), которые сжимались при подсыхании, о чем свидетельствует представленный экспонат. Впоследствии, согласно информации Бадарч Баярсайхана⁴, в монгольском языке словом хунз стали называть также фанерный ящик для транспортировки чая. В тувинский язык слово было заимствовано во втором значении, при этом, в отличие от литературного языка, в языке ТГС внешний облик слова ближе к письменному монгольскому языку. ... тос кунза шайны довук ышкаш хапка өйлей соктап белеткеңер [АКХК 1963: 14] '... истолките чай из девяти тюков и подготовьте так, чтобы поместился в мешочке с коленную чашечку'.

Рис. 1. Хунз чая. Начало XX в. Из коллекции Ч. Энхбата. Экспонат из хранилища драгоценностей Банка Монголии.

Источник фото: <https://www.sankhuuginbolovsrol.mn/Blog/65>; <https://images.app.goo.gl/SZbyQ7VY97gF82JeA>

Хууң (1) *хумуң* ~ *хууң* 'ведро (деревянное), бадейка' [ТРС 1968: 495]; *кубуң* ~ *кумуң* ~ *кууң* 'кувшин, ведро, большая кружка' [Катанов 1903: 100, 1148-1149] < п.-монг. *qubing* ~ *qoubing* 'кувшин, кружка'; тиб. *ka-ram-ra*; *bum-ba* [Kow.: 471], 'кувшин, сосуд с носиком', кит. *ху-*

⁴ Бадарч Баярсайхан, 1972 г.р., урож. с. Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии, ныне – в.н.с. сектора словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

пинь [Голст. II: 108, 120]; монг. *хувин* ‘ведро’ [БАМРС IV: 155], ойр. *xüwün* ‘id.’ [Цолоо 1988: 471], бур. *хубин* ‘кувшин с носиком’, калм. *хүвң* ‘кувшин для умывания, бидон’; ср. др.-тюрк. *qova* ‘ведро, бадья’ [ЭСМЯ III: 63] < кит. [Сух. 2014: 227]. ср. калм. *хүвң* ‘кувшин’ [Тодаева 1976: 468], где кит. 壺瓶 *hú píng* ‘винная фляга, чайник (для разогрева вина)’ состоит из 壺 *hú* ‘чайник, кувшин; фляга; сосуд с горлышком; табакерка (флакончик)’, *píng* ‘1) бутылка, фляга; флакон, пузырёк (также счётное слово); 2) ваза, амфора’ [БКРС]; *Чаңгыс хууң шайын салып, / Чаңгыс шопулак чигири-биле / Чемгерип каап-тыр* [ХК 1994: 170] ‘Поставила один кувшин чая, / Одной ложкой сахара / Покормила’.

Кроме того, зафиксировано сочетание *хөрең хууң (2) ~ хөрең хумуң (1)* ТРС Ø; ком.: *чаңгыс пак* ‘один глоток’ [ХК 1994: 233, сн. 3], в котором не прозрачна этимология первого компонента. *Хөөкүй-Карага чаңгыс хөрең хууң ишти шай, / Чаңгыс адыш чигирни / Аякка уруп берип-тир. Хөөкүй-Кара: / – Хөрең хумуң ишти шайга / Хөрээм кургааны шыгыыр ирги бе? / Чаңгыс адыш чигирге / Аштааным ханар ирги бе? – деп / Ижип-чип оруп-тур* [ХК 1994: 168-169]. ‘Хоокуй-Кара один маленький кувшинчик чая, вместимостью в один глоток, / Одну горсть сладостей / В пиалу положили. Хоокуй-Кара: / – Маленьким кувшинчиком чая / Увлажнится ли сухость в моей груди? / Одной горстью сладостей / Утолится ли мой голод? – говоря, / Сидел и ел, пил’.

Шоодай (17/7) ‘куль, мешок’ [ТРС 1968: 578], монголизм, восходящий к китайскому языку; ср. п.-монг. *šudai* ‘мешок, мешочек, мошна’ [Kow.: 1540], ‘сумочка, мешочек’ [Голст. II: 418]; п.-монг. *šiyudai*, монг. *шуудай* ‘мешок; кулёк’ [БАМРС IV: 381]; бур. *шуудай*, калм. *шууда* ‘мешок; (иногда) дорожная сума, чемодан, ягдташ’ [ЭСМЯ III: 111]. Значение единицы измерения меры в монгольском языке приведено в «Кратком толковом словаре монгольского языка» ‘1. юм хум агуулах бүдүүлэг нэхсэн сав ‘грубо плетеная тара для хранения вещей’; 2. мөн шуудай хэмжээтэй юм ‘что-л. размером в мешок’ [Цэвэл 1966: 861] и в «Словаре иностранных слов монгольского языка» ‘1. будаа тариа бусад юм агуулах бүдүүн нэхмэл сав ‘грубо плетеная тара для хранения риса, зерна и других вещей’; 2. шилж. шуудайгаар хэмжих хэмжүүрийн нэгж ‘перен. единица измерения мешками’ < кит. *shào dài* [Сух. 2014: 254]; кит. 小袋 *xiǎo dài* ‘небольшой мешок, сумка’ [Дамдинова 2007: 39], где субстантивом является второй компонент 袋 *dài* ‘мешок, торба; сумка; кошелек (также счётное слово для сыпучих тел)’, тогда как первый представляет собой адъектив 小 *xiǎo* ‘маленький, небольшой’ [БКРС].

В современных монгольских языках значение ‘маленький’, присущее слову в китайском языке, утрачено и в таком значении слово заимствовано в тувинский язык. В тюркских языках Сибири в значении ‘мешок’ представлены тюркские лексемы: алт. *сумал*, *таар* [АРС 2018: 635, 612], хак. *хап* [ХРС 2006: 802]. *Чүс шоодай чиңге-тараазын, чүс иртин, чүс шайын / Үш хонуктуң бодунда бүрүнү-биле эккелген* [АБ 1993: 23] ‘Сто мешков проса, сто валухов, сто <кирпичей> чая / В течение трех суток самому полностью принесли’.

Меры веса и стоимости

Буут (2) ~ нуут (3) ~ пуд (11), ком.: *орус дылдан үлегерлээн деңзи хемчээли; бир пуд 16,3 кг* ‘мера веса, заимствованная из русского языка; один пуд 16,3 кг’ [БШБ 1983: 21, сн. 4; КХХМ 1974: 20, сн. 1]. В лексикографических источниках тувинского языка зафиксированы **буут ~ пуд** ‘уст. пуд // пудовый’; пуд шой ‘пудовая гирия’ [ТРС 1968: 125, 352]; ‘русская мера веса, равная 16, 38 кг’ [ТСТувЯ I: 323; ТСТувЯ II: 577]. *Тозан пуд кара шойну / Тос катап тевектепкен кижии / Мөөрейни алыр ужурлуг* [БКБШ 1995: 86] ‘Черную чугунную гирию в девяносто пудов / Девять раз подбросивший ногой в почечушках человек / Должен выиграть в состязании’. Вместе с вариантами зафиксированы в сочетании с *аргамчы* ‘аркан’ (2), *кымчы* ‘плеть’ (4), *шой* ‘чугунная гирия’ (8), *эжик* ‘дверь’ (2): *алдан буут аар алдын допуржак кымчы (2) ~ алдан нуут алдын допурзак кымчы (2)* ‘золотая плеть нагайка весом в шестьдесят пудов’; *дөртөн пуд кара шой (1)* ‘черная чугунная гирия в сорок пудов’; *тозан пуд кара шой (3)* ‘черная чугунная гирия в девяносто пудов’; *тозан пуд мөңгүн эжик (1)* ‘серебряная дверь в девяносто пудов’; *тозан нуут эжик (1)* ‘дверь в девяносто пудов’; *тозан пуд шой (4)* ‘чугунная гирия в девяносто пудов’; *тос чүс кулаш аргамчыны тозан-тозан пуд кылдыр каъттаар (2)* ‘волосную плеть в девятьсот сажень свивать по девяносто пудов’. Таким образом, из трех вариантов заимствованной из русского языка устаревшей меры веса **буут ~ нуут ~ пуд** лексикографически не представленным является вариант **нуут**, зафиксированный три раза в одном сказании, записанном от Хургул-оола Монгуша. При этом в другом сказании, записанном от того же сказителя, имеется вариант **буут**. В связи с этим вариант **нуут** можно отнести к записи собирателя, вероятнее всего, записавшего данное слово согласно нормам тувинской орфографии на латинице и кириллице, существовавшим до 1941 г.; ср. *puut* ‘пуд’ [ТОТР 1933:

132]. Вариант *буут* относится к записям по фонетическому принципу в соответствии с произношением данного устаревшего слова, проникшего в тувинский язык через устный путь. Последний вариант пуд записан согласно правилам орфографии, действующим с 1963 г., с сохранением правописания основ в заимствованиях из русского языка. Вариант *буут* зафиксирован также в составе парного слова *буут-буум* и в качестве корня в основе глагола *буутта-буумна-* в следующих единичных лексических единицах:

Буут-буум (1) парн. ТРС Ø; ТСТувЯ Ø; ЭСТувЯ Ø; ком.: Ø; первый компонент *буут* см. выше; второй компонент *буум* ‘уст. фын, одна из единиц меры веса в старину’ [ТСТувЯ I: 322]; ср. п.-монг. *pin* ‘1) фын, вес, сотая часть лана (около 2 коп. серебра); 2) мера китайская, содержащая десять скрупулов’ [Kow.: 1270]; ‘мера веса; сотая часть лана или 0,37301 грамм’ < кит. 分 *fēn* [Сух. 2014: 178; БКРС], монг. пун(г) ‘фын (единица веса, одна сотая лана)’ [БАМРС III: 55]. В то же время в тувинском языке зафиксировано диал. сут-х. *нуум* ‘фунт’ [Сат 1987: 32], при этом 1 пуд = 40 фунт. Принимая во внимание, что парное слово *буут-буум* встречается один раз у Манная Ооржака, а отыменный глагол *буутта-буумна-* у его ученика Хургул-оола Монгуша, представляющих сут-хольскую школу сказительства, делает более правомерным компонент *буум* возвести к сут-х. *нуум* ‘фунт’. *Хоо, кара тарааны буут-буумга салырга, шын болган* [ДМAM 1968: 125] ‘Когда поставили светлое и тёмное просо на весы, <вес> оказался правильным’. Таким образом, парное слово *буут-буум*, состоящее из компонентов, обозначающих единицы измерения веса в русском языке, употребляется в данном случае в значении ‘*фольк. весы*’.

Зафиксировано также деепричастие на -п от отыменного сложного глагола *буутта-буумна-* (1) ТРС Ø; ТСТувЯ Ø; ЭСТувЯ Ø; ком.: Ø; *Бууттап-буумнап* каан тараа, хорай берзе, илдең, чаңгыс-даа тараа чок болза – хорай бээр, чаңгыс даш-даа чок болза – эвээжей бээр чүве [БШБ 1983: 115] ‘Если взвешенное зерно убавится, будет заметно, если не будет даже одного зернышка – убавится, если не будет даже одного камешка – уменьшится’.

Лаң (21/11) ~ ылаң (1), где лит. *лаң* ‘уст. лан (денежная единица)’ [ТРС 1968: 282; ТСТувЯ II: 310]; ср. тув. *улаң* ‘лан серебра’ < п.-мон. *lang* < кит. лян [Катанов 1903: 152; ЭСТувЯ III: 438]; см. п.-мон. *lang* ‘унция китайского веса, равняющийся в 8,5 золотником нашего веса; общеупотребительная монетная единица, равняющаяся 2 руб. сер.’ [Голст. III: 194; Kow.: 1956], х.-мон. лан(г) ‘1) лан (мера веса, равная

37,3 г.); 2) уст. лан (денежная единица) [БАМРС II: 300] < кит. 兩 *liǎng*⁵ [Сух. 2014: 142; БКРС]. Таким образом, в словарях зафиксирован только вариант *лаң* со значением наименования устаревшей денежной единицы, т.е. меры стоимости. Вариант *ылаң* относится к записям по фонетическому принципу в соответствии с произношением данного устаревшего слова, проникшего в тувинский язык через устный путь, с протетическим гласным *ы*, ввиду отсутствия в тувинских словах тюркского происхождения инициального согласного *л*.

В сказании «Бораадай-Мерген» (1994) в двух случаях *лаң* зафиксирован в сочетаниях *бежен-бежен лаң дег кара мең* ‘чёрное родимое пятно, похожее на <слиток> в пятьдесят лан’, *бежен лаң моңгун деңзи* ‘серебряный слиток в пятьдесят лан’, где *деңзи* ‘1) вес // весовой; 2) весы’ [ТРС 1968: 156], т.е. *лаң* выступает в качестве меры веса. Здесь, вероятно, речь идёт о денежном знаке в пятьдесят лан в виде самого крупного серебряного слитка весом в пятьдесят лан в форме башмачка (тув. *юмбуу* ~ *имбии* ~ *ымбыы*, монг. *юмбуу*, рус. ист. *ямб* (серебряный либо золотой слиток) < кит. 元宝 *yuánbǎo* (досл. ‘монетная драгоценность’). *Ашак биле кадай көрүп олурарга, / Оолдуң чарнының аразында / Бежен-бежен лаң дег кара мең бар бооп тур. / «Бораадай-Мерген төрүттүнүн келирде, / Шак ындыг мең чарнының аразынга / Турган чүве ийин» - деп, / Ашак-кадай кайгап олуруп-тур. / Аптарадан кара оорга дег / Деңзи уштуп эккелгеш, / Бежен лаң моңгун деңзи-биле / Деңней тыртып-тыр. / Оолдуң меңи-биле кара дең бооп тур* [БМ 1994: 213] ‘Старик со старухой сидели и увидели, / У мальчика между лопаток есть / Черное родимое пятно, похожее на <слиток> в пятьдесят лан. / «Когда Бораадай-Мерген родился, / Точно такое родимое пятно между лопатками его / Было ведь» - так говоря, / Старик со старухой удивлялись сидели. / Из сундука подобные черному хребту / Весы вынули, / С серебряным слитком в пятьдесят лан / Сравнили быстренько. / Оказался совершенно одинаковым с родимым пятном мальчика’.

Во всех остальных случаях *лаң* встречается в значении меры стоимости, которая выражается сочетанием *Num + лаң өртектиг* ‘стоимостью в *Num* лан’. Стоимость предметов по мере уменьшения

⁵ В словарях китайского языка 兩 *liǎng* имеет более 12 значений. В виде слитков серебряный лян на протяжении многих веков являлся главной денежной единицей Китая, тогда как первая монета была отчеканена лишь в 1890 г. в провинции Гуандун. В марте 1933 г. с принятием закона об унификации денежной системы Китая лян как денежная единица отменен [Лапин 2019: 189], однако в качестве меры веса используется до настоящего времени.

выглядит следующим образом: а) самыми дорогими, стоимостью в тысячу ланов *муң лаң өртектиг*, представлены соболя *ак холдуг кара киши* (3) ‘черный соболь с белыми передними лапами’, *кара киши* (1) ‘чёрный соболь’, *хан сактыг кара киши* (1) ‘черный соболь с красной (досл. ‘кровавой’) грудкой’, а также *думаалай* (1) ‘свадебное покрывало невесты’ и *эзер* (3) ‘седло’; б) стоимостью в сто ланов *чүс лаң өртектиг*: *кызыл чуңгуу эзер* (1) ‘седло цвета красной киноvari’, *хүмүш чүген* (2) ‘серебряная уздечка’, *чүген* (4) ‘уздечка’; *хүмүш мөңгүн чүген* ‘серебряная уздечка’; в) стоимостью в шестьдесят ланов *алдан лаң өртектиг*: *алдын допуржасак* (1) ‘золотая нагайка’; *алдын салбактыг кудурга* (1) ‘подхвостник с золотыми кистями’; г) стоимостью в тридцать ланов *үжөн лаң өртектиг*: *хөндүрге* (1) ‘нагрудник’.

Чиң (6/3) ТРС Ø; ком.: Ø; тув. *чиң* < п.-монг. *jing* ‘китайский фунт, содержащий в себе 16 ланов весу, т.е. 140 русских золотников’ [Ков.: 2329; Голст. III: 350], ‘1) мера веса; 2) единица измерения веса; десять ланов будет один джин, равный 600 граммам; 3) безмен; 4) *перен.* извоз, караван’ < кит. 斤 *jīn* ‘1) цзинь (китайский фунт, полкилограмма)⁶; 2) вес’ [Сух. 2014: 123; БКРС]; см.: х.-мон. *жин(г)*, ойр. с., калм. *жиң* ‘уст. джин (мера веса, равная приблизительно 0,6 кг); *перен.* извоз, караван’ [БАМРС II: 175; Тодаева 2001: 143; ЭСМЯ II: 76]. В словарях тувинского языка зафиксировано лишь переносное значение: *чиң* ‘упакованный товар, тюк’ [ТРС 1968: 534], восходящее к одному из вышеуказанных монг. значений ‘*перен.* извоз, караван’, тогда как в текстах ТГС встречается в качестве единицы измерения веса. *Муң хоюм баиштыңы буурул тей дег өле иртимни дөгерткеш, эьдин чүрээниң хавынга сиңирип, алдан чиң болат маскамны биче-салаа кылгаи, аьдыңарның ыдык челиниң алдынга алдын удазын-биле өл доң-биле баглааи, салыптар мен, мана* [КА 1963: 105] ‘Вожака моих тысяча овец сивого валуха подобного серому холму прикажу зарезать, мясо положу в его сердечную сумку, стальной молот <весом> в шестьдесят джинов сделаю с мизинец, привяжу золотой нитью мертвым узлом под священной гривой вашего коня и отпущу его, ожидай’. Зафиксированы следующие сочетания: *алдан чиң болат маска* (2) ‘стальной молот в шестьдесят джинов’; *сезен беш чиң-биле кылган биче болат каң балды* (1) ‘малая секира из булатной стали, изготовленная в восемьдесят пять джинов’; *сезен беш чиң-биле кылган болат балды* (1) ‘стальная секира,

⁶ цзинь – основная мера веса в Китае и в настоящее время, составляет около 0,6 кг.

изготовленная в восемьдесят пять джинов'; *тос чиң торгу* (1) 'девять джинов шелка'; *чеди чиң торгу* (1) 'семь джинов шелка'. Выражение *сезен беш чиң-биле* *кылган* 'изготовленная в восемьдесят пять джинов' в тувинском «Гэсэре» представляет собой кальку с монгольского языка, в котором сохранилась монгольская грамматическая форма орудного падежа, выраженная в тув. языке послесловием *биле*. В монгольском «Гэсэре»: «*Жаран гурван жингээр хийсэн бага болд сүхээ өг*» [Гэсэр 2014: 226] 'Дай мне малую секиру, изготовленную в шестьдесят джинов'.

Из монгольского языка единично зафиксирован также отыменный глагол **чиңне-** (1) ТРС Ø; ТСТувЯ Ø; ЭСТувЯ Ø; ком.: Ø; *чиңне-* < п.-монг. *jingne-*, монг. *жигнэ-* 'взвешивать, вешать (на весах)' [БАМРС II: 165]. *Хайындырыңмай Багай-оол* <хунан инек дег кара шойну> *солагай талакы адыжынга салып алгаиш, чиңней көдүрүп олуруп-олуруп*: – *Шой демир көрбээн эвес, чоп мынчап орар чүвөл – дээш, довураан буруладыр, суун дырыладыр чуура тырткаиш, дүндүктөп үндүр чажыптып-тыр* [ХШХБ 1960: 29] 'Хайындырынмай Багай-оол положил <черную чугунную гирию, подобную трехлетней корове> на свою левую ладонь, посидел, взвешивая её, и сказав: – Что сидеть так, будто не видал чугунной гири – смял так, что пыль полетела, вода просочилась, и выкинул через верхнее дымовое отверстие'.

Меры времени

Минут (3/2) 'минута' [ТРС 1968: 296] < рус. минута, восходящая к метрической системе (< фр. *minute* < лат. *minuta* 'маленький, мелкий')>. В данном случае в тувинском слове наблюдается выпадение конечной гласной. *Үш хүн бир дүштүк дээн хүрешти Хаан-Төгүлдүр / Үш шак үжөн минут иитинде / Үш чүс алдан мөгени / Чаңгыс черге чыып каап турган чүвең иргин* [ХТ 1994: 108] 'Намеченную на три дня и полдень борьбу Хаан-Тогулдур / В течение трёх часов тридцати минут <закончил> / Триста шестьдесят борцов / Собираю, укладывая в одном месте'. Все случаи с использованием лексемы минут относятся к текстам сказителя Баазаная Тюлюша [см.: АЧ 1993: 125; ХТ 1994: 107, 108]

Шак (40/14) '1) час // часовой; 2) время; 3) часы // часовой' [ТРС 1968: 564], вторичный монголизм с заимствованным значением единицы измерения времени 'час' < п.-монг. *цау*, монг. *цаг* 1) время, период; 2) час; 3) часы; 4) в сочетании: погода, климат [БАМРС IV: 242]. Тогда как тув. *шаг* 'время, пора' [ТРС 1968: 563] < др.-тюрк. *саг*

‘время, пора’ [ДТС: 139]. Значение единицы измерения времени ‘час’ в других тюркских языках передается лексемами, отличающимися от тув.: напр., алт., кирг. *саат* [АРС 2018: 557; Юдахин II: 119], шор. *согат* [ШРС 1993: 144] и т.п., а в некоторых языках употребляются русизмы – тоф. *шаас* [ТофРС 2016: 531], хак. час [ХРС 2006: 951]. *Ашак баргаиш*, <...> *үш шактың иштинде үзе тозылап кааиш, чанып кээп-тир* [АКМ 1995: 121] ‘Старик пошел, <...> в течение трех часов вынес судебное решение и вернулся домой’. Кроме того, в двух сказаниях зафиксировано употребление лексемы *шак* в значении наименования конкретного времени: *пар шак* (6/2) ‘час тигра’, хой шак (1) ‘час овцы’⁷. В комментарии дано разъяснение: *пар шак – эртенгиниң беш-алды шак үези* [БШБ 1983: 25, сн. 1] ‘час тигра – пять-шесть часов утра’, что указывает приблизительное, на час запаздывающее, время. *Тавың-Хулук эртенгиниң пар шакта аъттангаиш, дүштегиниң хой шакта чеде халыда бээрге, ала-булазы үш муң четкен, черзи мөгези үш чүс четкен, эртен болза эрте, кежээ болза орай аъттаныр өйү келген туруп турлар эвеспе* [КХХМ 1974: 55] ‘Когда Тавын-Хулук, выехав верхом утром в час тигра, прискакал в обед в час овцы, то его <змеиное> войско *ала-була* достигло трёх тысяч, <земляных> силачей *черзи* стало три сотни, настало время отправляться им в путь, если завтра, то рано утром, если вечером, то поздним вечером’.

Шак-минут: *шак-минут ишти* (2) очень быстро, мигом, молниеносно (букв. ‘в течение часа-минуты’). Дапсы-Карала дап берген / Дүлүк-биле шак-минуттун иштинде / Барып тура дүжүп турган-дыр [ХК 1994: 173] ‘<Конь> Дапсы-Кара рванувшись рывком, / Сгоряча, молниеносно / Доскакав, останавливался’.

Заключение

⁷ В восточной астрологии, в т.ч. китайской, тибетской и монгольской, сутки делятся на 12 часов, соответствующих 12 животным зодиакального календаря, при этом каждый астрологический час длится два часа метрической системы или 120 минут. Суточный цикл начинается с часа мыши, который длится с 23 час 40 мин до 01 час 40 мин, час быка – с 01 час 40 мин до 03 час 40 мин и т.д. Следовательно, упоминаемые здесь час тигра соответствует времени с 03 часов 40 мин до 05 час 40 мин, час овцы – 13 час 40 мин до 15 час 40 мин.

Наличие иноязычных наименований мер и их значений, отсутствующих в литературном тувинском языке, не известных современному носителю и не бывших ранее предметом исследования тувиноведов, определяется фольклорной языковой картиной мира в ТГС, испытавшей в течение длительного времени в той или иной мере влияние монгольского языка и монгольского фольклора устным и книжным путем. Этимология рассмотренных нами лексических единиц указывает в большинстве случаев на их монгольское происхождение либо из других языков, в основном из китайского, через посредство монгольского языка. По языку-источнику они распределяются следующим образом: а) из монгольского языка (6): ама ~ аас, дугай, мугур-сөөм, сөөм, чинне-, шак; б) из китайского языка через посредство монгольского языка (5): кунза, лаң ~ ылаң, хууң ~ хумуң, чин, шоодай; в) из восточнотохарского языка через древнеуйгурский и монгольский язык (1): перээ ~ бир; г) из русского языка (4): буут ~ пуут ~ пуд, буут-буум, метр, минут; д) компоненты из монгольского и русского языков (1): шак-минут. Из 17 рассмотренных л.е. выявлены монголизмы (13) и русизмы (4), а также дериваты, содержащие монголизм (2) и русизм (1). К неосвоенным экзотическим л.е. относятся буум, перээ ~ бир, чин. При этом близкий к транслитерации вариант перээ проник книжным путем, тогда как вариант бир в составе устойчивого выражения чүс бирниц чери – устным путем. Единичное употребление в текстах ТГС, отсутствие в литературном тувинском языке таких лексических единиц как буут-буум, буутта-буумна-, перээ ~ бир, хөрөң хумуң ~ хөрөң хууң, чин, чинне- позволяет отнести их к фольклорной лексике, не известной широким массам и требующей комментариев. По сфере употребления можно разделить на следующие группы: а) общеупотребительные (5): метр, минут, хумуң ~ хууң, шак-минут, шоодай; б) устаревшие (6): ама, буут ~ пуут ~ пуд, дугай, лаң ~ ылаң, мугур сөөм, сөөм; в) фольклорные лексические единицы (8): аас, буут-буум, буутта-буумна-, кунза, хөрөң хумуң ~ хөрөң хууң, чин, чинне-, перээ ~ бир. Таким образом, иноязычная по своему происхождению лексика в ТГС требует дальнейшего изучения и описания средствами и методами лингвофольклористики и лингвокультурологии.

Список сокращений:

алт. – алтайский; бур. – бурятский; диал. – диалект; др.-тюрк. – древ-

не-тюркский; др.-уйг. – древнеуйгурский; калм. – калмыцкий; кирг. – киргизский; кит. – китайский; ком. – комментарий; лит. – литературный; монг. – монгольский; ойр. – ойратский Монголии; ойр. с. – ойратский СУАР КНР; парн. – парное слово; перен. – переносное значение; перс. – персидский; п.-монг. – письменный монгольский; рус. – русский; монг. – монгольский; скр. – санскритский; см. – смотри; ср. – сравни; сут.-х. – сут-хольский говор; тиб. – тибетский; то. – тодо бичиг (ясное письмо ойратов); тоф. – тофаларский; тох. А – тохарский А (восточнотохарский); тув. – тувинский; уст. – устаревшее; хак. – хакасский; шор. – шорский; як. – якутский;

Источники:

1. АБ 1993 – Алдай-Буучу // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. II. Алдай-Буучу / сост., коммент. С. М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. С. 3-96. (На тув.)
2. АКАМ 1971 – Артылаң-Кыскыл аъттыг Артылаң-Мерген [Артылан-Мерген с конем Артылан-Кыскыл] // Маңнайның тоолдары [Сказания и сказки Манная] / сост., предисл. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. С. 109–168. (На тув.)
3. АКМ 1995 – Он чүктүң ээзи, он хоранның үндүсүн үскен Ачыты Кезер-Мерген дугайында тоожу [Повествование о Благодетельном Кезер-Мергене, владыке десяти сторон света, искоренителе десяти вредоносных сил] / подгот. к печ., предисл., коммент. Д. С. Куулара, ред. К. Х. Оргу. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1993. 128 с. (На тув.)
4. АКХК 1963 – Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара мөге [Богатырь Хунан-Кара с конем Арзылан-Кара] // Тыва тоолдар [Тувинские сказания и сказки] / сост., коммент. Д. Куулар, ред. С. Сарыг-оол. Вып. VI. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1963. С. 3–54. (На тув.)
5. АКЧК 1996 – Арзылаң-Кара аъттыг Чечен-Кара Мөге [Богатырь Чечен-Кара Мөге с конем Арзылан-Кара] // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. V. Ары-Хаан / сост., коммент., послесл. о сказит. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1996. С. 100–157. (На тув.)
6. АС 1971 – Алдай-Сүмбер // Маңнайның тоолдары [Сказания и сказки Манная] / сост., предисл. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. С. 7–52. (На тув.)
7. АЧ 1993 – Алдын-Чаагай // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. II. Алдай-Буучу / сост., коммент. С. М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. С. 97–126. (На тув.)
8. БКБШ 1995 – Бокту-Кириш, Бора-Шээлей // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. II. Алдай-Буучу / сост., коммент. С.

- М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. С. 127-217. (На тув.)
9. БКБШ 1997 – Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 298–527 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12). (На тув. и рус.)
10. СБМ 1994 – Бораадай-Мерген // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. III. Далай-Байбын хаан / сост., предисл., коммент. С. М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1994. С. 194–228. (На тув.)
11. БШБ 1983 – Бора-Шокар аъттыг Боралдай [Боралдай с конем Бора-Шокар] / подгот. к печ. О. К.-Ч. Дарыма, Б. К. Будуп, ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1983. 308 с. (На тув.)
12. ДМAM 1968 – Демир-Мерген, Амыр-Мерген адашкылар [Отец Демир-Мерген и сын Амыр-Мерген] // Тыва тоолдар [Тувинские сказания и сказки] / сост. О. К. Дарыма, ред. К. Х. Оргу. Вып. VII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1968. С. 102–135. (На тув.)
13. КА 1963 Көгелдей-Ашак [Старик Когелдей] // Тыва тоолдар [Тувинские сказания и сказки] / сост. Д. С. Куулар, ред. С. А. Сарыг-оол. Вып. VI. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1963. С. 82–107. (На тув.)
14. КХХМ 1974 – Күчүн-Хүрең аъттыг Хүрү-Маадыр [Хуру-Маадыр с конем Кучун-Хурен] // Арзылан-Мерген / сост. Ч. Ч. Куулар, О. К.-Ч. Дарыма, ред. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. С. 3–57. (На тув.)
15. ТАХ 1990 – Тоң-Аралчын хаан // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. I. / сост., предисл., коммент. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1990. С. 142–175. (На тув.)
16. ТУТ 2012 – Тыва улустуң тоолдары [Тувинские народные сказания и сказки]: материалы II слета сказителей Тувы / сост., предисл. и коммент. С. М. Орус-оол, ред. М. Б. Кунгаа. Кызыл, 2012. 624 с. (На тув. яз.)
17. ХК 1994 – Хөөкүй-Кара // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. III. Далай-Байбын хаан / сост., предисл., коммент. С. М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1994. С. 153–193. (На тув. яз.)
18. ХК 2012 – Хаан-Караңгай // Тыва улустуң тоолдары [Тувинские народные сказания и сказки]: материалы II слета сказителей Тувы / сост., предисл. и коммент. С. М. Орус-оол, ред. М. Б. Кунгаа. Кызыл, 2012. С. 155–176. (На тув.)
19. ХТ 1994 – Хаан-Төгүлдүр // Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания]: в 5 т. Т. III. Далай-Байбын хаан / сост., предисл., коммент. С. М. Орус-оол, ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1994. С. 89–111. (На тув.)
20. ХуК 1997 – Хунан-Кара // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол.

Новосибирск: «Наука». Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 54-297. (На тув. и рус.)

21. ХХКК 1968 – Хүлүк-Хүрөң аъттыг Каң-Күчү маадыр [Кан-Кучу маадыр с конем Хулук-Хурен] // Тыва тоолдар [Тувинские сказания и сказки] / сост. О. К. Дарыма, ред. К. Х. Оргу. Вып. VII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1968. С. 5–59. (На тув.)

22. ХШХБ 1960 – Хан-Шилги аъттыг Хайындырыңмай Багай-оол [Хайындырынмай Багай-оол с конем Хан-Шилги] // Тыва тоолдар [Тувинские сказания и сказки] / сост. Д. С. Куулар, А. К. Калзан, перераб. С. А. Сарыг-оол, ред. А. К. Калзан. Вып. V. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1960. С. 3–48. (На тув.)

23. ЭКС 1971 – Эрге-Кара-Сыйбың // Маңнайның тоолдары [Сказания и сказки Манная] / сост., предисл. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1971. С. 75–108. (На тув.)

24. Гэсэр 2014 – Гэсэр // Тууль / ерөн. редактор Г. Сүлд-Эрдэнэ; Монгол хэл соёлын хүрээлэн. Улаанбаатар: МОНСУДАР, 2014. 223-363-р т. (На монг.)

Sources:

1. Aldai-Buuchu (1995). *Tuvan heroic tales, vol. II. Aldai-Buuchu*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 3-96. (In Tuv.)

2. Artylang-Kyskyl a”tтыg Artylang-Mergen [Artylan-Mergen with horse Artylan-Kyskyl] (1971). *Tales of Mannay*. Comp. by O. K. Daryma. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 109–168. (In Tuv.)

3. On chuktung eezi, on khorannyng undusun usken Achyty Kezer-Mergen dugaiynda toozhu [The Tale of the Beneficent Kezer-Mergen, Lord of the Ten Directions, Destroyer of the Ten Harmful Forces] (1995). Comp., annot. by D. S. Kuular, ed. by K. Kh. Orgu. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 128 p. (In Tuv.)

4. Arzylang-Kara a”tтыg Khunan-Kara moge [Hunan-Kara Moge with the horse Arzylan-Kara] (1963). *Tuvan tales*. Comp., annot. by D. Kuular, ed. by S. Saryg-ool. Vol. VI. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 3–54. (In Tuv.)

5. Arzylang-Kara a”tтыg Chechen-Kara Moge [Chechen-Kara Moge with the horse Arzylan-Kara] (1996). *Tuvan heroic tales, vol. V. Ary-Khaan* Comp., annot. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 100–157. (In Tuv.)

6. Aldai-Sumber (1971). *Tales of Mannay*. Comp. by O. K. Daryma. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1971. Pp. 7–52. (In Tuv.)

7. Aldyn-Chaagai (1993). *Tuvan heroic tales, vol. II. Aldai-Buuchu*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 97–126. (In Tuv.)

8. Boktu-Kirish, Bora-Sheelei (1995). *Tuvan heroic tales, vol. II. Aldai-Buuchu*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 127-217. (In Tuv.)

9. Boktug-Kirish, Bora-Sheelei (1997). *Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 12. Tuvan Heroic Tales*. Comp. by S. M. Orus-ool.

Novosibirsk, Nauka, pp. 298–527. (In Tuv. and Russ.)

10. Boraadai-Mergen (1994). *Tuvan heroic tales, vol. III. Dalai-Baibyn khan*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 194–228. (In Tuv.)

11. Bora-Shokar a'ttyg Boraldai [Boraldai with the horse Bora-Shokar] (1983). Comp. by O. K. Daryma, B. K. Budup, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 308 p. (In Tuv.)

12. Demir-Mergen, Amyr-Mergen adashkylar [Father Demir-Mergen and son Amyr-Mergen] (1968). *Tuvan tales*. Comp. by O. K. Daryma, ed. by K. Kh. Orgu. Vol. VII. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 102–135. (In Tuv.)

13. Kogeldei-Ashak [Old Man Kogeldey] (1963). *Tuvan tales*. Comp. by D. S. Kuular, ed. by S. A. Saryg-ool. Vol. VI. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 82–107. (In Tuv.)

14. Kuchun-Khureng a'ttyg Khuru-Maadyr [Khuru-Maadyr with the horse Kuchun-Khuren] (1974). *Arzylan-Mergen*. Comp. by Ch. Ch. Kuular, O. K. Daryma, ed. by Yu. Sh. Kyunzegesh. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 3–57. (In Tuv.)

15. Tong-Aralchyn khaan (1990). *Tuvan heroic tales, vol. I*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 142–175. (In Tuv.)

16. Tyva ulustung tooldary [Tuvan folk tales] (2012). Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by M. B. Kungaa. Kyzyl, 624 p. (In Tuv.)

17. Khookui-Kara (1994). *Tuvan heroic tales, vol. III. Dalai-Baibyn khan*. Comp. by predisl., komment. S. M. Orus-ool, red. D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 153–193. (In Tuv.)

18. Khaan-Karangai (2012). *Tuvan folk tales*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by M. B. Kungaa. Kyzyl, pp. 155–176. (In Tuv.)

19. Khaan-Toguldur (1994). *Tuvan heroic tales, vol. III. Dalai-Baibyn khan*. Comp., annot. by S. M. Orus-ool, ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 89–111. (In Tuv.)

20. Khunan-Kara (1997). *Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 12. Tuvan Heroic Tales*. Comp. by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka, pp. 54–297. (In Tuv.)

21. Khuluk-Khureng a'ttyg Kang-Kuchu maadyr [Kan-Kuchu maadyr with horse Khuluk-Khureng] (1968). *Tuvan tales*. Comp. by O. K. Daryma, ed. by K. Kh. Orgu. Vol. VII. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 5–59. (In Tuv.)

22. Khan-Shilgi a'ttyg Khaiyndyryngmai Bagai-ool [Khaiyndyryngmai Bagai-ool with horse Khan-Shilgi] (1960). *Tuvan tales*. Comp. by D. S. Kuular, A. K. Kalzan, ed. by A. K. Kalzan. Vol. V. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 3–48. (In Tuv.)

23. Erge-Kara-Syibyn (1971). *Tales of Mannay*. Comp. by O. K. Daryma. Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 75–108. (In Tuv.)

24. Geser (2014). *Tales*. Ed. by G. Suld-Erdene, Ulaanbaatar, MONSUDAR, pp. 223–363. (In Mong.)

Словари:

1. АРС 2018 – Алтайско-русский словарь / Мин-во образ. и науки РА, БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 935 с.
2. БАМРС I – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. I. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.
3. БАМРС II – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. II. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.
4. БАМРС III – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. III. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
5. БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. IV. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
6. БКРС – Большой китайско-русский словарь [электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 13.06.2024).
7. БРС II – *Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2: О–Я. Улан-Удэ: Республ. тип., 2008. 708 с.
8. Голст. II – *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. II. СПб.: лит. А. Иконникова, 1894. 462 с.
9. Голст. III – *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. III. СПб.: лит. А. Иконникова, 1893. 291 с.
10. ДТС – Древнетюркский словарь / *ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак.* Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
11. Ков. – *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х томах. Казань: Изд-во «Университетская тип.», 1844–1849. 2690 с.
12. КРС 1977 – Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
13. Сух. 2014 – *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь [Словарь иностранных слов монгольского языка]. Улаанбаатар: «МОНСУДАР», 2014. 280 х. (На монг.)
14. Тодаева 2001 – *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
15. ТофРС 2016 – *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. 608 с.
16. ТОТР 1933 – *Тыва-орустуң тојул пизии* [Тувинско-русский словарь] / ТАР-ның erttem komitedi. Кызыл, 1933. 200 ар.

17. ТРС 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.
18. ТСТувЯ I – Толковый словарь тувинского языка: с пер. значений слов и устойчивых словосочетаний на рус. яз. / Тув. ин-т гуманитар. исслед.; сост.: Б. К. Будуп и др.; под ред. Д. А. Монгуша. Т. I: А–Й. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.
19. ТСТувЯ II – Толковый словарь тувинского языка: с пер. значений слов и устойчивых словосочетаний на рус. яз. / Тув. ин-т гуманитар. исслед.; сост.: Б.К. Будуп и др.; под ред. Д. А. Монгуша. Т. II: К–С. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с.
20. ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / под общ ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
21. Цолоо 1988 – *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг [Диалектологический словарь монгольского языка в МНР]. Т. II. Ойрд аялгуу [Ойратское наречие] / Ин-т языка и литер. АН МНР; ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 944 х. (*На монг., ойр. и рус.*)
22. Цэвэл 1966 – Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь [Краткий толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хороо, 1966. 911 с. (*На монг.*)
23. ШРС 1993 – Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский словарь. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1993. 149 с.
24. ЭСМЯ II – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Ин-т востоковед. РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G–P. 232 с.
25. ЭСМЯ III – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Ин-т востоковед. РАН. Отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q–Z. 240 с.
26. ЭСТувЯ I – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. I: А–Б. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.
27. ЭСТувЯ II – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. II: Д, Ё, И, Й. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.
28. ЭСТувЯ III – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. III: К, Л. Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.
29. ЭСТувЯ IV – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. IV: М, Н, О, Ө,

П. Новосибирск: Наука, 2008. 442 с.

30. ЭСТУВЯ V – *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Н. Н. Широбокова; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. V: С. Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.

31. Юдахин П – *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Кн. II. Л–Я. Фрунзе: Гл. ред. Кирг. Сов. Энцикл., 1985. 480 с.

32. EDAL – S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, with assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3 [Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia 8:1–3]. Leiden – Boston: Brill, 2003. 2096 p.

33. Ramst. – Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Suomalais Ugrilainen Seura [Finno-Ugric Society], 1935. 560 s. (In Germ. and Kalm.).

Dictionaries:

1. ARS (2018) Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary], Chumakaev, A. Eh. (Ed.), Gorno-Altaysk, 935 p. (In Alt. and Russ.).

2. BAMRS I (2001) Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Large Mongolian-Russian Academic Dictionary], Pyurbееv, G. Ts. (Ed.), vol. 1, Moscow, Academia, 488 p. (In Mong. and Russ.).

3. BAMRS II (2001) Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Large Mongolian-Russian Academic Dictionary], Pyurbееv, G. Ts. (Ed.), vol. 2, Moscow, Academia, 536 p. (In Mong. and Russ.).

4. BAMRS III (2001) Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Large Mongolian-Russian Academic Dictionary], Pyurbееv, G. Ts. (Ed.), vol. 3, Moscow, Academia, 440 p. (In Mong. and Russ.).

5. BAMRS IV (2002) Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Large Mongolian-Russian Academic Dictionary], Pyurbееv, G. Ts. (Ed.), vol. 4, Moscow, Academia, 532 p. (In Mong. and Russ.).

6. BKRS Oshanin, I. M. Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [Large Chinese-Russian Dictionary [electronic resource] // URL: <https://bkrs.info> (data obrashcheniya: 13.06.2024).

7. BRS Shagdarov, L. D. and Cheremisov, K. M. (2008) Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian Dictionary], vol. 2, Ulan-Ude, Respubl. tip., 708 p. (In Bur. and Russ.).

8. Golstunsky, K. F. (1894) Mongol'sko-russkiy slovar' [Mongolian-Russian Dictionary], vol. 2, St. Petersburg, A. Ikonnikov, 462 p. (In Mong. and Russ.).

9. Golstunsky, K. F. (1893) Mongol'sko-russkiy slovar' [Mongolian-Russian Dictionary], vol. 3, St. Petersburg, A. Ikonnikov, 491 p. (In Mong. and Russ.).

10. DTS (1969) Drevnetyurkskiy slovar' [Dictionary of Old Turkic], Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R. and Shcherbak, A. M. (eds.), Leningrad, Nauka,

676 p. (In Old Turk., Russ., etc.)

11. Kow. Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français [Mongolian-Russian-French Dictionary], Kasan: Imprimerie de l'Universite, 1844–1849, vol. 1-3, 2690 p. (In Mong., Russ. and Fr.)

12. KRS (1977) Kalmycko-russkiy slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary], Muniev, B. D. (Ed.), Moscow, Russkiy Yazyk, 768 p. (In Kalm. and Russ.).

13. Sükhbaatar, O. (2014) Mongol khelniy khar' ügiyn tol' [Borrowed Words in Mongolian], Ulaanbaatar, MONSUDAR, 280 p. (In Mong.) .

14. Todaeva, B. Kh. (2001) Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana (Po versiyam pesen "Dzhangara" i polevym zapisyam avtora) [Dictionary of Xinjiang Oirat (Compiled from Jangar Narratives and Author's Field Data)], Elista, Kalm. kn. izd., 493 p. (In Oyr. and Russ.).

15. TofRS (2016) Rassadin, V. I. Tofalarsko-russkiy slovar' [Tofalar-Russian dictionary], Moscow, 608 p. (In Tof. and Russ.).

16. TOTP (1933) Tyva-orustun tojul pizhii [Tuvan-Russian Dictionary], Kyzyl, 200 p. (In Tuv. and Russ.).

17. TRS (1968) Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian Dictionary], Tenishev, E. R. (Ed.), Moscow, Sov. entsikl., 646 p. (In Tuv. and Russ.).

18. TSTYA I (2003) Tolkoviy slovar' tuvinskogo yazika [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language], vol. 1, Novosibirsk, Nauka, 599 p. (In Tuv. and Russ.).

19. TSTYA II (2011) Tolkoviy slovar' tuvinskogo yazika [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language], vol. 2, Novosibirsk, Nauka, 798 p. (In Tuv. and Russ.).

20. KhRS (2006) Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary], Subrakova O. V. (Ed.), Novosibirsk, Nauka, 1114 p. (In Khak. and Russ.).

21. Tsooloo, Zh. (1988) BNMAU dah' mongol khelnii nutgiyn ayalguuny tol' bichig. T. II. Oird ayalguu [Dialectological Dictionary of the Mongolian Language in the Mongolian People's Republic, vol. 2. Oirat dialect], Ulaanbaatar, 944 p. (In Mong.)

22. Tsehvehl, Ya. (1966) Mongol khelniy tovch taylbar tol' [Brief explanatory dictionary of the Mongolian language], Ulaanbaatar, 911 p. (In Mong.).

23. ShRS (1993) Kurpeshko-Tannagasheva, N.N. and Aponkin, F.Ya. Shorsko-russkiy slovar' [Shor-Russian dictionary], Kemerovo, 149 p. (In Shor. and Russ.).

24. ESMYA II (2016) Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N. and Shevernina, Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skih yazykov [Etymological Dictionary of Mongolic Languages], vol. 2, Moscow, Institut vostokovedeniya (RAN), 232 p. (In Mong., Russ., etc.).

25. ESMYA III (2018) Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skih yazykov [Etymological Dictionary of Mongolic Languages], vol. 3, Moscow, Institut vostokovedeniya (RAN), 240 p. (In Mong., Russ., etc.).

26. Tatarintsev, B. I. (2000) Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological Dictionary of Tuvan Language], vol. 1, Novosibirsk, Nauka, 341 p. (In Tuv.

and Russ.).

27. Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Tuvan Language], vol. 2, Novosibirsk, Nauka, 388 p. (In Tuv. and Russ.).

28. Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Tuvan Language], vol. 3, Novosibirsk, Nauka, 440 p. (In Tuv. and Russ.).

29. Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Tuvan Language], vol. 4, Novosibirsk, Nauka, 442 p. (In Tuv. and Russ.).

30. Tatarintsev, B. I. (2018) *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Tuvan Language], vol. 5, Novosibirsk, Nauka, 180 p. (In Tuv. and Russ.).

31. Yudakhin, K. K. (1985) *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian Dictionary], vol. 2, Frunze, Kyrgyz Soviet Encyclopedia, 480 p. (In Kyrg. and Russ.).

32. Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A., with assistance of I. Gruntov and V. Glumov. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3* [Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia 8:1–3]. Leiden – Boston: Brill, 2003. 2096 p.

33. Ramstedt, G. J. (1935) *Kalmükisches Wörterbuch* [Dictionary of Kalmyk]. Helsinki, Suomalais Ugrilainen Seura [Finno-Ugric Society], 560 p. (In Kalm. and Germ.).

Литература:

1. Абдрахимов 2011 – Абдрахимов Х. З. Метрологическая лексика башкирского языка (лексико-семантический, функциональный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Абдрахимов Харис Забихович. Уфа, 2011. 23 с.

2. Асадулаева 2014 – Асадулаева П. У. Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 12(42): в 3-х ч. Ч. II. С. 22–24.

3. Батырева 2021 – Батырева К. П., Бембеев Е. В., Мукабенова Ж. А. Калмыцкие меры длины: этнолингвистический аспект // *Кочевая цивилизация: исторические исследования*. 2021. № 3. С. 53–64.

4. Вайнштейн 1961 – Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1961. 219 с.

5. Вайнштейн 1991 – Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Тувин. НИИ яз., лит. и истории. М.: Наука, 1991. 296 с.

6. Давидович 1970 – Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 79-147.

7. Дамдинова 2007 – Дамдинова Б.-Х. В. Китайские заимствования в монгольских языках: на материале современного монгольского и бурятского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Дамдинова Буда-Ханда Владимировна; [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. Улан-Удэ, 2007. 165 с.
8. Дондокова 2003 – Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят / ИМБит СО РАН; отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 134 с.
9. Дыбо 2007 – Дыбо А. В. Тюрко-тохарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. М., 2007. С. 80–108.
10. Иванова 2016 – Иванова И. Б. Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 80–85.
11. Катанов 1903 – Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казанского ун-та, 1903. XLII, 1540, LX с., 14 л. табл.
12. Кенин-Лопсан 1999 – Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чаңчыл. 2-ги кезээ. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары [Тувинские традиции. Ч. 2. Священные традиции тувинского народа] / Тувин. отд-ние педаг. общ-ва при Мин-ве образ. Республики Тыва. Кызыл: Новости Тувы, 1999. 352 с. (На тув. яз.)
13. Куулар 1995 – Куулар Д. С. Эге сөс [Предисловие] // Он чүктүң ээзи, он хоранның үндүсүн үскен Ачыты Кезер-Мерген дугайында тоожу [Повествование о Благодетельном Кезер-Мергене, владыке десяти сторон света, искоренителе десяти вредоносных сил]. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. С. 3–11. (На тув. яз.).
14. Лапин 2019 – Лапин П. А. Очерк истории цинского серебряного лян // Общество и государство в Китае: 49-я науч. конф. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 30). Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2019. С. 187–196.
15. Майзина 2012 – Майзина А. Н. Система народных мер у алтайцев (этнолингвистический аспект) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (31 мая – 1 июня 2012 г.). Горно-Алтайск, 2012. С. 104–111.
16. Мигир-Мижит хаан 2020 – Мигир-Мижит хаан (тувинские сказки, основанные на сюжетах литературных памятников Древней Индии, Тибета и Монголии) / сост.: А.С. Донгак, Б. Баярсайхан, О.М. Саая; ред. С.М. Орус-оол. Кызыл: Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2020. 180 с. (На тув. яз.).
17. Монраев 1981 – Монраев М. У. Меры длины в калмыцком языке // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста, 1981. С. 60–65.
18. Орус-оол 2019 – Орус-оол С.М. Полевые исследования фольклора тувинцев-тоджинцев // IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 1–5

марта 2018 г.): сб. науч. ст. В 3 т. Т. 2: Многообразие фольклорных традиций: история и современность / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М., 2019. С. 199-200.

19. Потапов 1969 – Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. М.: Наука, 1969. 402 с.

20. Рассадин 1980 – Рассадин В. И. Монгольско-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.

21. Рассадин 2008 – Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с

22. Санжеев 1960 – Санжеев Г. Д. Кызыльская рукопись монгольской эпической повести «Хан-Харангуй» // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 265–350.

23. Сат 1987 – Сат Ш. Ч. Тыва диалектология [Тувинская диалектология]. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1987. 104 с. (На тув.).

24. Татаринцев 1976 – Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику / Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. 130 с.

25. Тодаева 1976 – Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / КалмНИИЯЛИ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

26. Khab. 2009 – Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Tuvan / Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2009. 341 p.

References:

1. Abdrakhimov, Kh. Z. (2011), “Metrologicheskaya leksika bashkirskogo yazyka (leksiko-semanticheskii, funktsional’nyi analiz)” [Metrological vocabulary of the Bashkir language (lexical-semantic, functional analysis)]. *Extended abstract of candidate’s thesis*. Ufa, 23 p. (In Russ.).

2. Asadulaeva, P. U. (2014), “Nazvaniya starinnykh mer izmereniya v kumykskom yazyke” [Names of ancient units of measurement in the Kumyk language]. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. Tambov, Gramota, no. 12 (42), part II, pp. 22–24. (In Russ.).

3. Batyreva, K. P., Bembeev, E. V. and Mukabenova, Zh. A. (2021), “Kalmytskie mery dliny: ethnolingvisticheskii aspekt” [Kalmyk units of length: ethnolinguistic aspect]. *Nomadic Civilization: Historical Research*, no. 3, pp. 53–64. (In Russ.).

4. Vainshtein, S. I. (1961), “Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki” [Tuvans-Todzhins. Historical and ethnographic essays], Moscow, Nauka, 219 p. (In Russ.).

5. Vainshtein, S. I. (1991), “Mir kochevnikov tsentra Azii” [The World of Nomads from Asia’s Center]. Moscow, Nauka, 296 p. (In Russ.).

6. Davidovich, E. A. (1970), "Materialy po metrologii srednevekovoi Srednei Azii" [Materials on the metrology of medieval Central Asia]. *Khints, V. Muslim measures and weights with conversion to the metric system. Davidovich, E. A. Materials on the metrology of medieval Central Asia*, Moscow, Nauka, pp. 79-147. (In Russ.).
7. Damdinova, B.-Kh. V. (2007), "Kitaiskie zaimstvovaniya v mongol'skikh yazykakh: na materiale sovremennogo mongol'skogo i buryatskogo yazykov" [Chinese borrowings in Mongolian languages: based on modern Mongolian and Buryat languages]: *Candidate's thesis*. Ulan-Ude, 165 p. (In Russ.).
8. Dondokova, D. D. (2003), "Leksika dukhovnoi kul'tury buryat" [Vocabulary of Buryat Spiritual Culture], Ulan-Ude, Buryat Scientific Center, 136 p. (In Bur. and Russ.).
9. Dybo, A. V. (2007), "Tyurko-tokharskaya kontaktnaya leksika" [Turkic-Tokhar contact vocabulary], *Aspects of Altai linguistics*, Moscow, pp. 80-108. (In Russ.).
10. Ivanova, I. B. (2016), "Yazykovye sredstva vyrazheniya mery ob'ema i vesa v yakutskom yazyke" [Linguistic means of expressing measures of volume and weight in the Yakut language]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [North-Eastern Humanitarian Herald]*, no. 4 (17), pp. 80–85. (In Russ.).
11. Katanov, N. F. (1903), "Opyt issledovaniya uryankhaiskogo yazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya" [An attempt to study the Uryankhai language, with an indication of its main relationships to other languages of Turkic origin], Kazan, Tipo-lit. Imp. Kazanskogo un-ta, XLII, 1540, LX p., 14 l. tabl. (In Russ.).
12. Kenin-Lopsan, M. B. (1999), "Tyva changchyl. 2-gi kezee. Tyva chonnung ydyktyg changchyl-dary" [Tuvan Traditions. Part 2. Sacred Traditions of the Tuvan People], Kyzyl, Novosti Tuvy, 352 p. (In Tuv.).
13. Kuular, D. S. (1995), "Ege sos" [Preface]. *The Tale of the Beneficent Kezer-Mergen, Lord of the Ten Directions, Destroyer of the Ten Harmful Forces*, Kyzyl, Tuv. kn. izd., pp. 3–11. (In Tuv.).
14. Lapin, P. A. (2019), "Ocherk istorii tsinskogo serebryanogo lyana" [An Essay of the History of the Qing Silver Liang]. *Society and State in China: 49th Scientific Conference*, part 2, Moscow, pp. 187–196. (In Russ.).
15. Maizina, A. N. (2012), "Sistema narodnykh mer u altaitsev (ehtnolingvisticheskiy aspekt)" [The system of folk measures among the Altai people (ethnolinguistic aspect)]. *History and Culture of the Peoples of Southwestern Siberia and Adjacent Regions (Kazakhstan, Mongolia, China): Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (May 31 – June 1, 2012)*, Gorno-Altai, pp. 104–111. (In Russ.).

16. Migir-Mizhit khaan (2020), “Migir-Mizhit khaan (tuvinskie skazki, osnovannye na syuzhetakh literaturnykh pamyatnikov Drevnei Indii, Tibeta i Mongolii)” [Migir-Mizhit Khan (Tuvan fairy tales based on the plots of literary monuments of Ancient India, Tibet and Mongolia)] / comp. by Dongak A. S., Bayarsaikhan B. and Saaya O. M.; ed. by Orus-ool S. M., Kyzyl, Anyyak, 180 p. (In Tuv.).
17. Monraev, M. U. (1981), “Mery dliny v kalmytskom yazyke” [Measures of length in the Kalmyk language]. *Research on the vocabulary of the Kalmyk language*, Elista, pp. 60–65. (In Russ.).
18. Orus-ool, S. M. (2019), “Polevye issledovaniya fol’klora tuvintsev-todzhintsev” [Field research of the folklore of the Tuvan Todzhins]. *IV All-Russian Congress of Folklorists (Tula, March 1–5, 2018)*, vol. 2: *Diversity of Folklore Traditions: History and Modernity*, Moscow, pp. 199–200. (In Russ.).
19. Potapov, L. P. (1969), “Ocherki narodnogo byta tuvintsev” [Essays on Traditional Household of the Tuvans], Moscow, Nauka, 402 p. (In Russ.).
20. Rassadin, V. I. (1980), “Mongol’sko-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh” [Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages], Moscow, Nauka, 115 p. (In Russ.).
21. Rassadin, V. I. (2008), “Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol’skoi yazykovoi obshchnosti. Ch. II. Mongol’skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov” [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community. Part II. Mongol influence on the vocabulary of Turkic languages], Elista, Izd. Kalm. un-ta, 243 p. (In Russ.).
22. Sanzheev, G. D. (1960), “Kyzyl’skaya rukopis’ mongol’skoi ehpichekoi povesti «Khan-Kharanguy»” [Kyzyl manuscript of the Mongolian epic story “Khan-Kharanzhuy”]. *Turkic-Mongolian linguistics and folkloristics*, Moscow, pp. 265–350. (In Russ.).
23. Sat, Sh. Ch. (1987) “Tyva dialectologiya” [Tuvan dialectology], Kyzyl, Tuv. kn. izd., 104 p. (In Tuv.).
24. Tatarintsev, B. I. (1976), “Mongol’skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku” [Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary], Kyzyl, Tuv. kn. izd., 130 p. (In Russ.).
25. Todaeva, B. Kh. (1976), “Opyt lingvisticheskogo issledovaniya ehposa «Dzhangar»” [An Experience of Linguistic Research of the Epic “Dzhangar”], Elista, 530 p. (In Russ.).
26. Khabtagaeva, B. (2009), *Mongolic Elements in Tuvan*, *Turcologica* 81, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 341 p.

Информация об авторе:

Хертек Любовь Кенденовна, научный сотрудник сектора словарей Тувинского

института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация; 667000, Российская Федерация, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: hertekl@yandex.ru

РИНЦ Author ID: 820873

Information about the author:

Liubov K. Khertek, Researcher of the Dictionary Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation; 4 Kochetov Street, Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russian Federation.

E-mail: hertekl@yandex.ru

© Хертек Л. К. 2024

ЭТНОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 392

ИЗВЕСТНЫЕ ПЕРСОНЫ УРЯНХАЯ 1914 ГОДА В РАБОТАХ СЕРГЕЯ И КСЕНИИ МИНЦЛОВЫХ

Айлана К. Кужугет, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, завсектором культурологии, Кызыл, Республика Тыва, Россия, akumin@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются самые известные фотографии известных лиц Тувы 1914 года, указывается место их современного хранения в Архиве Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества. Коллекция состоит из двух частей: в альбоме «Урянхайский край» фотографии приклеены и подписаны вручную, очевидно, С. Минцловым - Разряд 112 Опись 1. № 483, и во второй части - отдельно: Разряд 112 Опись 1. № 189 – 65 фото. Доказывается неоспоримость их авторства и подлинность их названий самими путешественниками Сергеем и Ксенией Минцловыми.

Ключевые слова: экспедиция, правители хошунов, их поведение, одежда, цветовая гамма костюмов

Для цитирования: Кужугет А. К. «Известные персоны Урянхая 1914 г. в работах Сергея и Ксении Минцловых // Азиатские исследования: история и современность». 2024. № 3 (11). С. 76–88. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-77-88

THE FAMOUS PERSONS OF URYANKHAI IN 1914 IN THE WORKS OF SERGEI AND KSENIA MINTSLOV

Ailana K. Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies,
Candidate of Art History, Associate Professor
Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Head of the Cultural Studies
Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, akumin@mail.ru

Abstract: The article examines the most famous photographs of the first persons of Tuva in 1914, indicating the place of their modern storage in the Archive of the St. Petersburg Branch of the Russian Geographical Society. The collection consists of two parts: in the album “Uryanghai Region” the photographs are glued and signed by hand, apparently by S. Mintzlov - Category 112 Inventory 1. No. 483, and in the second part - separately: Category 112 Inventory 1. No. 189 - 65 photos. The indisputability of their authorship and the authenticity of their names are proven by the travelers themselves Sergey and Ksenia Mintzlov.

Keywords: expedition, khoshun rulers, their behavior, clothing, color scheme of costumes.

For citation: Kuzhuget A. K. (2024) “The Famous Persons of Uryankhai in 1914 in the Works of Sergei and Ksenia Mintslov” // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (11), p. 76–88. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-77-88

Введение

В связи с тем, что достаточно известные фотографии начала XX века подписываются в настоящее время с грубыми ошибками и в научных изданиях, и в подписях под ними в различных музеях России, назрела необходимость разобраться в авторстве фотографий и названиях. Это трудный и неблагодарный труд, однако он необходим. В частности, чрезвычайно много ошибок в подписях под фотографиями в издании «Урянхай. Тыва дептер», поскольку готовился семитомник в крайне сжатые сроки. Это только один пример, на самом деле их множество и они требуют тщательного исследования специалистов. В данной статье мы остановимся на изучении фотографий только одной экспедиции в Туву, а, как известно, их было несколько десятков.

В многочисленных книгах конца XIX – начала XX века преимущественно русских путешественников встречаются фотографии известных людей Тувы. Однако их немного и каждая до сих пор вызывает большой интерес, несмотря на многочисленные их переиздания. Они ещё ждут серьёзного изучения, поскольку несут значительную информацию, невидимую с первого взгляда. Мы разделяем точку зрения авторов статьи «Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века» Н. Сергеевой и Л. Четыровой // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>, которые утверждают, что «визуальные репрезентации тувинцев —

это фоторепортажи с места события, сделанные осведомленными путешественниками, этнографами, в натуральных аутентичных условиях жизни и труда, без применения ретуши и композиционного обозначения превосходящего или, наоборот, подчиненного положения данного народа в сравнении с русскими. Отсутствие нарочитой работы на камеру у тувинцев, выстроенных и дисциплинированных тел «инородцев», а главное, следов «более цивилизованного» быта, вроде кирпичных или срубовых домов, отрицает влияние имперской России на жизнь данного народа в рассматриваемый исторический период». Объясняется это тем, что в Туве попросту не было особых требований к позированию для фото, известные персоны были вполне естественными на съемках, как и в обыденной жизни и это является важным свойством фотоизображений жителей Тувы начала XX века и отличием от подобных портретов в колониях Российской империи.

Экспедиция Минцловых и их фотографии

В 1914 году Сергей и Ксения Минцловы путешествовали по Туве (Урянхайскому краю) с разведывательными целями по заданию Российского правительства. Результатом их поездки стали две книги и фотоархив. Сергей Минцлов, известный писатель своего времени написал книгу «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай» (Рига, б\д); Ксения Минцлова – «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. – Петроград, 1915; переиздана под тем же названием в Кызыле в 1993 году Национальной библиотекой им. Пушкина.

В настоящее время наибольший интерес для историков, культурологов, этнографов представляют фотографии, сделанные большей частью Ксенией Минцловой, которые хранятся в течение ста лет в Архиве Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества. Коллекция состоит из двух частей: в альбоме «Урянхайский край» фотографии приклеены и подписаны вручную, очевидно, С. Минцловым - Разряд 112 Опись 1. № 483, и во второй части - отдельно: Разряд 112 Опись 1. № 189 – 65 фото.

Фотографии самого разного качества, как по техническим характеристикам, так и по смысловой нагрузке. Есть просто пейзажи среднего качества, но большую научно-познавательную ценность несут фото людей, сыгравших ключевую роль в истории Тувы 1914 года, о которых много известно, но хотелось бы узнать больше, в частности, то, как они выглядели, как вели себя при встрече с гостями и даже как они были одеты.

В 1915 году, когда, вероятно, С. Минцлов издал свой дневник путешествия, он еще не знал, насколько важными для будущих поколений Тувы будут фотографии людей, с которыми он встречался и запечатлел, поэтому в книги обоих супругов Минцловых они не вошли, многие ни разу не издавались.

Современным исследователям истории и культуры республики интересно все, даже цветовая гамма костюмов тувинских правителей и членов их семей, которых путешественники сняли на фото и детально описали в своих текстах.

По поводу авторства большинства фотографий сомнений быть не должно, поскольку на титульном листе книги С. Минцлова написано: Фотографии сняты К.Д. Минцловой; в текстах обеих книг детально описывается процесс съемки. К примеру, при встрече с Буяном-Бадыргы К. Минцлова записала: «Мы сняли фотографию сойотского властелина». В альбоме фото за подписью «Кемчикский нойон и его приближенные» снят нойон Даа-хошуна Монгуш Буян-Бадыргы (1892-1932), один из основателей Тувинской Народной Республики в 1921 году, государственный и политический деятель, был репрессирован. Его внешность описана С. Минцловым так: «нойон, молодой человек с чрезвычайно приятным, круглым лицом, весьма чистенький и опрятный, встретил нас у порога и радушно пожал нам руки. Тотчас же нас усадили

Рис.1. Кемчикский нойон и его приближенные

Рис. 2. Кемчикский нойон
(князь)

на стулья, перед которыми уже стоял маленький столик и стаканы с чаем; нойон поместился против нас тоже на стуле и, улыбаясь, глядел на нас».

Фото «Кемчикский нойон (князь)» (Разряд 112 Опись 1. № 189, № 54) К. Минцлова в своем тексте прокомментировала: нас встретил у входа в свою юрту облаченный в голубой шелковый халат и китайскую шапку с шариком юноша лет двадцати; его большие карие глаза смотрели приветливо, а улыбка обнаруживала два ряда великолепных жемчужно-белых зубов. Не важничая, немного смущаясь и робея, он разговаривал с нами через переводчика, изредка

сдерживая готовый у него прорваться веселый детский смех».

Следующее фото из альбома «С. Минцлов, Буян-Бадырғы и врач, практиковавший в Урянхае, В. Платонов перед юртой Буяна-Бадырғы», охарактеризовано в тексте С. Минцлова так: «жена предложила снять с нойона фотографию; он согласился очень охотно, но потребовал, чтобы мы с Платоновым сели рядом с ним. Желание любезного Кемчикского владыки было исполнено».

Рис 3. С. Минцлов, Буян-Бадырғы и врач, практиковавший в Урянхае,
В. Платонов перед юртой Буяна-Бадырғы

Рис.4. Кемчикский нойон (князь) и В.К. Габаев

Во второй части фотоархива Минцлова (Разряд 112 Описание 1. № 189, № 12) хранится известное фото «Кемчикский нойон (князь) и В.К. Габаев». На снимке – нойон Даа-хошуна Монгуш Буян-Бадыргы и заведующий устройством русского населения в Туве Владимир Габаев. Это фото хорошо известно специалистам, однако не было достоверно известно, что на снимке именно В. Габаев, основатель г. Белоцарска, поэтому в разных изданиях этот снимок называется: «Буян-Бадыргы и русский чиновник».

Снимок «Сальджакский нойон и его семья» (Разряд 112 Описание 1. № 189, № 34) вызывает много вопросов, поскольку одна семья в разных изданиях именуется по-разному. Более ранний снимок этой семьи, изданный в альбоме Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова «Иллюстрированная этнография Тувы» (Абакан, 2009. – С. 11) подписан так: «Правитель в чине угерда с семьей. Ф. Кон. 1902 г.» IV «Урянхай. Тыва дептер. (С. 368) эта же фотография подписана по-иному: «Амбын-нойон Урянхай [Комбу-Доржу] с семьей».

Путешествия Ф. Кона и С. Минцлова разделяют двенадцать лет. Очевидно, авторство Ф. Кону приписывается ошибочно, снимок «Правитель в чине угерда с семьей. Ф. Кон. 1902 г.» более поздний, 1909 или 1910 гг.

Авторство же К. Минцловой не подвергается сомнению, поскольку в тексте обоих супругов детально описан процесс съемки. Приведем выдержку: «Приступили к церемонии одевания... Ему [нойону – А.К.] подали синий подкафтанник, называемый у сойотов «хойлан; он надел его прямо на голое тело, сверху натянул кофейного цвета шелковый халат «тон», до пояса покрытый «калтазеном» синего цвета, широкой китайской кофтой. На ноги надел толстые, стеганные на вате, чулки, поверх которых натянул китайские же громадных размеров сапоги. Туалет его заканчивала китайская, весьма неудобная для ношения и некрасивая по форме шапка, с шариком и пучком развевающихся по ветру павлиньих перьев.... Супруга нойона облачилась в ярко-синий шелковый халат и бобровую шапку, расшитую дешевыми стеклянными бусами, тоже странной и неуклюжей формы с лентами сзади... Старший сын оделся в халат цвета бордо».

Ещё один снимок урянхайского нойона требует отдельного скрупулезного исследования: в архиве С. Минцлова (Разряд 112 Опись 1. № 189) он хранится под номером 65 «Нойон Бейсе-хошуна».

Рис. 5. Сальджакский нойон и его семья

В «Истории Тувы» (Новосибирск, 2001, Том I. – С.266) это фото подписано так: «Нойон Салчакского хошуна Идам-Сюрюн», в томе V собрания «Урянхай. Тыва дептер. (С. 614.) эта фотография подписана: «Нойон Салчакского хошуна Идам-Сюрюн». Про него в книге С. Минцлова в XXI главе, на с. 231 написано: «В числе новостей я узнал,

между прочим, одну, чрезвычайно поразившую меня. На Кемчике живет два сойотских хошуна, причем один из них — Бейсе-хошун очень уже много лет не имел нойона и управлялся своими знатными людьми. Патриции эти, конечно, тайно и явно враждовали друг с другом, и в политическом смысле хошун оставлял желать лучшего. Между тем, Церерин, только что побывавши передо мной на Кемчике, созвал представителей хошуна и настоял на выборе ими нойона. Выборы состоялись и теперь в лице Бейсевского нойона русские имеют нового, если не открытого врага, то, во всяком случае, большого недоброжелателя.

6. Нойон Бейсе-хошуна

Невероятное, казалось бы, сообщение Бяковой, к сожалению, оказалось истиной...» На основании информации С. Минцлова, представленной в его книге, мы считаем, что на фото запечатлен именно Нойон Бейсе-хошуна, избранный незадолго до приезда Минцловых в 1914 году. Однако, не исключена и другая версия: если про все предыдущие фото авторы подробно описывали как, когда, при каких обстоятельствах их снимали, то про эту фотографию в текстах упоминаний нет. Таких крайне интересных снимков без сопровождающих достоверных записей в фотоархиве С. Минцлова немало. Очевидно, в него попали все фото, которыми обладал С. Минцлов по Туве, снятые

другими путешественниками значительно раньше. Их еще предстоит идентифицировать.

Однако большая часть фото из коллекции Минцловых все же сделана Ксенией Минцловой.

Сергей Минцлов также описал встречу и свои впечатления о главном буддийском священнике Тувы Камбы-ламе Чамзы: «навстречу нам из юрты показался приветливо улыбающийся, высокий человек в чем-то похожем на красную тогу; из-под нее виднелась совершенно голая часть груди и вся правая рука от плеча. То был сам первосвященник». Далее в главе XXI С. Минцлов записал: «лет хамбо-ламе можно было предположить от 50 до 55; держался он несколько сутуло, но внимательные, блестящие карие глаза, свежий цвет лица без морщин и еще упругие мускулы рук свидетельствовали, что он далек от дряхлости. Некрасивое, с крупными чертами и большим ртом лицо его часто освещалось улыбкой, причем открывались два ряда великолепных зубов.

Человек этот настолько большая величина в крае, что должен остановиться на нем. Хамбо-лама состоит в близком родстве с юным нойоном [Монгушем Буяном-Бадыргы – А.К.] и имеет и по происхождению, и по положению огромное влияние и власть среди сойотов; слово хамбы для чиновников и простых людей – закон, а для нойонов нечто такое, с чем им приходится очень и очень считаться.

Рис. 7. Хамбо-лама

Хамбо-лама пользуется большой популярностью и среди русского населения Урянхая; в разных концах его мне приходилось слышать отзывы, что он самый умный человек из сойотов. И этот влиятельный и популярный человек — большой и, добавлю, пока единственный сторонник русских, твердо и определенно, без восточных козней и хитростей, ведущий свою политику.

К сожалению, Усинские русские власти далеко не на высоте своего положения и такой могучий столп, как хамбо-лама, ими не использован совершенно. Да что говорить об усинцах, когда Петербург, к которому под влиянием хамбо-ламы обратились сойоты с просьбой о принятии их в русское подданство, два года ничего не отвечал на эту просьбу, депутатов к себе не допустил и, в конце концов, объявил им о принятии их ... под свое «покровительство», разочаровавшее весь край.

Образовательная поездка сойотских глав в столицу необходима. Она воочию показала бы им, какие жалкие песчинки их хошуны и сразу поставила бы русское дело в надлежащее русло.

Особенно мечтал о такой поездке и хамбо-лама. Он ясно видит, что сила горсти русских, держащихся в крае — в их знаниях. И заветнейшее желание его — просвещение сойотов по русскому образцу.

Беседуя с нойонами, я беседовал с подобиями людей, интересовавшихся пустяками. В полуумытом хамбо-ламе я сразу почувствовал человека — неразвитого, младенчествующего, но пытливого, думающего, ищущего путей к лучшему. Он расспрашивал меня о школах, о путях сообщения, о заводах, изготовляющих разные предметы. Особенно много толковали мы о школах: они его больное место.

— Учиться, учиться нам надо, вот главное! — несколько раз повторил он во время разговора, покачивая головою. — Съезжу в Петербург, заведу здесь, у себя, школы!.. — И лицо его озарялось веселой улыбкой.

Как знать, может быть, сойотский Петр Великий, но со связанными крыльями, сидел передо мною в юрте?». Мы позволили себе процитировать длинную цитату из книги С. Минцлова, потому что так подробно о главном ламе Тувы не писал ни один из путешественников, а их было около пятидесяти и все они написали книги по результатам своих поездок. Этот развернутый рассказ является доказательством того, что Чамзы Камбы-лама сыграл важнейшую роль в процессе установления контактов Тувы и России в 1914 году.

Заключение

Таким образом, благодаря «Секретному поручению» Сергея Минцлова, известного русского писателя своего времени, современные читатели многое могут узнать о жизни, быте, взаимоотношениях известных людей Тувы, с которыми он встречался, а благодаря работе его «фотокорреспондента» Ксении Минцловой, эти люди, в частности правители Урянхайского края, становятся ближе и понятнее. Работы Минцловых до сих пор представляют большой научный интерес не только для историков, культурологов, этнографов, но и для всех, интересующихся Тувой и раскрывают много тайн в столетнем прошлом бывшего Урянхайского края.

Литература:

1. Сергеева, Четырова 2022 – Сергеева Н., Четырова Л. Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>
2. Иллюстрированная этнография 2009 – Иллюстрированная этнография Тувы – Абакан, 2009. 96 с.
3. История Тувы 2001 – История Тувы. Новосибирск: Наука. 2001, Т. I. 368 с.
4. Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.) в 7 т./ редкол. : К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. Москва : Слово, 2007-2008.
5. Ксения Минцлова 1915 – Ксения Минцлова. «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград, 1915. 96 с.
6. Репринт книги 1915 – Репринт книги «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. – Петроград, 1915. Национальная библиотека им. Пушкина. Кызыл, 1993.
7. Минцлов б/д – Сергей Минцлов «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай». Рига. 1915. 276 с.
8. Сергей Минцлов 2014 – Сергей Минцлов. «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай». – Кызыл, 2014 г. Подготовка текста к печати, предисловие и комментарий А. Кужугет.

References:

1. Sergeeva, N., Chetyreva, L. (2022) "Vizual'naya reprezentaciya ojrat-kalmykov i tuvincev v kontekste byta v nachale XX veka" [Visual Representation of Oirat-Kalmyks and Tuvans in the Context of Everyday Life in the Early Twentieth Century], New Research of Tuva, no. 4, p. 257–275. (In Russ.).
2. "Ilyustrirovannaya etnografiya Tuvy" (2009) [Illustrated Ethnography of Tuva], Abakan, 96 p. (In Russ.).

3. “Istoriya Tuvy” (2001) [The history of Tuva], Novosibirsk, Nauka, t. I, 368 p. (In Russ.).
4. “Uryanhaj. Tyva depter: antologiya nauchnoj i prosvetitel'skoj mysli o drevnej tuvinskoj zemle i ee nasel'nikah, ob Uryanhae-Tannu-Tuve, uryanhajcah-tuvincach, o drevnostyah Tuvy (II tysyacheletie do n. e. - pervaya polovina XX v.)” [Urianhaj. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Tuvan Land and Its Inhabitants, about Uriankhai-Tannu-Tuva, Uriankhai-Tuvinians, about the Antiquities of Tuva (II Millennium BC – the First Half of the XX century) in 7 volumes], v 7 tomah. (In Russ.).
5. Kseniya Minclova, (1915) “Dalekij kraj. Puteshestvie po Uryanhajskoj zemle”. [A Faraway Land. A Journey Through the Uriankhai Land], Petrograd, 96 p. (In Russ.).
6. “Reprint knigi Dalekij kraj. Puteshestvie po Uryanhajskoj zemle” (1993), [A Reprint of the Book "Faraway Land. A Journey Through the Uriankhai Land], Petrograd, 1915. Nacional'naya biblioteka im. Pushkina, Kyzyl. (In Russ.).
7. Sergej Minclov, “Sekretnoe poruchenie. Puteshestvie v Uryanhaj” [A Secret Assignment. A Trip to Urianhaj], (Riga, b'd), 276 p. (In Russ.).
8. Sergej Minclov, (2014), “Sekretnoe poruchenie. Puteshestvie v Uryanhaj” [Sergey Minclov "A secret assignment. A trip to Urianhaj], Kyzyl, 2014. Podgotovka teksta k pečati, predislovie i kommentarij A. Kuzhuget. (In Russ.).

Информация об авторе:

Айлана К. Кужугет, доктор культурологии,

кандидат искусствоведения, доцент

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова 4, завсектором культурологии, Кызыл, Республика Тыва, Россия, akumin@mail.ru

Author ID РИИЦ: 358824

Information about the author

Ailana K. Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies,

Candidate of Art History, Associate Professor

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 667000, Kyzyl, Kochetova St. 4, Head of the Cultural Studies Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, akumin@mail.ru

© Кужугет А. К. 2024

Научная статья
УДК 736

ТВОРЧЕСТВО ЮРИЯ ООРЖАКА (В ПАМЯТЬ О МАСТЕРЕ)

Айлана А. Чап

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, lanachal@mail.ru

Аннотация. Автором предпринимается попытка изучить особенности творчества тувинского мастера-камнереза Юрия Ооржака (1959-2023 гг.). Феномен Ю. Д. Ооржака, признанного народного художника-камнереза, не получившего базового художественного образования, неоспорим. Одаренный мастер самостоятельно освоил навыки камнерезного искусства, благодаря своему трудолюбию, достиг признания в профессиональной художественной среде. Ранее опубликованные материалы, касающиеся творчества данного тувинского резчика, носят справочный, обрывочный характер, сводящийся к небольшим предисловиям в каталогах художественных выставок или статьям в периодических изданиях, чаще региональных газетах. Автором статьи рассмотрены и проанализированы некоторые работы мастера начала 2000-х гг., а также малая пластика, созданная художником в последние годы творческой деятельности. Среди них такие произведения, как «Грозный сарлык», «Маленький богатырь», «Ойтулааш» и др. Формальный и биографический методы способствовали раскрытию общих и частных черт творчества художника-камнереза. Также примененные при написании данной статьи эмпирический и качественный методы позволили отразить в материале ранее не изученные аспекты вопроса. Ранние произведения Ю. Ооржака из агальматолита и серпентинита в основном выполнены в традиционном реалистично-декоративном стиле, статичны. В жанровом плане его малая пластика достаточно однотипна, поскольку Юрий Дажыйович предпочитал вырезать композиции, изображающие анималистические сюжеты (сарлыков,

архаров, верблюдов и т.д. в статике или динамике). Его произведения уникальны по своему обобщенному видению и декору, который демонстрирует динамику в статичной фигуре. Небольшие анималистические фигурки по своему характеру такие же цельные и основательные, как полноценная круглая скульптура.

Ключевые слова: Тува, Юрий Ооржак, резьба по дереву, скульптура малой формы, самобытность, традиции, профессионализм

Для цитирования: Чап А. А. «Творчество Юрия Ооржака (в память о мастере)»

// Азиатские исследования: история и современность. 2024. № 3(11). С.89–98.

DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-89-98

THE ART OF YURI OORZHAK (IN MEMORY OF THE MASTER)

Ailana A. Chap

Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, lanachal@mail.ru

Abstract. The author attempts to study the peculiarities of the work of the Tuvan master stonecutter Yuri Oorzhak (1959-2023). The phenomenon of Yu.D. Oorzhak, a recognized national stonecutter artist who did not receive a basic art education, is undeniable. The gifted master independently mastered the skills of stone-cutting art, thanks to his diligence, he achieved recognition in the professional artistic environment. Previously published materials concerning the work of this Tuvan carver are of a reference, fragmentary nature, limited to small prefaces in catalogs of art exhibitions or articles in periodicals, more often regional newspapers. The author of the article reviewed and analyzed some of the master's works from the early 2000s, as well as small plastic created by the artist in the last years of his creative activity. Among them are such works as «The Terrible Sarlyk», «The Little Hero», «Oitulaash» and others. Formal and biographical methods helped to reveal the general and particular features of the stonecutter's work. The empirical and qualitative methods used in writing this article also made it possible to reflect previously unexplored aspects of the issue in the material. Early works by Yu. Oorzhak made of agalmatolite and serpentinite are mostly made in a traditional realistic decorative style, static. In terms of genre, his small plastic is quite similar, since Yuri Dazhovich preferred to carve compositions depicting animalistic subjects (shags, argali, camels, etc. in statics or dynamics). His works are unique in their generalized vision and decor, which demonstrates the dynamics of a static figure. Small animalistic figures are as solid and solid in their nature as a full-fledged round sculpture.

Keywords: Tuva, Yuri Oorzhak, wood carving, small-form sculpture, originality, traditions, professionalism

For citation: Chap, A. A. "The Art of Yuri Oorzhak (in memory of the master)" // Asian Studies: History and Modernity. 2024. №3(11) P.89–98. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-3-11-89-98

Введение

Объектом исследования настоящей статьи можно обозначить особенности творчества мастера-камнереза Ю.Д. Ооржака; предметом исследования – работы мастера, отражающие наиболее характерные особенности его творческого почерка. Целью данного исследования является, прежде всего, фактологическое описание художественного развития мастера-камнереза Ю.Д. Ооржака, а также попытка изучения его творческого наследия. Разнообразная тематика произведений данного резчика, его индивидуальный стиль работы с камнем, должны быть отражены в системных исследовательских работах, помимо существующих публикаций, имеющих место быть в каталогах художественных выставок или статьям в периодических изданиях, чаще региональных газетах. Отрадно, что специалисты, музееведы, искусствоведы из других регионов Сибири (Кемеровской области, Красноярского края и т.д.) высоко отзываются о деятельности тувинского камнереза. Примененные при написании данной статьи эмпирический и качественный методы позволили отразить в материале ранее не изученные аспекты вопроса.

Юрий Ооржак – известный тувинский мастер-камнерез, член Союза художников РФ. Он родился 30 декабря 1959 года в селе Хорум-Даг Дзун-Хемчикского района Тувинской АССР. В молодости, окончив СПТУ № 6 в городе Чадане, работал в селе Сосновка Тандинского района (*кожууна*).

Известная фраза «self-made man» («человек, который сделал себя сам») в полной мере относится к Юрию Дажыйовичу. Одаренный мастер, самостоятельно освоивший навыки камнерезного искусства, благодаря своему трудолюбию, достиг признания в профессиональной художественной среде. В 1980-х годы он, работая шофером, строителем, а также чабаном, заинтересовался камнерезным искусством. Стал постоянным посетителем художественных выставок; приезжая в Кызыл, обязательно заходил в зал Союза художников, в музей. Его,

самодеятельного резчика по дереву, притягивала магия камня, удивляли его свойства. Как вспоминает скульптор Хеймер-оол Донгак, в 1980-х годах, работая в совхозе села Сосновка, Юрий Ооржак принес в Союз художников свою работу, выполненную из дерева. Она сразу привлекла внимание профессионалов; по ней было понятно, что у автора есть задатки скульптора-монументалиста. Примерно в это же время он привез свою первую камнерезную работу; с тех пор стал постоянным участником художественных выставок. Постепенно перезнакомился со всеми «коллегами по цеху» и с энтузиазмом принялся осваивать приемы камнерезного искусства. Он работал без устали, многое успевая сделать за день. В 1990 году Ю.Д. Ооржак был принят в Союз художников РФ; в 2015 году награжден серебряной медалью лауреата премии «Русская галерея – XXI век» за 2014-2015 годы в номинации «Декоративно-прикладное искусство». В 2016 году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Республики Тыва».

Юрий Ооржак – истинно народный мастер. Таковым он является по мнению многих искусствоведов и исследователей тувинской скульптуры малой формы. Известный камнерез по специальности – каменщик, строитель. Свои камнерезные навыки и художественно-декоративные приемы он «получал» в фондах музея, на выставках старых мастеров. Именно работы старшего поколения мастеров – Монгуша Черзи, Хертека Тойбухаа и др. – являлись его «наставниками» в постижении премудростей камнерезного искусства. Он не считал зазорным учиться и у современников, ведь камнерезные работы – это коллективный опыт. Кто-то находил что-то новое и охотно делился своими знаниями. Как каменщик, он чувствовал твердость камня и знал, как с ним обращаться. Как у самобытного художника-камнереза у него преобладало свое восприятие окружающего мира, позволяющее в капе березы или в куске серпентинита разглядеть свое будущее произведение.

Краевед Б. С. Майны справедливо считает, что Ю.Д. Ооржак являлся продолжателем традиций Монгуша Черзи, «только в большом объеме, в большой форме»¹. Даже в плане творческого становления его можно сравнить с одним из родоначальников тувинского камнерезного искусства. Как и Черзи Хола-Салович, Юрий Ооржак – самородок, не получивший профессионального художественного образования, но прошедший школу жизни. Он обладал цепкой

¹ Майны Б.С. Интервью о Ю.Д. Ооржаке. 22.10.2023 г.

памятью, наблюдательностью, присматриваясь к окружающему миру, запоминал интересные моменты. Жизненные сюжеты, подсмотренные в обыденности, в его интерпретации получали свой окрас, становясь образами в скульптуре малой пластики.

Занимаясь изготовлением художественных деревянных работ, по размерам близким к станковой скульптуре, мастер выработал свой узнаваемый стиль. Его деревянные скульптуры не спутаешь с работами других резчиков. По мнению коллег Ю. Ооржака, они лучше некоторых его камнерезных скульптур малой формы. В его дереве чувствуется свобода и пластичная выразительность. Создавая деревянную скульптуру, он композиционно чувствует, «видит» будущее произведение в блоке дерева смело варьирует по форме, применяя свободный подход. Если в камнерезной малой пластике Юрий Ооржак старался быть на уровне Маадыра Монгуша, ориентируясь в последние годы на рыночные приоритеты, подстраивая композицию и ее декор под спрос покупателей, заказчиков, то в художественной деревянной резьбе у него оставалась творческая «отдушина». По воспоминаниям Александра Баранмаа, Юрий Дажыйович, участвуя в 2016 г. в симпозиуме скульпторов по деревянной резьбе, посвященном 120-летию мастера Донгака Окаанчыка, выполнил одну из своих лучших деревянных работ «Субедей», не делая предварительного эскиза. Его основным ориентиром был тот самый внутренний взгляд художника, который на уровне интуиции и опыта способен увидеть в глубине материала (будь то дерево или камень) живущую внутри форму, которая преобразится в произведение искусства. Свобода творчества, работа для души (и от души) – такие внутренние настройки сопровождали его работу по художественной деревянной резьбе. В то время как для камнерезных работ Ю. Ооржака середины 2010-х гг. было характерно больше условностей, в них была стерта грань между творчески-выставочными работами, работами для продажи с сувенирным подходом к ним.

В начале 2000-х гг., переехав в Кызыл, Юрий Ооржак начал работать как зрелый камнерез. Внутренняя дисциплина и поразительная работоспособность способствовали тому, что он не пропускал ни одной крупной выставки, став их постоянным участником. Среди них региональные, всероссийские, всесоюзные и зарубежные экспозиции, такие как «Молодость России», «Анималисты России», «Художники автономных республик, областей и округов РСФСР», «Ремесла Сибири», «Окно

в Центр Азии», «Сибирь», «Современное народное искусство России», последняя – «Сибирь XIII», состоявшаяся летом 2023 г.

В начале творческого пути он просил камень для работ у других камнерезов, позднее стал ездить вместе со всеми на Сарыг-Хая, запасаясь агальматолитом уже по своему выбору. Юрий Дажыйович оставался одним из немногих современных резчиков, кто предпочитал использовать в своем творчестве черный камень серпентинит. Этот твердый поделочный камень, на тувинском носящий более поэтическое название «*кара-даш*», «черный камень», имеет более плотную и твердую структуру. Используя всего лишь тесло (*кержеск*), он формировал общий объем произведения. Сильный от природы, Юрий Ооржак, превращал неприглядные на первый взгляд куски черного камня в подлинные шедевры, глядя на которые невольно веришь, что «камни тоже живые»². В его руках они по-настоящему «пели». Серпентинит, который требует более долгой технологии процесса обработки, в его завершенных работах всегда пластичен и выразителен. Рассматривая некоторые из работ мастера (например, «Поединок», 2001 г., «Грозный сарлык» 2002 г., «Арзылан», 2019 г.), невольно представляешь их в более монументальных габаритах. Создается ощущение, что, если применить к ним увеличительный прием, они превратятся в полноценные скульптуры и даже памятники. Тематика работ разнообразная – борцы, наездники, верблюды, схватки животных, любимые персонажи камнереза – быки и др. Композиции «Верблюд» (2005 и 2010-х гг.), «Схватка» (2016 г.), «Конные скачки» (2014) и др. – композиционно-интересные и образно-выразительные.

Серьёзным шагом Ю. Ооржака на пути становления как художника-камнереза высокого уровня стала выставка «Сокровища времен». Стартовавший в 2010 г. в Красноярске, этот великолепный проект объединил трех мастеров – Александра Баранмаа, Хеймер-оола Донгака и Юрия Ооржака. По замыслу автора концепции Валентины Романовой, руководителя «Арт-галереи Романовых», выставка должна была не просто продемонстрировать творчество разноплановых тувинских художников, но и раскрыть тему преемственности в тувинском искусстве. Профессиональный подход галериста позволил В. Романовой органично свести в одном пространстве три разные личности, совершенно не похожие в творческом плане. Выпукло и

² Каргашин С. Камни во сне летают // Литературная газета. 1 января 2007. URL: <https://lgz.ru/article/kamni-vo-sne-letayut/> (дата обращения: 05.05.2024).

неординарно они представили тонкости искусства малой пластики Тувы: Юрий Ооржак на этих выставках представлял в основном свои работы из серпентинита; Александр Баранмаа – скульптуру малой формы, выполненную в граните и мраморе, бронзовые и деревянные работы; Хеймер-оол Донгак выставял традиционные агальматолитовые композиции, в которых преобладает жанровый подход. Как и положено выставке потомков кочевников, «Сокровища времен» – собрание неповторимых образцов скульптуры малой формы из камня и дерева – с успехом «путешествовала» по всей Сибири. В разные годы она ярко представляла искусство Тувы в Кемерово, Омске, Новокузнецке, Новосибирске и др., охватив и некоторые регионы центральной России.

Работая над «Сокровищами времен», требовательный к себе, Юрий Дажыйович стал еще более дисциплинирован. Он тщательно готовился к открытиям, проходившим в разных городах Сибири, продумывая все до мелочей – от эскизов новых экспонатов до быта в дороге. Первоначальная неуверенность, неверие в собственные силы в скором времени прошли. Постоянные удачные экспозиции, неподдельный интерес к его творчеству со стороны специалистов, искусствоведов, музейных работников и других заинтересованных лиц, вдохновляли мастера. Ему, человеку великодушному и чуткому, как ребенок, нравилось одаривать своими работами равнодушных людей. Конечно, это повергало одариваемых в шок (в хорошем смысле слова), сам же мастер с удовольствием, даже азартом планировал подобные мероприятия, запасаясь «подарками», которые он подбирал под определенную личность.

Первые камнерезные работы Юрия Ооржака по характеру более соответствуют народному прикладному искусству. Где-то они скованные, неуклюжие, схожие с народной поделкой. В них присутствует декор в виде простых насечек, характерный для мастеров начала XX века (Хертека Монгалбии, Салчака Норбу и др.). Это исконно народный прием, применявшийся старыми мастерами в украшении деревянных изделий и перенесенный ими в работу с камнем. В поздних работах Ю. Ооржака (например, «Маленький богатырь», 2009 г.) наблюдается акцент на линейно-графический декор, превалирует гравированный орнамент. Обычно в традиционном камнерезном искусстве декоративный узор, будь то шерсть животного, длинный волос и т.д. представляются резчиком в форме глубоких насечек, направленных по анатомическим формам и по их динамике. Это отчетливо видно в скульптуре малой

формы «Черный дракон» (2014 г.), «Ойтулааш» (2014 г.). Графический линейный декор стал «модным» примерно в начале 2000-х гг. Этим приемом «играют» тувинские камнерезы. С коммерческой позиции такие работы пользуются спросом у заказчиков и потенциальных покупателей сувениров. Гладкая в объеме форма, покрытая графическими орнаментами, выглядит эффектно, но совершенно не подходит для художественных выставок, проходящих на профессиональном российском уровне. Таким образом, в последних камнерезных работах Ю. Ооржака мы наблюдаем усовершенствованное техническое мастерство обработки камня, но при этом заметно, что утеряна народность, налет незавершенности и простоты форм.

Примечательно, что Юрий Ооржак, не получив профильного художественного образования, аккуратно «учился» премудростям резчика-камнереза не только на примере произведений камнерезов-основоположников искусства малой пластики, но и на своих собственных ранних работах. Даже став признанным мастером, вступив в Союз художников РФ, он не пренебрегал такими «уроками». Он осознанно искал истоки искусства *чонар-даша*. Справедливо полагая, что в музейных фондах хранятся подлинные сокровища, лучшие «учебные пособия», он периодически посещал музейные экспозиции, старался не пропускать вернисажи коллег. Подобные экскурсии Юрий Дажыйович устраивал для повышения уровня насмотренности – навыка, помогающего человеку видеть и подмечать интересные и вдохновляющие детали в том, что его окружает. Это способствовало выходу его мастерства на новый более высокий уровень. Пытаясь понять по какому признаку те или иные камнерезные работы соотечественников попали в «золотой» фонд Национального музея, он примерял их качество исполнения и художественные критерии на свои работы. Стараясь соответствовать заданной планке, Юрий Дажыйович был неустанным тружеником, вырезая десятки работ за год.

Еще до 2016 г. практически всем коллегам художникам-камнерезам было очевидно, что Юрий Ооржак – достойный мастер и профессионал, это единодушно признавали как художники, так и искусствоведы. Присвоение ему звания «Заслуженный деятель искусств Республики Тыва» практически все приняли как логическую закономерность. Сам камнерез воспринял присвоение ему такого звания как ответственную

ношу; он полагал, что отныне нужно доказывать, что он достоин такого звания.

В конце 2024 г. Юрий Ооржак отметил бы 65-летний юбилей. В последние годы он активно сотрудничал с искусствоведческим журналом «Русская галерея – XXI век», участвовал в Берлинских выставках. По словам А. Баранмаа, он «только вошел во вкус», разобравшись в нюансах организации кочевых экспозиций. Как художник камнерез, набравшись опыта от ремесленного до истинно художественного, он осознавал свои творческие возможности и строил большие планы.

Заключение

Ранние работы Юрия Ооржака хранятся в фондах музеев Сибири. В настоящее время довольно большая коллекция работ малой формы авторства Ю.Д. Ооржака находится в фондах Национального музея Тувы. В них преобладают работы из серпентинита. Примечательно, что они по своему характеру такие же цельные и основательные, как полноценная круглая скульптура. По замечанию Б. Майны у Юрия Ооржака сохранилось «чувство детства», то самое чуткое восприятие мира, когда все можно передать и выразить простыми словами. «У него душа открытая» - так тепло вспоминает о Ю. Ооржаке Биче-оол Салчакович. Его произведения уникальны по своему обобщенному видению и декору, который демонстрирует динамику в статичной фигуре. Как художник, творец нового он сделал искусство неотъемлемой частью своей жизни. В его осознании была граница между обыденными вещами и миром высокохудожественных произведений. Изготавливая последние, художник-камнерез берет на себя ответственность за их характеристики, в том числе и эмоции, которые его творения оставляют в зрительной и душевной памяти.

Литература:

1. Сокровища времен 2010 – Сокровища времен: каталог выставки / Арт-галерея Романовых, Национальный музей им. Алдан-Маадыр РТ; автор текста А. Хертек. – Красноярск, 2010 – 24 с.
2. Хертек 2024 – Хертек А. Юрий Дажыйович Ооржак. Деятель // Культурное наследие Тувы. – URL : <https://kntuva.ru/peoples/194> (дата обращения: 02.12.2024)

References:

1. “Sokrovishcha vremen: katalog vystavki” (2010) [Treasures of The Times: Exhibition Catalog], Art-galereya Romanovyh, Nacional'nyj muzej im. Aldan-Maadyr RT, avtor teksta A. Hertek, Krasnoyarsk, 24 p.
2. Hertek, A.(2024) “Yuri Dazhyovich Oorzhak. Activist” [Yuri Dazhyovich Oorzhak. Activist], Kul'turnoe nasledie Tuvy, URL : <https://kntuva.ru/peoples/194> (date of application: 02.12.2024).

Информация об авторе:

Айлана А. Чап, научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4, lanachal@mail.ru

Author ID РИНЦ: 1281367

Information about the author:

Ailana A. Chap, Researcher, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, lanachal@mail.ru

© Чан А.А. 2024

Научная статья

УДК 316.4

314

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ТУВИНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1931 г.)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., учёный секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются особенности демографической, социально-профессиональной и социально-классовой структуры тувинского общества в период ТНР на основе материалов Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. Исследованы численность, территориально-поселенческое размещение; социально-этнический состав, а также половозрастная и образовательная структура населения ТНР. По данным переписи проанализированы занятость, участие населения в общественных организациях, выборных должностях, а также отношения собственности и социальное расслоение населения.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, демографическая структура, социальная структура, социально-профессиональная структура, общественные организации, выборные органы, тувинские женщины

Для цитирования: Натсак О. Д. «Особенности демографической, социально-профессиональной и социально-классовой структуры тувинского общества (по материалам сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г.)» // Азиатские исследования: история и современность». 2024. №3 (11). С. 99-134
DOI: 24412/2782-6139-2024-3-11-99-134

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC, SOCIO-PROFESSIONAL AND SOCIO-CLASS STRUCTURE OF TUVAN SOCIETY (THE MATERIALS OF THE AGRICULTURAL AND DEMOGRAPHIC CENSUS OF 1931)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com

Abstract. The article analyzes the features of the demographic, socio-professional and socio-class structure of Tuvan society in the period of the Tuvan People's Republic on the base of materials of the Tuvan Agricultural and Demographic Census of 1931. The author has investigated number, territorial settlement, socio-ethnic composition, as well as the gender, age and educational structure of the population of the TNR. There is an analysis of employment, participation of the population in public organizations, elected positions, as well as property relations and social stratification of the population.

Keywords: Tuvan People's Republic, demographic structure, social structure, socio-professional structure, socio-class structure, public organizations, elected bodies, tuvan women

For citation: Natsak, O. D. (2024) "Features of the demographic, socio-professional and socio-class structure of Tuvan society (the materials of the agricultural and demographic census of 1931)" // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (11), p. DOI: 24412/2782-6139-2024-3-11-99-134

Введение

В Тувинской Народной Республике (ТНР) дважды предпринимались попытки переписи населения – в 1925 и 1927 гг. В 1925 г. была проведена перепись тувинского населения, были выявлены численность населения – 52700 чел., а также образовательный уровень – грамотных было 106 чел., слабо грамотных – 286¹. В 1927 г. был составлен список кожуунов и сумонов с указанием количества дворов, с подразделением на сословия бедняков, середняков, кулаков, с указанием количества скота, имущества и сельхозинвентаря, и площади земли [Плеханова 2011, с. 27]. Таким образом, перепись 1925 г. зафиксировала отдельные социально-

¹ Материалы III Великого Хурала. 15 октября 1925 г. Научный архив ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, д. 10, л. 3.

демографические характеристики населения Тувы, а кампания 1927 г. была первой попыткой описания населения ТНР с позиции социально-классовой принадлежности на основе данных об имевшейся собственности. Эти данные имеют большую ценность, поскольку являются «точкой отсчёта» для исследования демографического развития населения Тувы в XX в.

Однако первой полной переписью в ТНР была сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. (далее – перепись 1931 г.)². Решение о проведении переписи было принято на VIII съезде ТНРП в 1929 г. Перепись была осуществлена по методологии, разработанной Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем, созданной при Коммунистическом университете трудящихся Востока (НИАНКП КУТВ) и усилиями большой группы исследователей. По просьбе Государственной плановой комиссии ТНР, которая тогда занималась разработкой 5-летнего плана развития ТНР, в Туву также прибыли экономисты, специалисты по планированию из Госплана СССР. Перед ними стояла задача разработки плана политического, экономического и культурного развития, в котором не было бы места частной собственности. План должен был быть основан на результатах статистического обследования, переписи, в этой связи не случайными являются структура и содержание опросника. Однако выбор времени проведения переписи оказался крайне неудачным с точки зрения того, что оно совпало с периодом серьёзной перестройки экономических отношений в стране – конфискацией имущества и начавшейся борьбой с частной собственностью. Перепись 1931 г. была проведена в период кардинальной смены политического курса тувинского государства, которая стала идеологической основой формирования новых классов, а также внедрения новых форм хозяйствования и уклада жизни населения. К моменту проведения переписной кампании прошло два года с начала этих преобразований (с 1929 г.), в 1931 г. шла еще конфискация имущества феодалов. В этой связи итоги переписи оказались во многом противоречивыми, разработанный план пятилетнего развития остался на бумаге, так как через два года после переписи, в 1933 г. в Туве началась новая хозяйственно-экономическая политика, тувинский вариант «НЭП», направленная на исправление реформ левого уклона.

² Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. Издание Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1933. Вып. XI. 168 с.

Ценность и уникальность переписи 1931 г. заключается в том, что она зафиксировала картину изменяющегося общества с новыми характеристиками и зарождающимися классами, но в то же время сохраняющего остаточные черты прежней социальной структуры. Итоги переписи 1931 г. является единственным комплексным документальным источником, содержащим сведения, важные для понимания демографических и социально-классовых процессов, которые происходили в ТНР в начале 1930-х гг. Это, прежде всего, данные, касающиеся особенностей размещения населения, административно-территориальной организации тувинского государства, численности всего населения, численности коренного населения, этнонационального состава, а также половозрастной и социально-профессиональной, образовательной структуры населения. характер данных переписи 1931 г.

Данная перепись легла в основу систематического статистического наблюдения, которое затем было синхронизировано с советской государственной статистикой после вступления ТНР в состав СССР.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей демографической и социально-профессиональной структуры тувинского общества по материалам переписи 1931 г. Задачами являются исследование национального состава, половой и возрастной структуры населения, уровня образования, а также состава и структуры социальных и профессиональных групп. Объектом анализа выступает население ТНР, предметом – его демографические, социальные и профессиональные характеристики и структура.

В статье использованы общенаучные методы анализа социальной структуры, методы демографического и статистического анализа.

Информационным источником статьи стали данные Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. Кроме того, автором использованы архивные документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Национального архива Республики Тыва (НАРТ), а также опубликованные архивные документы.

Научных работ советского периода, посвящённых анализу социальной структуры тувинского общества в период ТНР, немного. В работе П. А. Шахуновой и Б. Н. Лиханова о населении, хозяйстве Тувы мы находим небольшие сведения о распределении собственности у населения, принадлежавшего к разным социальным классам в 1930-е гг.

в ТНР и в 1950-е г. в Тувинской автономной области [Шахунова, Лиханов 1955]. Социально-классовая структура тувинского общества в период ТНР исследована Л. В. Гребневым в его работе о переходе тувинских аратов-кочевников на оседлость, в котором представлены сведения о смене принципов организации хозяйственной жизни тувинцев с 1929 г. – коллективизации аратских хозяйств, конфискации скота и имущества феодалов и передаче части беднякам, кооперации хозяйств [Гребнев 1955, с. 24]. Л. В. Гребнев и В. Ч. Очур более предметно исследовали социальную структуру тувинского общества более поздних периодов, начиная с 1940-х гг., и их работы преимущественно анализировали социальные процессы в Туве после присоединения к СССР. Важнейшим их исследованием является «Рабочий класс Тувы», изданное в 1971 г., в котором, в том числе, представлены количественные данные, характеризующие социально-классовую структуру, формируемый советский уклад хозяйства и бытовой организации жизни, положения женщин в социально-профессиональной структуре тувинского общества [Гребнев, Очур 1971]. Вопросами формирования рабочего класса в национальных районах Сибири, включая Туву, занимались бурятские ученые Б. М. Митупов, П. Т. Хаптаев, в обзорных работах которых в незначительной степени затрагивался и период ТНР [Митупов П. Т. 1971; Хаптаев 1971]. Особенности демографической структуры населения Тувы после присоединения Тувы к СССР анализировались Ю. Б. Рандаловым [Рандалов 1980].

Советские авторы обращались к данным переписи 1931 г. преимущественно в той части, которая касалась собственности на скот для описания социального неравенства в тувинском обществе в 1930-е г. Б. П. Бажутин, например, в исследовании кооперации в Туве отмечал классовые противоречия между беднотой и феодалами-баями на основе материалов переписи. [Бажутин 1967, с. 46].

Материалы переписи 1931 г. были использованы С. И. Вайнштейном в его работе «Историческая этнография тувинцев», в которой он, в частности, описывал с формы и отношения собственности в тувинском кочевом скотоводстве, особенности присваивающих форм хозяйства [Вайнштейн 1972].

Н. П. Иконников в своем исследовании о переходе Тувы от феодализма к социализму обращал внимание на демографические аспекты, а именно, на рост численности населения, этнический состав

хозяйств, половозрастную структуру населения и средний размер семей на основе данных переписи 1931 г. [Иконников 1968, с. 172-173]. Он также использовал сведения из переписи 1931 г., которые касались вопросов собственности на посевные площади и скот. Ценны расчёты Н. П. Иконникова по материалам переписи по поводу имущественного неравенства: около 32% тувинских хозяйств не имели посевов; 7,8% не имели крупного рогатого скота; 22, 2% – овец; 23,1 – коз, 10, 5% были безлошадными [Иконников 1968, с. 174]. Вместе с тем полагаем, что в его работе были некоторые неточности. Во-первых, размер хозяйств по переписи 1931 г. не совсем правильно отождествлять с размером семьи, так как семейная структура населения не обследовалась, а состав хозяйства могли входить не только члены семьи, которому принадлежало хозяйство, но и работники, не связанные с собственниками хозяйства родственными узами. Во-вторых, говоря о неимущих хозяйствах, он не уточняет территориальную принадлежность этих хозяйств. Нераскрытыми остались вопросы о том, относились ли 32% тувинских хозяйств, не имевших посевы, к хошунам, где есть посевные площади, или расчёт сделан применительно ко всем хозяйствам Тувы; рассчитаны ли доли хозяйств, не имевших скота, от общего числа скотоводческих хозяйств или от общего количества скотоводческих и земледельческих хозяйств. По ландшафтным особенностям горных и таежных районов Тувы в тувинских хозяйствах преобладали охотничий промысел и оленеводство, и там не было площадей, пригодных для посевов. Такого же уточнения требуют данные о доле хозяйств, не имеющих скота.

Изменениями в социальной структуре тувинского общества более предметно занимался Л. В. Гребнев, который посвятил этому вопросу ряд своих работ. Его методологический подход основывался на марксистской теории классов, и тувинские реалии 1920-1930-х гг. он описывал с помощью категориального аппарата, применявшегося к европейской истории. Так, он писал, что «население феодальной Тувы состояла из двух классов – феодалов и крепостного крестьянства» [Гребнев 1968, с. 48.]. К феодалам он относил потомственное чиновничество, родоплеменную знать, ламаистское духовенство, к крепостным крестьянам – аратов. В социально-классовую структуру тувинского общества накануне революционных событий в России в 1917 г. Л. В. Гребнев включал «класс эксплуататоров», куда входили феодалы и капиталистические элементы, и класс эксплуатируемых –

трудовые крестьянские массы» [Там же, с. 50-51]. Следует заметить, что крепостного крестьянства, тождественного русскому крепостному крестьянству, в Туве не было, однако в кочевых условиях передвижения аратов были ограничены пределами феодальных хозяйств. В данном случае мы видим издержки переноса теоретико-методологических схем, использовавшихся в советской исторической науке, на исследование восточных обществ.

Важным в работах Л. В. Гребнева, посвящённых социальной структуре тувинского общества, является фиксирование многоукладности. Положение об укладах было развито в работах В. В. Осиповой [Осипова 1961]. 1921-1931 гг. Л. В. Гребнев относил к первому этапу переходного периода от докапиталистических и капиталистических общественных отношений к социализму, когда был ликвидирован феодальный уклад. Он отмечал наличие в экономике республики феодального и частнокапиталистического укладов, а в социальной структуре – феодалов, торговцев-ростовщиков, баев и кулаков [Гребнев 1968, с. 54]. Там же он приводит данные о том, что в начале 1930-х гг. 4-6% населения сосредоточили в своих руках 25, 5% скота [Там же].

В. В. Осипова, защитившая в 1963 г. вслед за известным исследователем экономики Тувы Л. И. Тульчинским диссертацию по истории социалистического преобразования хозяйства в Туве [Натсак 2021, с. 3], посвятила отдельную статью о переписи 1931 г. как о важнейшем источнике характеристики экономического строя сельского хозяйства в Туве [Осипова 1961]. По материалам переписи 1931 г. В. В. Осипова, основываясь на собственности на скот, посчитала, что 40% хозяйств являлись бедняцко-пролетарскими; свыше 50% – середняцкими; 5-7% – феодально-байскими [Осипова 1961, с. 106]. Другими словами, бедными было менее половины хозяйств. Она выделила 5 укладов, сосуществовавших в 1931 г. в Туве: социалистический; мелкотоварный; патриархальный; феодальный; капиталистический [Там же, с. 121]. Исходя из этих укладов, она обозначила соответствующие им общественные классы:

социалистический уклад – рабочий класс и кооперированное крестьянство на стадии формирования;

мелкотоварный уклад – середняки; некооперированные кустари;

феодальный уклад – класс феодалов, араты;

капиталистический уклад – тувинские и русские кулаки и сельский пролетариат [Там же, с. 122].

Как видно из этого разделения на классы, применительно не ко всем укладам указаны классы виде антиподов. Также неясны критерии причисления населения к тем или иным классам. К примеру, кого причисляли к тувинским кулакам, не очень ясно. В классификации социальных групп, которые сформированы В. В. Осиповой на данных о количестве скота, представлены батраки и бедняки; маломощные середняки; середняки; зажиточные середняки; баи и феодалы, кулаки не указаны [Там же, с. 106].

Важным является то, что, отмечая черты экономических отношений, характерных для разных этапов развития общества и разных социально-политических систем, В. В. Осипова применила к ТНР концепцию многоукладности социально-экономических отношений, что, на наш взгляд, было наиболее обоснованным способом описания тувинского общества в тех условиях.

Таким образом, исследований, посвящённых анализу социально-классовых и демографических процессов в ТНР в 1930-е гг. мало, работы в большей степени затрагивают советский период. Исследовательский потенциал переписи 1931 г. до конца не раскрыт.

Социальная структура тувинского общества

Численность населения. Все население ТНР по материалам переписи 1931 г. составляло 82183 чел. По сравнению с более ранними периодами население Тувы заметно выросло: в 1914-1915 гг. в основных хошунах Тувы насчитывалось 56 300 чел. [Кабо 1934, с. 65], в 1918 г. – 60 тыс. чел., в 1921 г. – 63 тыс. чел.³ (Скорее всего, прирост за счет русских переселенцев).

Территориально-поселенческая структура. По материалам переписи 1931 г., Тува состояла из 6-ти хошунов (Барун-Хемчикского, Дзун-Хемчикского, Улуг-Хемского, Каа-Хемского, Тес-Хемского и Тоджинского). До 1921 г. было 9 хошунов (Хазутский, Тоджинский, Салчакский, Оюннарский, Шалык, Нибазы, Маады, Бейсе, Даа) [Кабо 1934, с. 64]. В ходе I Всетувинского съезда в августе 1921 г. было принято решение исключить из состава народа тувинское население Хазутского

³ Тува за 80 лет. Юбилейный статистический сборник. Государственный комитет Республики Тыва по статистике. Кызыл, 2001. 208 с. С. 11.

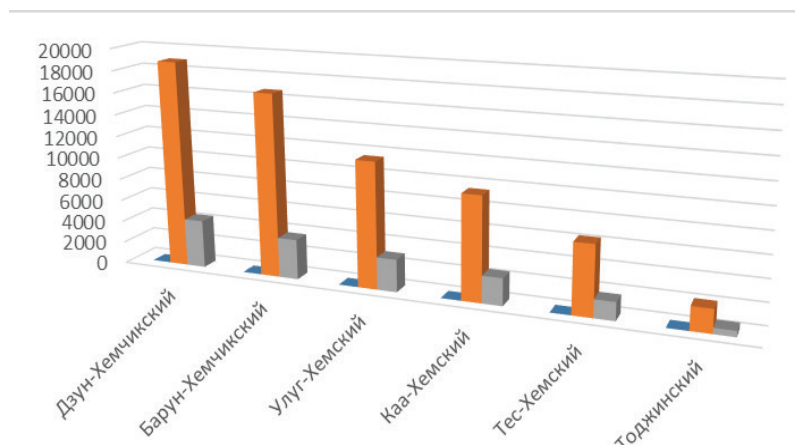
хошуна, «живущего в Монголии» [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 142]. Состав хошунов подвергался изменениям в 1923, 1924 гг. В 1923 г. были созданы Улуг-Хемский, Хемчикский хошуны, в 1924 г. Хемчикский хошун был разукрупнен на 2 отдельных хошуна – Дзун-Хемчикский и Барун-Хемчикский [Там же].

Наибольшая часть населения и хозяйств была сконцентрирована на Западе Тувы – в Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском хошунах, в которых проживало суммарно 35 542 чел. из 64 911 чел. населения Тувы, что составляло более половины всего коренного населения страны (54,75%). Самым крупным хошуном был Дзун-Хемчикский, численность населения которого насчитывало 18869 чел., а число хозяйств – 4369. Наименьшим количеством населения и хозяйств отличался отдалённый, труднодоступный Тоджинский хошун, занимавший обширную территорию на северо-востоке страны, в котором было зафиксировано 2115 чел. населения и 532 хозяйства (рис. 1). Улуг-Хемский хошун в центральной части Тувы был третьим по количеству сумо, населению и хозяйствам после Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского хошунов.

Хошуны состояли из сумо. По количеству сумо самым многочисленным был Дзун-Хемчикский хошун, в состав которого входило 15 сумо, самым малочисленным – Тоджинский – 2 сумо, в Барун-Хемчикском хошуне было 13 сумо, Улуг-Хемском – 12, Каа-Хемском – 11, Тес-Хемском – 8. Всего в стране было 61 сумо.

Рис. 1

**Распределение числа сумо, населения и хозяйств
по хошунам ТНР в 1931 г.**

Источник: материалы переписи 1931 г.

Таким образом, всего в ТНР было 11 хошунов: 6 тувинских и 5 экстерриториальных, в которых находилось 17971 хозяйство – 15612 тувинских (86,87%), 2359 русских (13,13%).

Кроме того, спецификой административно-территориальной организации ТНР было то, что она дополнялась экстерриториальной структурой размещения русского населения. В данном случае под экстерриториальностью понималась внеземельность, т.е. отсутствие собственной земли русского населения, которое имело советское гражданство и было расселено по так называемым «советским хошунам», которые территориально накладывались на хошунную административную структуру тувинского государства [См.: Моллеров 2022]. Таких экстерриториальных районов с русским населением было 5: Шагонарский, Подхребтинский, Красногородский, Туранский, Мало-Енисейский. В них находилось 2359 хозяйств, самое большое количество хозяйств находилось в Туранском (770) и Подхребтинском (704) хошунах, кроме того, в Шагонарском было 247 хозяйств, Мало-Енисейском – 468, Красногородском – 170. Соответственно, наибольшее количество населения было сосредоточено в Подхребтинском (3584 чел.) и Туранском (3944 чел.) хошунах (рис. 2). (В мае 1932 г. после преобразования РСТК в комитеты советских граждан это деление изменилось. См. в той же монографии)

Рис2.

**Распределение населения и хозяйств по русским
(советским) хошунам ТНР в 1931 г.**

Источник: материалы переписи 1931 г.

С точки зрения размещения населения по типу поселений нужно

отметить, что к моменту проведения переписи в ТНР был один город – столица государства – Кызыл, в котором находился 3771 человек, что составляло 4,59% всего населения ТНР. 968 чел. проживало в хошунных центрах. Таким образом, 95,41% социально-территориальной структуры населения 1931 г. составляли сельские жители.

Социально-этническая структура населения. Перепись 1931г. позволяет увидеть социально-этническую структуру населения тувинского государства. Этнический состав населения характеризовался преобладанием коренного населения – тувинцев, вторую по значимости этническую группу составляли граждане советского государства – преимущественно русские. Жителей тувинских хошунов было 64199 чел. (78,12%), русских или советских хошунов – 17270 чел. (21,02%). Однако было бы неправильно считать, что все жители советских хошунов были этническими русскими, их было большинство, но были и немногочисленные представители других народов, являвшихся советскими гражданами, как хакасы, мордвины, украинцы, белорусы, татары, латыши, эстонцы и др. Точно также в тувинских хошунах проживали незначительное количество иностранцев – китайцев, монголов, корейцев, оставшихся на территории Тувы после того, как большинство иностранцев, представлявших торговый и ростовщический капитал, покинуло территорию Тувы, китайские торговцы выехали в 1931 г. В материалах переписи 1931 г. есть данные только о корейцах, проживавших в советских хошунах. Корейцы были подданными Японии, по всем юридическим вопросам они обращались в японское консульство в Омске. В переписи 1931 г. не было указано гражданство корейцев.

Перепись 1931 г. задокументировала этническое соотношение двух наиболее крупных групп – тувинцев и русских. Кроме того, она показывает, что к 1931 г. завершился исход иностранцев, проникших в Туву в позднецинский период, кроме советских граждан.

Демографическая структура населения ТНР. По половозрастным признакам можно выделить несколько демографических характеристик, которые были свойственны для населения Тувы.

Мужчины в 1931 г. составляли 51,72% тувинского населения (33574 чел.), женщины – 48,28% (31337 чел.)⁴. Незначительное численное превышение мужчин было характерно и для русского населения, их доля

⁴ Расчёты процентов сделаны автором.

в общем числе русского населения составляла 50,23%.

Возрастная структура отличалась тем, что доля мальчиков до 13 лет в мужской популяции (33,60%) была ниже, чем доля девочек аналогичного возраста (35,78%) в женской популяции. Достоверных данных, на основе которых можно было бы исследовать причину этой разницы, нет. Нет оснований утверждать, что девочек рождалось больше или мальчики умирали чаще, так как нет данных о рождаемости. 51,81% мужского населения составляла возрастная группа 18–59 лет. Лица мужского пола в возрасте 60 лет и старше составляли лишь 5,94%, что указывает на низкую продолжительность жизни мужчин того времени и демографическую молодость населения в целом. Для сравнения рассмотрим данные о доле лиц аналогичного возраста в возрастной структуре якутского мужского населения в тот период – она была почти в два раза выше – 10,62%, однако доля мужчин-киргизов, например, в этой же возрастной группе была ниже, чем у тувинцев – 4,94%.

Больше половины женского населения составляли лица в возрасте 16–54 лет (50,57%), а к старшей возрастной группе 55 лет и старше относилось 7,76% тувинских женщин. Доля якутских женщин в этой возрастной группе равнялась 13,35%. В целом более низкая продолжительность жизни в мужской и женской популяциях в Туве по сравнению с отдельными северными народами РСФСР объясняется тем, что ко времени проведения переписи в Туве ещё не в полной мере была развёрнута советская модель здравоохранения и медицины, не были преодолены инфекционные заболевания. Именно с низкой продолжительностью жизни мы связываем тот факт, что мужское и женское население ТНР было очень молодым: суммарная доля молодых мужчин до 17 лет составляла 42,25% всего мужского населения, а девушек до 15 лет – 41,67% всего женского населения. Следует отметить, что эти данные также свидетельствуют о повышенной смертности женщин по сравнению с мужчинами.

Таблица 1

Возрастная структура тувинского и русского мужского и женского населения ТНР в 1931 г., в %⁵

Тувинское население				Русское население			
Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
до 13 лет	33,60	до 13 лет	35,78	до 13 лет	45,7	до 13 лет	46,48
14-17 лет	8,65	14-15 лет	5,89	14-17 лет	9,01	14-15 лет	5,4
18-59 лет	51,81	16-54 лет	50,57	18-59 лет	37,7	16-54 лет	39,3
60 и старше	5,94	55 и старше	7,76	60 и старше	7,52	55 и старше	9,18

Источник: материалы переписи 1931 г.

Как показано в таблице 1, в возрастных структурах тувинского и русского населения наблюдались различия: русское население оказалось более молодым, чем тувинское, доля мужчин до 17 лет составила 54,71%, женщин – 51,88%, что выше, чем в аналогичных возрастных группах тувинского населения. Кроме того, в возрастах мужчин 18-59 лет и женщин 16-54 лет удельный вес русского населения заметно меньше, чем тувинского населения в аналогичных возрастных группах. Полагаем, что эти особенности возрастной структуры русского населения Тувы являются следствием гражданской войны в России. В старших возрастных группах (60 лет и старше для мужчин, 55 лет и старше для женщин) показатели удельного веса русского населения выше, чем тувинского.

Особенностью переписи 1931 г. является то, что в ней отсутствуют данные, характеризующие социально-семейную и брачную структуру общества, эти вопросы были обследованы лишь в ходе переписи 1959 г., когда Тува находилась в составе СССР в статусе Тувинской автономной области. Вместе с тем можно увидеть средний размер тувинских и

⁵ Возрастные группы мужчин женщин в переписи 1931 г. не совпадали. Проценты рассчитаны автором.

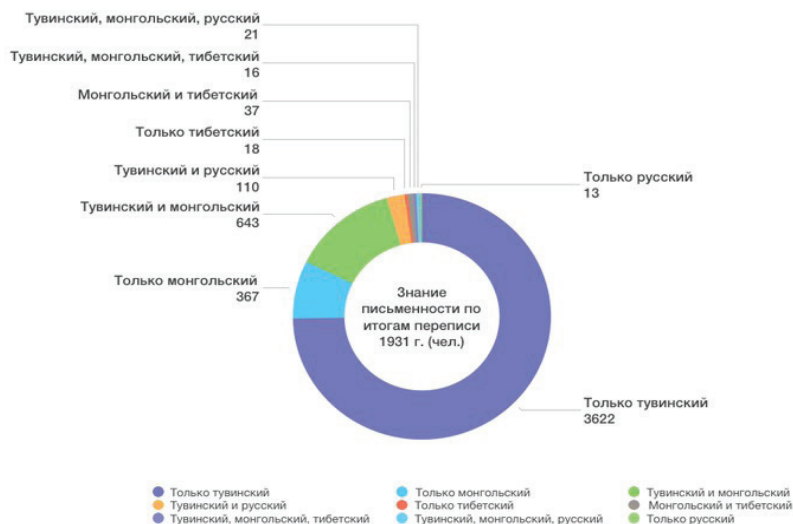
русских хозяйств, которые не совсем тождественны размеру семей. Средний размер тувинских хозяйств составляло 4,15 чел., русских – 5,15 чел.

Образовательная структура населения. В 1930 г. на государственном уровне была введена новая тувинская письменность, разработанная на основе латинизированного алфавита, и отказ от монгольского старописьменного. Обучение тувинской национальной письменности стало задачей государственной важности, не имеющей половых, возрастных ограничений. Это было одним из важнейших шагов к модернизации тувинского общества. Внедрение национальной письменности способствовало быстрому росту грамотного населения. Если в 1925 г. в Туве грамотных было всего 106 человек, то в 1931 г. их число выросло в десятки раз – всего 5076 чел. тувинского населения, из них мужчин было 4240 чел. (83,53% всего грамотного населения и 12,12% всего мужского населения), женщин – 836 (16,47% всего грамотного населения и 2,67 всего женского населения). При переписи в число грамотных включали тех, кто умел не только читать, но и писать. Умеющих только читать оценивали как полуграмотных и не учитывали в числе грамотных.

Данные, которые были скрупулезно собраны в ходе переписи 1931 г., показывают, что комбинации знания разных видов письменности, которые использовались в Туве, были следующие: 1. только тувинский; 2. только монгольский; 3. тувинский и монгольский; 4. тувинский и русский; 5. только тибетский; 6. монгольский и тибетский; 7. тувинский, монгольский, тибетский; 8. только русский; 9. тувинский, монгольский, русский. Всего 9 вариантов. Мы суммировали данные, представленные в разрезе хошунов, получилась по убывающему принципу следующая картина: только тувинской письменностью владели 3622 чел.; тувинской и монгольской – 643; только монгольской – 367; только тибетской – 185; тувинской и русской – 110; монгольской и тибетской – 37; тувинской, монгольской и русской – 21; тувинской, монгольской и тибетской – 16; только русской – 13 (Рис.).

Рис. 3

Распределение грамотного населения ТНР по знанию письменности в 1931 г.

Источник: материалы переписи 1931 г.

В цинский период и даже в первые годы ТНР грамотность выступала социальным признаком принадлежности к родовой знати, а также профессиональным группам цинского чиновничества и буддийского духовенства. Монгольский язык, по словам советского историка, исследователя Тувы В. И. Дулова, выполнял функцию «салонного языка тувинской знати», которая посылал своих детей в Монголию для обучения монгольскому языку и письменности [Дулов 1956, с. 205]. Тувинские женщины в основной массе своей не владели грамотой. Внедрение тувинской национальной письменности и придание вопросу ликвидации безграмотности государственной важности способствовали тому, что знание грамоты потеряло признаки сословной или социально-профессиональной принадлежности, а также высокого родового и социального статуса. В структуре языков и письменности, которыми владело население, также произошли изменения. В связи с изменениями в тувинском законодательстве в части, касающейся регулирования религиозных вопросов, деятельности монастырей, в

результате которых буддийские монастыри были закрыты, разрушены, а также с введением национальной письменности в 1930 г. изучение тибетского и монгольского языков теряет свою былую актуальность. В разворачивающейся тогда системе общего образования обучали национальной тувинской письменности, а по мере углубления культурных, образовательных связей с СССР все большее значение будет приобретать русский язык, который по итогам переписи 1931 года показывал весьма слабое проникновение.

Социально-профессиональная структура населения

Анализируя социально-профессиональную структуру общества по материалам переписи 1931 г., следует отметить группы, которые прекратили своё существование и влияние к моменту переписи 1931 г. В первую очередь, это тувинское чиновничество, которое ранее было встроено в административную систему маньчжурской империи. Несмотря на то, что цинская империя прекратила своё существование в 1912 г., система титулов и должностей, использовавшаяся для управления территорией и населением Тувы, была отменена лишь в 1923 г. 12 октября 1923 г. на I Великом Хурале, который являлся высшим органом государственной власти ТНР, было объявлено об отмене «административного деления служащих и чиновников по старому обычаю на *бейли, бейсе, хунду, чазак, дузалакчы, чагырыкчы, мээрэн, чалан, гун*, а также таких обычаев, как проведение религиозных молебнов, преподношение хадаков⁶; а также об освобождении всех старых чиновников⁷. По сути, отмена этой системы означала изменение социальной структуры тувинского общества и смену носителей власти в Туве. Тем не менее, экономические основы феодального хозяйства не были затронуты в 1920-е гг.

В переписи 1931 г. уже нет старой системы, есть служащие, лица, занимающие оплачиваемые и неоплачиваемые выборные должности. Однако во многих текстах, документах, в сведениях о социальном происхождении тех или иных лиц, в особенности, государственных деятелей правого уклона, членов правительства, которые подверглись политическим репрессиям, указывались отменённые и не существующие

⁶ Хадак – кусок материи, который преподносился гостю или чиновнику в знак уважения.

⁷ Сборник архивных документов «На перекрестке времени» / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 2014. С. 267

уже титулы и должности их самих и отцов, либо религиозные звания, должности.

Отсылки к прекратившей своё существование социальной системе имели политическое значение в классовой борьбе, объявленной руководством Тувинской народно-революционной партии в 1929 г. В отменённой системе титулов и должностей никогда не фигурировали женщины как их носители. Внедрявшаяся новая модель власти и законы, на которые она опиралась, требовала участия женщин. С середины 1920-х гг., а более активно после 1929 г., партийно-государственная статистика начинает передавать количество женщин, вошедших в число административной и общественно-политической элиты ТНР. На первых этапах существования тувинской государственности многие представители старого чиновничества состояли в органах государственного управления Тувы и выборных должностях местного уровня, однако после объявления борьбы с правым уклоном в 1929 г. и в результате выборов в местные органы 1930 г. и партийно-государственных чисток были смещены со своих позиций и заменены лицами из числа бедноты.

Частные торговцы, ростовщики – еще одна социальная и профессиональная группа, прекратившая своё существование в период ТНР, в которой также женщины не были представлены. К моменту проведения переписи 1931 г. в социальной структуре тувинского общества уже отсутствовали такие группы. Торговый капитал в Туве до 1921 г. принадлежал иностранцам: китайцам, русским, а ростовщический – также китайцам, в меньшей степени русским. В 1926 г. в ТНР была объявлена государственная монополия на внешнюю торговлю, а в Конституции ТНР 1930 г. был расширен список категорий граждан, которые не могли пользоваться избирательными правами за счет более жесткого использования политического ценза, чем в предыдущей Конституции 1926 года. Это были социально-профессиональные, социально-политические, политические группы, в том числе те, кто вёл деятельность в частном коммерческом секторе: частные торговцы и ростовщики, лица, живущие на нетрудовой доход, проценты с капиталов, доходы с предприятий, поступления с имущества [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 45]. Сеть частных торговцев и иностранный торговый капитал стали вытесняться сетью кооперативной торговли под эгидой созданного в 1924 г. Тувинского центрального кооператива [История

Тувы 2007, с. 178-179]. В 1929-1930 гг. из внутреннего товарооборота окончательно были вытеснены частные торговцы-перекупщики [Там же, с 181].

В этот период в ТНР начала формироваться новая социально-профессиональная структура населения, которое стало осваивать направления деятельности, не связанные с традиционными скотоводством и земледелием.

Всего лиц, не связанных с сельским хозяйством, было 6097 чел. Это были рабочие, служащие, кустари, батраки, стипендиаты, нетрудовые категории. Из них 3809 (62,47%) имели несамостоятельные занятия, то есть трудились по найму организаций в том числе, чернорабочими с длительным наймом в государственных и кооперативных организациях; поденщиками; пастухами, пасшими скот Тувинценкоопа; горнорабочими и хозяйскими работниками, нанятыми Горным управлением и др.).

К лицам, имевшим самостоятельные занятия, были отнесены охотники, рыболовы, соляные промысловики, сборщики ягод и орехов, продукция которых сбывалась Тувинценкоопу и частным лицам. В эту же группу входили лица, самостоятельно добывавшие минеральную краску, известь, глину; кустари: кузнецы-ювелиры, шорники, кустари по мрамору; ламы, шаманы; возчики товаров и леса. Всего их было 2288 чел. (37,53%). Отличительными особенностями данной группы были индивидуальный характер работы, не по найму, результаты которой принадлежали частным лицам, не государственным и кооперативным организациям. Труд представителей данной группы был направлен на добычу ископаемых; кустарное производство продукции; оказание услуг, отношения по поводу продажи, оказания которых можно назвать рыночными.

К лицам, ведущим нетрудовые виды деятельности, были отнесены ламы и шаманы.

Таблица 2

**Социально-профессиональные группы населения ТНР,
не связанные с сельским хозяйством в 1931 г.**

Социально- профессиональные группы	Всего	Мужчины	Женщины	Доля женщин, % ⁸
Рабочие	2802	1609	1193	42,6
Служащие	1823	957	866	47,5
Кустари	538	292	246	45,7
Крестьяне	459	336	123	26,8
Батраки	61	20	41	67,2
Стипендиаты	409	276	133	32,5
Нетрудовые	5	3	2	40

Источник: материалы переписи 1931.

Создание основ национальной промышленности в ТНР требовало рабочих, и именно с него начинается процессы формирования класса рабочих. Труд рабочего, как и служащего, предполагал наёмный характер, полную занятость, профессиональное занятие каким-либо направлением деятельности, а для женщин – отрыв на время работы от семейных, домашних обязанностей и выход на рынок оплачиваемого труда. Кустарничество основывалось на ремесленных навыках мужчин и женщин, которые ранее имели гендерную специализацию и использовались в домашнем труде. Тувинские мужчины исторически занимались кузнечным, литейным, столярным, шорным ремеслами, занимались катанием войлоков, портняжным, сапожным делом [Дулов 1956, с. 109]. Женщины же занимались шитьём платьев, обуви, выделывали кожу и изготавливали некоторые другие предметы домашнего обихода [Там же]. В целях развития национальной экономики нового государства ТНР кустарные навыки мужчин и женщин стали использоваться для организации простейших форм кооперации и производства товаров для нужд государства и населения, ранее кустарный труд использовался преимущественно для нужд домашнего хозяйства.

Стипендиатами называли обучающихся, которые из государственной казны получали денежное довольствие в период обучения. Это

⁸ Доля женщин рассчитана автором.

также была новая группа в социальной структуре населения, которая начала формироваться лишь в условиях самостоятельной тувинской государственности.

Обучающиеся были самой большой группой среди категории отсутствовавших в момент переписи лиц. Речь идет о населении, которое отсутствовавшего в аалах (кочевьях) в момент переписи в течение месяца и более. Это были лица, чья занятость была локализована за пределами их мест жительства. В данном вопросе мы усматриваем начало нового для тувинцев социального явления, как внутренняя трудовая и образовательная миграция населения. Всего отсутствовавших мужчин было 1682 чел., женщин – 201. Во всех категориях отсутствующих (рабочие, служащие, учащиеся, прочие) мужчин было больше.

Таблица 3

**Мужчины и женщины в категории «отсутствовавшие»
по материалам переписи 1931 г.**

Социально- профессиональные группы	Всего	Мужчины	Женщины	Доля женщин, %
Рабочие	288	288	-	0
Служащие	203	190	13	6,4
Учащиеся	768	591	177	23,05
Прочие	624	613	11	1,76
Всего	1883	1682	201	10,67%

Источник: Материалы переписи 1931 г.

Как показано выше в таблице, формирование социально-профессиональной структуры тувинского населения сопровождалось активизацией миграционной подвижности населения, и на первых этапах это было характерно в большей степени для мужчин.

В этих процессах женщины отставали от мужчин, так как значительная часть женщин оставалась в рамках традиционных социальных норм о роли и месте женщины, обременены домашним трудом, функциями заботы о детях и других членах семьи. Не случайно в этой связи женщины количественно больше были представлены в социальной группе батраков, которая ещё сохранялась в 1930–е гг., но

уже не соответствовала идеологии борьбы против эксплуатации человека человеком и исчезала из социальной структуры общества. Несмотря на отставание женщин, их удельный вес приближался к показателям мужчин среди служащих, кустарей, рабочих.

Женское батрачество в Туве имело длительную историю, как правило, этот вид труда был характерен для бедных слоёв населения, которые прислуживали и выполняли домашнюю работу более богатых родственников и тех, кто не был связан с ними родственными узами.

Батрачество, как элемент социальной структуры тувинского общества, постепенно сокращалось к 1930-м гг. В классовой борьбе, начатой Тувинской народно-революционной партией в 1929 г., батрачество совместно с беднотой противопоставлялось «феодално-байским элементам» и ламству. Так, особенностью избирательной кампании в местные органы власти, состоявшейся в ТНР в 1930 г., стало «сосредоточение органов власти в руках батрачества, бедноты, середняков за счёт лишения избирательных прав и недопущения к выборам феодално-байских элементов, включая шаманство и абсолютное большинство ламства»⁹. Батрачество становилось объектом влияния и специальной работы партийных органов¹⁰ и политической мобилизации вокруг конфискации имущества бывших феодалов и духовенства¹¹. Одной из претензий к правому уклону после перехода политической повестки и власти к левым становится обвинение в недооценке и игнорировании батрачества и пастушества¹².

В 1931 г. было принято постановление ЦК ТНРП о работе среди батрачества и пастушества, в котором указывалось на неурегулированность рабочего времени, отсутствие трудовых договоров, денежной оплаты их труда: «Рабочее время батраков, находящихся в зажиточно-байских хозяйствах, совершенно не ограничено, что создает условия большего закабаления и эксплуатации батраков. Абсолютнейшее большинство батраков работают без каких-либо договоров, регулирующих батрацкий труд в зажиточно-байских хозяйствах, а также в середняцких. Значительная часть батраков эксплуатируются под видом родственников, что трудно удается выявить,

⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 65.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 37, л. 56.

¹¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50, л. 6.

¹² РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50, л. 9.

ввиду сокрытия такового самими батраками. Абсолютнейшее число батраков не получает никакой зарплаты, а их труд «компенсируют» продовольствием и ношением хозяйских шуб и халатов, обуви, что является крайне кабальным и ничего общего с компенсацией по существу не имеет»¹³.

Как мы видим, поднимались вопросы трудовых прав, оплаты труда батраков, попытку формализовать требования к компенсации батрацкого труда. Этими вопросами занимались создаваемые профсоюзы. Поскольку батрацкий труд был построен на основе обслуживания хозяйства богатых и зажиточных родственников и не родственников, женщин среди них было больше.

Данная группа окончательно исчезнет из социальной структуры тувинского общества к моменту присоединения ТНР к СССР, благодаря перераспределению собственности и богатства в результате конфискации имущества бывших феодалов, структурной перестройке принципов хозяйствования через строительство колхозов, а также законодательному, прежде всего, конституционному урегулированию прав человека в ТНР. Так, по данным П. А. Шахуновой и Б. Н. Лиханова, к 1930 г. более 30% скота находилось у феодалов и лам, которые составляли менее 5 % населения, через 10 лет уже свыше 98% поголовья скота Тувы находилось в руках аратов, государственных хозяйств (госхозов) и тожземов [Шахунова, Лиханов, 1955, с. 85].

Анализ социально-профессиональной структуры тувинского общества будет неполным без рассмотрения групп лиц, основной сферой деятельности которых являлись религиозные культы. К моменту проведения переписи 1931 г. в ТНР шёл третий год антирелигиозной и классовой борьбы, в результате которой значительно сократилось количество буддийского духовенства и шаманов: ряды духовенства не пополнялись за счёт ученичества, так как был установлен запрет на приём в «хувараки» несовершеннолетних, многие ламы низших рангов переходили в светское состояние и стали заниматься сельскохозяйственным трудом, из-за налогового давления происходил самороспуск монастырей, тибетская медицина и шаманское врачевание были объявлены вне закона [Натсак 2022].

¹³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 173, д. 46, л. 206-207. Постановление ЦК ТАРП №102 от 1 сентября 1931 г. «О работе среди батрачества и пастушества».

Перепись 1931 г. зафиксировала в ТНР следующее количество буддийских лам и шаманов: 787 буддийских лам, все были мужчинами; всего 742 шамана, в том числе, 314 шаманок. Женщины составляли 42,32% всех шаманов Тувы в 1931 г.¹⁴

Ламы и шаманы были не только социальными, но и профессиональными группами, которые выполняли духовно-религиозные, медицинские, астрологические функции. В ходе переписи отмечались все служители культа – ламы и шаманы вне зависимости от того, продолжали ли они на тот момент заниматься отправлением культа или прекратили эту деятельность. Деятельность тех, кто продолжал заниматься отправлением культов, в переписи 1931 г. была отнесена к «несельскохозяйственным нетрудовым занятиям», внутри которых были подразделы: «лекарство». «шаманство».

Эти сферы позже оказались полностью секуляризованными, образовали, по терминологии П. Бергера, «освобождённые территории» [Бергер 2020, с. 922]. К 1944 г. в социально-профессиональной структуре тувинского общества уже не было сколько-нибудь значимых групп, связанных с религиозными культами как родом профессиональной занятости. Поскольку буддийская церковь как институт строилась на иерархических принципах, с её разрушением социальные иерархии, которые были основаны на монастырских должностях, званиях, учёных степенях, потеряли социальную значимость в тувинском обществе.

По материалам переписи 1931 г. можно проследить развитие в тувинском обществе новых общественных структур и органов власти. В общественных организациях и выборных органах мужчины закономерно составляли большинство, а женщины – меньшинство в силу того, что внедрение новых социальных норм сталкивалось с необходимостью ломки традиционных норм, открытым и негласным сопротивлением со стороны населения, кроме того, целенаправленное привлечение женщин к общественно-политической деятельности активизировалось лишь с 1929 г.

¹⁴ Расчёты процентов были сделаны автором.

Таблица 4

**Распределение членов общественных организаций
и лиц, занимавших выборные должности по полу¹⁵**

Организации и выборные должности	Мужчины	Женщины	Доля женщин
Тувинская народно-революционная партия	4141	1042	20,1%
Тувинский революционный союз молодёжи	3213	1890	37,04%
Профсоюзы	1883	301	13,78%
Кооперация	14040	5567	28,39%
Выборные должности	2332	357	13,28%
Всего	25609	9157	26,34%

Источник: Материалы переписи 1931 г.

Как показано в таблице 4, наибольшее количество граждан было охвачено кооперацией и народно-революционной партией.

Доля женщин в политических организациях разнится существенно: в Тувинском революционном союзе молодёжи (ТРСМ), созданном в 1924 г., была более высокая доля женщин, нежели в Тувинской народно-революционной партии. Такая дифференциация была обусловлена возрастными и поколенческими особенностями – молодёжь быстрее адаптировалась к изменяющимся социальным и политическим реалиям и усваивала новые социальные нормы.

Вступление мужчин и женщин в профсоюзы означало формирование социально-профессиональной структуры тувинского общества, в которой они впервые начали идентифицировать свою принадлежность к профессиональным группам. Создание в ТНР профсоюзов в 1927 г. происходило в условиях, когда рабочий класс и национальная промышленность находились в зачаточном состоянии, но было много батраков, как тогда считалось, сельских пролетариев.

Кроме того, перепись 1931 г. показывает проникновение женщин в простейшие крестьянские формы кооперации – в ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) и ТУЖы (товарищества по улучшению животноводства), ТОЖЗЕМы – товарищества по организации животноводства и земледелия) формировавшиеся государством колхозы и госхозы. По доле участия женщин кооперация стояла на втором месте после ТРСМ.

¹⁵ Доля женщин рассчитана автором.

Меньше всего была доля женщин в выборных должностях: это были секретари партийных и ревсомольских ячеек сумонного и хошунного уровней, партийные организаторы, члены контрольных комиссий, профделегаты, женорганизаторы, работники красных уголков, старосты сумонов, председатели правлений колхозов, члены ревизионных комиссий¹⁶.

Социально-классовая структура тувинского общества

Материалы переписи 1931 г. показывают распределение главного капитала хозяйств кочевых тувинцев – скота. Всего в тувинских хозяйствах насчитывалось 1054413 голов скота, преимущественная часть которых была сосредоточена в индивидуальных хозяйствах, незначительная часть в госхозах и колхозах.

Из 1 108 625 голов скота, из них 1 054 413 голов находилось в тувинских хозяйствах, 10 577 в монастырских хозяйствах, 3086 в госхозах. Таким образом, в 1931 г. госхозах было аккумулировано менее 1% процента, а в монастырях 1% всего поголовья скота тувинских хозяйств.

По количеству скота можно определить соотношение крайне бедных, бедных, середняков и богатых в тувинском обществе.

Таблица 5

Количество скота в хозяйствах в ТНР

№	Количество скота	Количество хозяйств	Доля в общем числе хозяйств, % ¹⁷
1	До 5 бодо ¹⁸	2508	16,03
2	От 5,01 до 10 бодо	4242	27,11
3	От 10,01 до 20 бодо	4950	31,63
4	От 20,01 до 30 бодо	2138	13,66
5	От 30,01 до 40 бодо	828	5,29
6	От 40,01 до 50 бодо	427	2,73
7	От 50,01 до 80 бодо	389	2,49
8	От 80,01 и более бодо	166	1,06

Источник: перепись 1931 г.

¹⁶ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. 1933.С. 6.

¹⁷ Рассчитано автором.

¹⁸ Бодо – 1 голова крупного рогатого скота или количество мелкого рогатого скота, которое приравнивалось к 1 голове крупного рогатого скота.

К нижней ступени материального благополучия относилось 16,03% хозяйств, имевших до 5 бодо, их можно назвать крайне бедными. Наиболее близкая к ним группа хозяйств, располагавших до 10 бодо, составила 27,11%, их мы относим к бедным. Самая богатая группа хозяйств обладала от 80 и более бодо, таковых оказалось всего 1,06%. К богатым также можно причислить те хозяйства, которые владели от 50 до 80 бодо (2,49%). Суммарно бедных хозяйств было 43,14%, богатых – всего 3,57. На основании этих данных можно полагать, что удельный вес бедных хозяйств был высоким, меньшинство – богатыми. Данное соотношение групп является условным, так как одновременно с переписью шли процессы конфискации скота у феодалов.

Кредиты. Из 15648 обследованных в ходе переписи хозяйств 8501 или 54,33 %¹⁹ получили кредиты, из них в банке (Тувинбанке) и у кооперации (Тувинценкоопе) – 1619 (10,35% всех хозяйств) большая часть – 7468 (47,72% всех хозяйств) у частных лиц. Из хозяйств, воспользовавшихся заемными средствами, 35,78% получили их в виде денег, 31,23% в натуральном виде, 25,91% – деньгами и натурой, 3,81% – товарами и 3,26% – смешанной натурой (табл.). 6941 (44,36%) всех хозяйств в том или ином виде выступали кредиторами, предоставляя в долг материально менее ресурсным хозяйствам денежные средства, скот, товары.

Таблица 6

Хозяйства ТНР, получившие и предоставившие кредиты по материалам переписи 1931 г.

№	Виды	Хозяйства предоставившие кредит		Хозяйства, получившие кредит	
		Число	Доля в общем числе хозяйств, предоставивших кредит, %	Число	Доля в общем числе хозяйств, получивших кредит
1	Всего	6941	100	8501	100
2	в том числе, деньгами	2124	30,6	3042	35,78
3	натурой ²⁰	2695	38,83	2655	31,23
4	деньгами и натурой	1592	22,94	2203	25,91
5	натурой товарной	298	4,29	324	3,81
6	натурой смешанной	234	3,37	277	3,26

Источник: перепись 1931 г.

¹⁹ Проценты рассчитаны автором.

²⁰ В данном случае под «натурой» имеется в виду продукция животноводства – молоко, шкуры, шерсть.

Наибольшая доля хозяйств, выполнявших роль кредиторов, передали в долг скот – 38, 83%, меньше всего передали смешанную натуру, которая могла состоять из скота и продукции.

Передача скота «на прокорм» и на «удой». Кроме кредитов в 1931 ещё существовала старая система сдачи скота на прокорм бедным хозяйствам, найма и сдачи молочного скота «саап ишкен», которая показывает сохранившееся с цинских времён имущественное расслоение тувинского населения. Скот на прокорм бедные индивидуальные хозяйства в период ТНР начали получать у госхозов, кооперации, монастырей, колхозов, у русского населения. 2054 хозяйств (13,13% всех хозяйств) обеспечивали себя и выживали, получив чужой скот на прокорм, а хозяйства, предоставившие скот (1458 или 9,32% всех хозяйств), оставались собственниками переданного скота и его приплода. Если в цинский период скот на прокорм брали у монастырей, феодалов, лам, русского населения, но в новое время²¹ в эту систему экономических отношений были включены хозяйства с новыми организационными формами – госхозы, колхозы, кооперация. Всего к моменту переписи 1931 г. было передано на прокорм 104 358 голов скота. 68 бедных хозяйств получили скот у госхозов и кооперации, 60 хозяйств – у монастырей 17 – у колхозов, 57 – у русского населения ТНР.

Монастырский скот был передан беднейшим слоям тувинского населения в 1929 г. для выпаса на договорных отношениях, когда в ходе антирелигиозной борьбы монастыри стали терять свое экономическое положение [Очерки истории 1975, с. 84].

Сдача и найм скота и инвентаря. Кроме этого, существовали арендные отношения – неимущие хозяйства нанимали скот и инвентарь для хозяйственных нужд, а материально обеспеченные хозяйства их сдавали. Первых было количественно больше, чем вторых. 3861 хозяйство вынуждено было нанимать их что составляло 24,67% всех обследованных тувинских хозяйств. Сдавало скот и инвентарь 2832 или 18,1% всех хозяйств. Таким образом, у 24,67% хозяйств не имелось средств производства.

Преимущественная часть инвентаря и построек находилась в индивидуальных хозяйствах – тувинским хозяйствам принадлежало 12899 юрт, 2214 изб, русским – 2286 изб. Монастырские хозяйства имели

²¹ После 1921 г.

9 юрт, 20 домов, 19 хозяйственных построек, 6 плугов, 1 сенокосилка, что свидетельствовало о разрушении основ их экономической мощи и влияния. Механизированная техника относилась исключительно госхозам и колхозам, всего в стране было 9 тракторов.

Обобществление собственности только начиналось, в этой связи большей частью инвентаря и построек владели частные хозяйства.

Найм работников. На особенности социально-классовой структуры тувинского общества указывает на то, что 10,6% (1658) тувинских хозяйств в период переписи продолжали нанимать работников для пахоты, пастьбы скота, возки леса и батрачества. Богатые хозяева нанимали бедняков также на несение натуральной повинности – уртели, отправляя на эти работы вместо себя другого человека; на соляной промысел, охоту; на «битье шерсти»; на уборку хлеба признаки. Чем богаче было хозяйство, тем больше было нанимаемых лиц. Но минимальные и максимальные показатели количества привлекаемых к работам лиц по найму от 1,2 до 1,7 чел. указывают на то, что их не так много было. Платили за работу деньгами (665 хозяйств), скотом (507), питанием (193), одеждой (180), предоставлением возможности пользоваться скотом (244), чаем, табаком, далембой²² (136).

В Конституции ТНР, принятой за год до переписи, в 1930, в части декларации прав трудящихся аратов было указано: «Конституция Тувинской Аратской Республики имеет своей целью гарантировать диктатуру трудящихся аратских масс в целях подавления феодалов, баев, теократов и уничтожения всякой эксплуатации человека человеком»²³. В Конституции было указано, что не могут избираться и быть избранными: лица, «добывающие средства путем эксплуатации другого с целью наживы; частные торговцы, ростовщики, лица, живущие на нетрудовой доход, проценты с капиталов, доходы с предприятий, поступления с имущества; ламы, шаманы, для которых религиозные культы являются профессией» и другие²⁴. Как было показано выше, 44,36% всех хозяйств выступали кредиторами для менее обеспеченных хозяйств; 9, 32% хозяйств передавали скот на «прокорм» и «удой»; 18,1% хозяйств сдавали в найм скот и инвентарь; 10,6% хозяйств нанимали работников. Суть процитированных выше положений Конституции ТНР 1930 г.

²² Далемба – хлопчатобумажная ткань.

²³ Конституция 1930 г. / Конституции Тувы 1921-1993 гг. Сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РФССР. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Сост. В. А. Дубровский. 1999. 216 с. С. 50.

²⁴ Там же. С. 56.

заклучалась в объявлении этих видов деятельности вне социально-нормативной структуры общества, но перепись 1931 г. показывает, что между декларацией этих принципов в основном законе тувинского государства и фактической реализацией была определённая временная дистанция.

Как выше отмечалось, перепись совпала с началом конфискации имущества и скота феодалов и бывших чиновников. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ТНРП приняло постановление о принципах конфискации, затем были сформированы центральная и хошунные комиссии для проведения кампании, и за 1931 г. было конфисковано скота, который приравнивалось к 18578 единицам крупного рогатого скота [Очерки истории 1975, с. 83]. В этой связи в переписи 1931 г. нашла отражение социально-классовая структура тувинского общества, которая уже разрушалась в ходе перераспределения государством ресурсов и частной собственности. Считается, что благодаря экспроприации имущества и скота крупных собственников были решены задачи антифеодальной борьбы, при этом социально-экономические проблемы углубились.

Заключение

Материалы переписи показали рост численности населения ТНР на 30,4 % по сравнению с данными на 1921 г., на 37% по отношению к данным 1918 г. и на 46% по отношению к данным 1914-1915 гг. Таким образом, за десятилетний период тувинской государственности с 1921 по 1931 гг. произошёл существенный рост населения Тувы.

Территориально-поселенческая структура населения ТНР 1931 г. показывает, что, во-первых произошло укрупнение хошунов, которых в начале XX в. было 9, во-вторых, – потеря Хазутского хошуна, на который не распространилась юрисдикция нового тувинского государства и население которого было оторвано от материнского этноса. Как и в начале XX в., большая часть человеческих ресурсов была сконцентрирована на западе Тувы. Данный факт исторически был связан ландшафтными особенностями западных территорий, пригодных как для скотоводства, так и для земледелия, и в этой связи там с XIX в. сосредотачивался иностранный торговый капитал.

Особенностью административно-территориальной организации ТНР являлось сочетание территориального и экстерриториального размещения населения, которое определяло национально-этническую композицию населения. В ТНР, как было показано, преобладало

коренное население, но присутствовало дисперсное расселение русского населения – граждан сопредельного советского государства. Среди советских граждан, главным образом русских, был немалый отток в годы гражданской войны, в годы коллективизации и политических репрессий, их численность в рассматриваемый период обеспечивалась за счет естественного прироста.

Перепись 1931 г. показала начальные этапы урбанизации населения ТНР, лишь 4,59% всего населения относилось к жителям единственного города Кызыла (Белоцарска, начало строительства которого было положено в 1914 г.).

Половозрастная структура населения ТНР, согласно данным переписи 1931 г., отличалась небольшим перевесом мужчин, большим удельным весом молодого населения, долей лиц старше 60 лет ниже 8%, что указывает на демографическую молодость населения по шкале демографического старения, а также на высокий уровень смертности населения. При этом русское население ТНР оказалось более молодым, чем тувинское.

Средний (численный) размер русских хозяйств был выше по сравнению с тувинскими (5, 15 и 4,15 соответственно), что косвенно может свидетельствовать о разнице в показателях рождаемости и выживаемости детей в патриархальных семьях русских и тувинцев.

В образовательной структуре населения отмечается преобладание грамотного мужского населения, многократное ускорение темпов преодоления безграмотности после введения тувинской национальной письменности. Обращает на себя внимание полиязычность грамотного населения, структура которой изменится в последующие этапы в связи с потерей социально-политической и религиозной роли монгольского и тибетского языков и усилением значимости русского языка для социально-политической успешности граждан.

Из социально-нормативной структуры тувинского общества в 1923 г. были законодательно исключены чины, которые служили основанием прежней социально-управленческой иерархии. К моменту переписи они отсутствовали как социальная группа.

В связи с объявлением в 1926 г. государственной монополии на внешнюю торговлю, а также начавшейся кооперацией из социально-профессиональной структуры тувинского общества исчезли в начале 1930-х гг. частные торговцы и ростовщики. В социально-

профессиональной структуре населения сохранялись такие группы, как батраки, нетрудовые в лице лам и шаманов, появились новые – рабочие, служащие, стипендиаты.

В общественных политических организациях и выборных органах мужчин было больше, чем женщин. Кооперация и профессионализация населения сопровождалась привлечением населения в профсоюзы.

Перепись 1931 г. не содержит данных о том, под какие условия (сроки и процентные ставки) предоставляли кредиты Тувинбанк, Тувинценкооп, а также частные хозяйства. Можно отметить тот факт, что дефицит материальных средств как кочевых животноводческих, так и полеводческих хозяйств, связанный с их сезонным характером получения продукции, оставался достаточно острым. Более половины хозяйств имели долги перед кредиторами. В отличие от начала XX в. средства хозяйствам начали ссуживать не иностранные ростовщики, деятельность которых была запрещена, а новые централизованные организации и частные хозяйства местного населения.

Перепись 1931 г. показала, что в экономических отношениях в стране ещё участвовал частный капитал, доля банковских кредитов в общем числе займов была значительно меньше, чем средств частных хозяйств, которые заняли нишу иностранного торгового и ростовщического капитала, изгнанного из страны. Частная собственность на средства производства на возмездной основе передавалась в аренду.

В 1931 г. большая часть скота и сельскохозяйственного инвентаря находилась в частной собственности в индивидуальных хозяйствах, хозяйства получили возможность получения кредитов в банке. Характер экономических отношений, которые можно выявить по материалам переписи (найм и сдача скота, инвентаря, использование наёмного труда бедняков в частных хозяйствах, предоставление частными хозяйствами другим хозяйствам продукции, скота и денежных средств в кредит) свидетельствуют о том, что в Туве создавались предпосылки для развития своей собственной национальной буржуазии, что было политически опасно для левых. К концу 1920-х и начал 1930-х г. Тува стояла в развилке, которая, с одной стороны, могла увести в капиталистическое развитие, с другой стороны – по пути некапиталистического развития. Не без влияния Коминтерна, который с опорой на идеи классиков марксизма-ленинизма о некапиталистическом пути развития для стран Востока координировал вопросы дальнейшего развития Тувы, руководство страны выбрало второй вариант, как и Монголия. В

этой связи одновременно удары были нанесены, в том числе, через фискальную политику по монастырским хозяйствам для ослабления их экономической основы, затем по бывшим феодалам через конфискацию их имущества и передачу его в коллективные хозяйства.

Несмотря на конституционную декларацию борьбы с эксплуатацией человека человеком, феодалами как классом, и социально-политические изменения республиканского периода, в 1931 г. социальное расслоение и классовая структура, характерные для начала XX в. во многом сохранялись.

На наш взгляд, специфика периода, когда проводилась перепись 1931 г., заключалась в том, что социальной структуры с относительно постоянными характеристиками в Туве в тот момент не было, переписная кампания совпала с серьезной перестройкой общественных отношений, и в этой связи она зафиксировала в моменте изменяющуюся обстановку. Класс феодалов и феодальный уклад были ликвидированы. Социальное неравенство, основанное на количестве скота, и использование частными хозяйствами труда бедняков за одежду, пропитание сохранялись. Государственно-политические решения об освобождении ниш частной торговли и ростовщичества и замене их государственной торговлей и государственным банковским кредитованием были приняты, но эти процессы протекали не быстро. Через два года после переписи в 1933 г. рамках исправления «левацких перегибов» новая экономическая политика ТНР вновь была направлена развитие частной инициативы. Поэтому данные переписи 1931 г., касающиеся экономических отношений, собственности и социальной структуры, ни в коей мере нельзя экстраполировать на период ТНР в целом, а также на 1920-е гг. и 1940-е гг., так как они запечатлели короткое по времени сосуществование разных укладов и систем.

Литература:

1. Бажутин 1967 – Бажутин Б. П. Победа Ленинского кооперативного плана в Туве / Ученые записки. Вып. XII. Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Кызыл. Типография Управления по печати при Совете министров Тувинской АССР. 1967. С. 45–56.
2. Вайнштейн 1972 – Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М.: издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1972. 313 с.
3. Гребнев 1968 – Гребнев Л. В. Изменение социальной структуры в Туве. / Ученые записки. Вып. XIII. Тувинский научно-исследовательский институт

- истории, языка и литературы. Кызыл. Типография Управления по печати при Совете министров Тувинской АССР. 1968. С. 47–77.
4. Гребнев 1971 – Гребнев Л. В. Национальный отряд рабочего класса Тувы / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 19–24.
5. Гребнев 1955 – Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. ТНИИЯЛИ. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1955. 100 с.
6. Гребнев, Очур 1971 – Гребнев Л. В., Очур В. Ч. Рабочий класс Тувы. Отв. ред. Г. А. Докучаев. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1971. 235 с.
7. Дулов 1956 – Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 609 с.
8. Иконников 1967 – Иконников Н. П. От Тувы феодальной – к Туве социалистической (цифры и факты) / Ученые записки. Вып. XII. Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Кызыл. 1967. С. 171 – 185.
9. История Тувы 2007 – История Тувы в 3-х т. II т. 2007. Новосибирск: «Наука». 430 с.
10. История Тувы 1964 – История Тувы в 2-х т. Том II. М.: «Наука». 1964. 455 с.
11. Кабо 1934 – Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Москва, Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 1934. 202 с.
12. Митупов 1971 – Митупов Б. М. Основные проблемы истории формирования рабочего класса в национальных районах Сибири / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 3–10.
13. Моллеров 2022 – Моллеров Н. М. История зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). Кызыл. КЦО «Аныяк». 2022. 376 с.
14. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. По пути народовластия. Представительно-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). 2021. Абакан: ООО «ИПП «Журналист». 304 с.
15. Натсак 2022 – Натсак О. Д. Внешнеполитические и внутривнутриполитические причины вооруженного восстания на Хемчике в 1930 г. // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 2(2). С. 48–78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78
16. Осипова 1961 – Осипова В. В. Сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. как важнейший источник характеристики экономического строя сельского хозяйства Тувы (1921-1930 гг.) / Ученые записки. Вып. IX.

Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл. Типография управления культуры. 1961. С. 99–124.

17. Очерки истории 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1975. 408 с.

18. Плеханова 2011 – Плеханова Ю. Н. Тува от переписи до переписи / Материалы заочной конференции к 200-летию юбилею российской статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Кызыл. 2011. 170 с. С. 26–34.

19. Рандалов 1980 – Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. АН СССР. СО. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. Новосибирск: издательство «Наука». Сибирское отделение. 1980. Отв. ред. И. А. Асалханов. 286 с.

20. Хаптаев 1971 – Хаптаев П. Т. Некоторые вопросы формирования и развития рабочего класса в национальных районах Сибири (1939-1959) / История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Улан-Удэ. 1971. СО ИИФФ, Бурятский филиал; Институт общественных наук. 189 с. С. 11-19.

21. Шахунова 1955 – Шахунова П. А., Лиханов Б. Н. Советская Тува (природа, население, хозяйство). Ред. Л. Н. Леонтьев. Кызыл: ТНИИЯЛИ. Тувинское книжное издательство. 1955. 156 с.

References:

1. Bazhutin, B. P. (1967) “Pobeda Leninskogo kooperativnogo plana v Tuve” [The Victory of Lenin's Cooperative Plan in Tuva], *Uchenye zapiski*, vyp. XII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, tipografija Upravljenija po pečati pri Sovete ministrov Tuvinskoj ASSR, p. 45–56.

2. Vajnshtejn, S. I. (1972) “Istoricheskaja jetnografija tuvincev” [Historical Ethnography of Tuvans], Moscow, izdatel'stvo «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 313 p.

3. Grebnev, L. V. (1968) “Izmenenie social'noj struktury v Tuve” [Transformation of the social structure of Tuva], *Uchenye zapiski*, vyp. XIII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, tipografija Upravljenija po pečati pri Sovete ministrov Tuvinskoj ASSR, p. 47–77.

4. Grebnev, L. V. (1971) “Nacional'nyj otrjad rabochego klassa Tuvy” [National Working Class of Tuva], *Istorija rabochego klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii)*, Ulan-Udje, SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p., p. 19–24.

5. Grebnev, L. V. (1955) “Perehod tuvinskih aratov-kochevnikov na osedlost” [The Transition of Tuvan Arat Nomads to settlement], Kyzyl, TNIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 100 p.

6. Grebnev, L. V., Ochur, V. Ch. (1971) “Rabochij klass Tuvy” [Working Class of Tuva], ed. by G. A. Dokuchaev, Kyzyl, TNIIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 235 p.
7. Dulov, V. I. (1956) “Social'no-jekonomicheskaja istorija Tuvy (XIX — nachalo XX v.)” [Socio-Economic History of Tuva (XIX — early XX century).]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 609 p.
8. Ikonnikov, N. P. (1967) “Ot Tuvy feodal'noj – k Tuve socialisticheskoy (cifry i fakty)” [From Feudal Tuva to Socialist Tuva (Figures and Facts)], Uchenye zapiski, vyp. XII, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jazyka i literatury, Kyzyl, p. 171–185.
9. “Istorija Tuvy v 3-h t.” (2007) [History of Tuva in 3 vol.], vol. II, Novosibirsk, Nauka, 430 p.
10. “Istorija Tuvy v 2-h t.” (1964) [History of Tuva in 2 vol.], vol. II, Moscow, Nauka, 455 p.
11. Kabo, R. (1934) “Ocherki storii i jekonomiki Tuvy” [Essays on the History and Economy of Tuva]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 202 p.
12. Mitupov, B. M. (1971) “Osnovnye problemy istorii formirovanija rabocheho klassa v nacional'nyh rajonah Sibiri” [The Main Problems of the History of the Formation of the Working Class in the National Region of Siberia]. Istorija rabocheho klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii), Ulan-Ude, SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p. P. 3–10.
13. Mollerov, N. M. (2022) “Istorija zarubezhnoj kolonii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921-1944 gg.)” [History of the Foreign Colony in the Tuvan People's Republic (1921-1944)], Kyzyl, KCO «Anyjak», 376 p.
14. Mollerov, N. M., Natsak, O. D., Samdan, A. A. (2021) “Po puti narodovlastija. Predstavitel'no-zakonodatel'naja vlast' Tuvy (predparlamentskij period)” [On the Path of Democracy. Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)]. 2021. Abakan: OOO “IPP «Zhurnalist”», 304 p.
15. Natsak, O. D. (2022) “Vneshnepoliticheskie i vnutripoliticheskie prichiny vooruzhennogo vosstanija na Hemchike v 1930 g.” [Foreign and Domestic Political Causes of the Armed Uprising in Khemchik in 1930], Aziatskie issledovanija: istorija i sovremennost', no. 2 (2), p. 48–78. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-48-78.
16. Osipova, V. V. (1961) “Sel'skohozjajstvennaja i demograficheskaja perepis' 1931 g. kak vazhnejshij istochnik harakteristiki jekonomicheskogo stroja sel'skogo hozjajstva Tuvy (1921-1930 gg.)” [The Agricultural and Demographic Census of 1931 as the Most Important Source of Characteristics of the Economic System of Agriculture in Tuva], Uchenye zapiski, vyp. IX, Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, Kyzyl, Tipografija upravlenija kul'tury, p. 99–124.
17. “Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS” (1975) [Essays on the History of the Tuvan organization of the CPSU], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 408 p.

18. Plehanova, Ju. N. (2011) “Tuva ot perepisi do perepisi” [Tuva from Census to Census], *Materialy zaочноj konferencii k 200-letnemu jubileju Rossijskoj statistiki, territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Tuva, Kyzyl*, 170 p, p. 26–34.
19. Randalov, Ju. B. (1980) “Izmenenie social'noj struktury sela nacional'nyh rajonov Sibiri v uslovijah razvitogo socializma” [Changes in the Social Structure of Rural Areas of the National Regions of Siberia in the Conditions of Developed Socialism], AN SSSR. SO, Burjatskij filial. Burjatskij institut obshhestvennyh nauk, Novosibirsk, izdatel'stvo «Nauka», Sibirskoe otделение. 1980, otv. red. I. A. Asalhanov, 286 p.
20. Naptaev, P. T. (1971) “Nekotorye voprosy formirovanija i razvitija rabochego klassa v nacional'nyh rajonah Sibiri (1939-1959)” [Some Issues of the Formation and Development of the Working Class in the National Regions of Siberia (1939-1959)], *Istorija rabochego klassa, krest'janstva i intelligencii nacional'nyh rajonov Sibiri (Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii)*, Ulan-Udje. SO IIFF, Burjatskij filial; Institut obshhestvennyh nauk, 189 p., p. 11–19
21. Shahunova, P. A., Lihanov, B. N. (1955) “Sovetskaja Tuva (priroda, naselenie, hozjajstvo)” [The Soviet Tuva (Nature, Population, Economy)], ed. by L. N. Leont'ev, Kyzyl, TNIIJaLI, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 156 p.

Информация об авторе:

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: nod695596@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1079250

Information about the author:

Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: nod695596@gmail.com

© Натсак О. Д., 2025

ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

**“ЧЕЧЕК” ДЕП ШИИЖИТКЕН ҮШ КӨЖЕГЕЛИГ
ОПЕРАНЫҢ ЛИБРЕТТОЗУ (ЛИБРЕТТО ТРЕХАКТНОЙ
ПЬЕСЫ – ОПЕРЫ “ЧЕЧЕК”)**

Василий С. Салчак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, научный сотрудник сектора литературоведения, Кызыл, Республика Тыва, Россия, kyrybazyr@mail.ru

Представляем к публикации архивный материал Рукописного фонда Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики под названием: «Архив С. Пюрбю (№№ 1296-1345). Науч. арх. РФ. Д. 1302: С. Пюрбю. «Чечек» (либретто). Шиижиткен үш көжегелиг шииниң либреттозу (Либретто трехактной пьесы – оперы)». Время поступления данного материала: 14-го октября 1978 г., через 3 года после смерти Народного писателя Тувинской АССР С.Б. Пюрбю (1913-1975) от супруги Н.Д. Пюрбю-Филатовой. Либретто публикуется впервые. Партитура оперы с либретто будет издана отдельно. В мае 2025 г., как нам сообщали планируется постановка оперы (Кызылским колледжем искусств им. А.Б. Чыргал-оола).

Публикация либретто, написанного почти полвека назад классиком тувинской литературы С.Б. Пюрбю на основе его поэмы «Чечек». Издание классического тувинского произведения искусства послужит ценным источником для популяризации тувинской академической музыки, дальнейшего изучения (в музыкальных школах, организациях профессионального образования и культурных учреждениях Тувы).

* * *

Сураглыг композитор Саая Бюрбениң Тыва АССР-ниң Улустуң чогаалчызы С.Б. Пюрбюнүн “Чечек” деп шүлүглелинге үндөзилээн 1960–1970 чылдарда-ла бижээни “Чечек” деп операның партитуразы- даа, либреттозу-даа моон мурнунда долзу-биле чырыкче үнмээн турган.

С.Б. Пюрбюнүн эртем намдары болгаш чогаадыкчы ажыл-чорудулгазы-биле бо чүүлдүн автору хөй чылдарда ажылдап келген.

С. Пюрбюнүн “Чечек” деп шүлүглелиниң либреттозун бижижип, кады ажылдажып көөрүнгө идегеп, А. Оюн биске дилеглиг келген.

ТГТШИ-ниң Эртем архивинде С.Б. Пюрбюге хамаарышкан бижилгелерни чыскаап, ниити даңзыны тускайлап бөлүктөп тургаш, ону парлаарынга хөй чылдар дургузунда белеткеп келген бис. С.Б. Пюрбюнүн 100 харлаан оюн таварыштыр «Сергей Пюрбюнүн тыва литература болгаш культурага хамаарышкан архиви (ТГШИ-ниң Эртем архивинде кадалаттынып чыдар архив материалдарының даңзызы)» деп номну (тург. В.С. Салчак, ред. У.А. Донгак) орус дылга 2013 чылда чырыкче үндүргөн бис¹. С. Пюрбюнүн бижээни либреттозунга хамаарыштыр ук номда Эртем архивиниң даңзылааны ёзугаар кылдынган, орус болгаш тыва дылдарда бижиттинген төөгүлүг барымдаалар бар. Ук бижимелдерни 3 кезекке чарып болур.

ТГТШИ-ниң Эртем архивинде чогаалчы С.Б. Пюрбюнүн архивинде дараазында материалдар бар: 1) Композитор А. Курченконун балет (опера-балет) чогаадып бижииринге чогаадыкчы чагы². 2) А. Курченко. «Чечек» деп балеттин (опера-балеттин) ажыл планы³. 3) С. Пюрбю. «Чечек» деп шижиткен үш көжегелиг операның либреттозу⁴.

Бистиң даап бодап турарывыс-биле, композитор С. Бюрбе “Чечек” деп шүлүглелге опера бижиир бодап алгаш, 1960 чылдарның эгезинде чогаалчы С.Б. Пюрбюге чагыг кириген турган боор. Чүгө дээрге 1961 чылдың төнчүзүндө азы 1962 чылдың эгезинде ажылдап кылдынган либреттонун бирги арнында сөзүглелдин ады кылдыр бижиттинген дараазында сөстөр бар: “С. Пюрбю. Чечек /либретто/. Шижиткен үш көжегелиг опера. ...» деп демдеглеттинген 19 арында сөзүглел ТГТШИ-ниң Эртем архивинде шыгжаттынган. Бистиң даап бодаашкынывыска бо архивте дараазында медээ бадыткал болуп турар: «С.М. Бюрбе [Кызылдан (11.03.1962) Ялта хоорайже, С.Б. Пюрбюге]: “Экии, Сергей Бакизович! ... «Чечектин» увертюразын оркестровкалап доозар чеде бердим. Силер кээп турунарда белен турар...”»⁵.

Бо хүннерде Кызылдың уран чүүл колледжиниң ыры салбырының башкылары Э. Докулак, А. Ондар-Салчак, композитор А. Оюн (тургузукчузу,

¹Архив писателя Сергея Пюрбю по тувинской литературе и культуре (Реестр архивных материалов, хранящихся в Научном архиве ТИГИ) /Сост.: В.С. Салчак, ред.: У.А. Донгак/. – Кызыл, 2013. 144 с.

²ТГТШИ-ниң Эртем архиви. Бижимелдер фондузу. Көктөг № 1302, ар. 1-2. (А. Курченконун чогаадыкчы чагыгы – дараазында номга парлаттынган: Архив писателя Сергея Пюрбю по тувинской литературе и культуре (Реестр архивных материалов, хранящихся в Научном архиве ТИГИ) . – Кызыл, 2013. С. 85-86).

³ТГТШИ-ниң Эртем архиви. Бижимелдер фондузу. Көктөг № 1302, ар. 3-4.

⁴База ында. Ар. 5-23.

⁵База ында. Көктөг № 1344, ар. 31-32.

режиссеру) 1-ги – 4-кү курстарның сургуулдары-биле “Чечек” деп операны сценага долузу-биле салыр дээш белеткел ажылдарын эгелей берген. Тыва эртемде С.Б. Пюрбюнүн «Чечек» деп шүлүглелинге либретто дугайында медээ 2024 чылда У.О. Донорованың⁶ ТГТШИ-ниң XXVI «Эртем бижимелдеринге» база парлаттынган турган. Ук автор С. Пюрбюнүн 100 харлаан оюн демдеглеп турар чылында, «Чечек» деп шүлүглелдин орус дылда А.Ф. Емельяновтуң очулгазын 1974 чылда композитор А.П. Курченко сонуургап көргөш, аңаа үндезилээн шак ындыг аттыг опера-балетти бижиир күзелин илереткен дилег-бижикти Тыва АССР-ниң культура яамызынче чорутканын база чогаалчының шүлүглелинде улустуң ырлары болгаш кожамык аяанның сөзүглелдерни шинчилээр айтырыгны көдүргөн.

Кызылдың уран чүүл колледжинин башкызы, композитор Аяна Оюн менден сүмө айтырып чедип келди. Ол бистин институтка дилеглиг келген: «Композитор С. Бюрбениң 100 харлаан оюн демдеглеп, Мөңгүн-Тайга кожуунга концерт көргүзүп аалдап барган бис. Ынчан “2025 чылдың май айда база катап силерге бараан болуп, сураглыг композиторовус Саая Бюрбениң “Чечек” деп операзын күүседип кээр бис. Амдыызында ол операның хөгжүм-партитуразын аныяк композитор башкывыс Томас Монгуш компьютерде парлап белеткеп турар” деп чарлаан бис. Ук операның ырлап турар кезектерин тус-тузунда күүседикчи сургуулдар биле башкыларывыс ажылдап эгелей берген. Элдеп чүве – “Чечек” деп операның либреттозу чок болган.

Ынчангаш бо либреттону ТГТШИ-ниң эртем журналының архив материалдары чырыдар капсырылга кезээнге парлаары чугула деп көрдүвүс.

ТГТШИ-ниң эртем ажылдакчызы В.С. Салчак
парлаарынга белеткээн

⁶ Донорова У.О. С.Б. Пюрбюнүн «Чечек» деп шүлүглелинде тыва улустуң ырлары. Ученые записки. Выпуск XXVI (Текст) / Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; ред. кол. В.Д. Март-оол (отв. ред.), О.Д. Натсак (сост.) [и др.]. – Абакан : хакаское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2023. – С. 157-164.

С. Пюрбю
ЧЕЧЕК (либретто)
Шиижиткен үш көжегелиг опера.

Киржикчилери:

Чечек – 18 харлыг уруг.

Мерген – Дүрзүң-Мээреңниң чалчазы. 20 харлыг оол.

Хая – аңчы арат.

Кара-Кадай – Хаяның кадайы.

Мөңзүүле – Дүрзүң-Мээреңниң оглу.

Кыдат чанчын.

Элбек – кызыл-шериглерге ужурашкан ашак.

Номчукчу болгаш ийи хаа, бир дүжүмет.

БИРГИ КӨЖЕГЕНИҢ БИРГИ КӨРГҮЗҮҮ

Чай. Каишал хем ишти, диңмирээшкинниг, кызаңнаашкынның чаңнык дүжүп турар чаъстыг кечээ. Хаяның өөнгө Чечек ыглап чүгүрүп келир.

Чечек: – Авай! Ачай!

Хая: *(уткуй үнө халып келгеш, өөнчө киире бергеш ырлаар)*
– “Өскүзүнен өлбес” дижир
Өргүн чоннуң чугаазы бар.
Аңчы Хая, Кара-Кадай
Адаң-иен болгай бис аан.

Чечек: – Чүгеним чок, эзерим чок,
Чүгүрүктү канчап мунайн.
Чүглүг куш дег, чалгыным чок,
Чүрээм канчап оожуктурайн?

Эзерим чок чүгеним чок,
Эмдик ойну канчап мунайн.
Эзир куш дег чалгыным чок,
Эргим чуртту канчап эргийин?

(Чаъс аязы бээр. Өг даштынга оолдар, кыстар аяар чедип келгеш ырлажыр)

Кыстар: – Чодурааның чокпак чечээ
Кандыг талдан үнер чүвөл?

Чойган ышкаш сынныг Чечек
Кандыг хейден төрөөн чүвөл?

Казылганның кызыл кады
Кандыг дөстөн үнер чүвөл?
Каттыраңнаан чараш Чечек
Кандыг хейден төрөөн чүвөл?

*Чечек үнө халып келгеш, “Ак-ыяш” деп танцыны теп, ойнай бээр. Танцы
төнгөн соонда ийи хаа чедип келгеш, уругларны тарады сывырыпкаш,
өггө кире халчыл келир.*

Бирги хаа: – Үндүт негеп келдим, Хая,
Үжен кишти уштуп өргү.

Хая: – Өштүг ышкаш хугбай чыл-дыр.
Өлүк чокта чүнү бээр мен.

Ийиги хаа: – Саап орган, амыланган
Чаңгыс инээң айдап аар бис.

Хаалар шириин үнө халыырлар. Шупту өгден үнүп келгеш, килеңниг көрүп турарлар.

Чечек: – Улус шупту дөмей эвес,
Араатан дег чулчуп чижир
Ужуру чүл, билбес-тир мен.
Айтып берип көрем, ачай.

Кара-Кадай,
Хая: – Эктинейден ээгий кээрге,
Эрээн шокар Теректигни
Ээрем ышкаш ханы терең
Элег, түрег дола берген.

Коъдан хойну кырып төткен
Кокаарак деп чилбилер хөй,
Хоптак чазый Дүрзүң-Мээрен
Кожуун, суму куруглатты.

Дүрүм кайдал? Чөвүн, шынын
Кандыг черден айтырарыл?
Дүржоктарның саваажогун
Кандыг хаанга билдиртирил?

– Өжүн боду негевээже,
Өске кым-даа болушпас-тыр.
Туттундурбас ындынныг ыр
Туругларга чаңгыланыр.

Чечек: – Аьдым чиген коккаарактын
Азыг-дидин сыккан болза,
Адам каккан дүжүметтин
Ала караан дешкен болза.

Инээм чиген коккаарактын
Ийи азыын сыккан болза,
Ием каккан дүжүметтин
Ийи караан дешкен болза.

Ядыы чонну хемдип чоруур
Чазый байлар буктар ол-дур.
Оьктуг-боолуг өжээн алыр
Оол болган болурумгай.

Хая: – Элбек сугга баргаш келиил,
Эки, бакты сүмележиил,
Өрү, куду ыравас сен,
Өөң ээлеп орам уруум.

Хая биле Кара-Кадай чоруй баарлар. Чечек ырлаар:

Чечек: – Өң-не бүрүн чечек үнгеш,
Оңуп калыр, кээргенчиг,
Октаргайга кижиге төрээш,
Өлүп калыр хомуданчыг.

Чайнын көгү четчип үнгеш,
Оңуп калыр кээргенчиг,
Чырык черге кижиге төрээш,
Өлүп калыр хомуданчыг.

Мерген: *(Аяар чедип келгеш, ырлай бээр)*
– Булуттавас Булуң-Шынаа
Чүгө ынчап булуттады?
Муңгаравас күжүр дыңмай,
Чүгө ынчап муңгарадың?

- Чечек: – Айт-ла бажын кымчы билир
Аарышкылыын канчаар ыңай.
Кижн бажын кижн билир
Хилинчектиин канчаар ыңай!
- Багай кижн көрбээн болгаш,
Бастыргы дег келдинер бе?
Бай-ла кижн төлү болгаш,
Бардам-дүржок чаңыңар бе?
- Мерген: – Шала соктаан кадыг хөм дег,
Урук туткан холумну көр.
Салааларым көстүп чоруур
Улдуңумнуң ойбагын көр.
- Бардам багай чаңым-даа чок,
Байның төлү эвес-тир мен,
Дүржок, калчаа аажым-даа чок,
Дүрзүң-Мээрөң чалчазы мен.
- Ийилээн: – Алдын-сарыг, хүрөң-кызыл
Айыраңнаан чечек бүргээн
Кайгамчыктыг чаагай чайны
Кандыг чүвээ деңнеп сөглээр!
- Каразынга дужар дээштиң,
Каастанган уруг дег-даа,
Челээш өңү быдарааштың,
Черге дүжүп турган дег-даа.
- Көжеге хаар.*

БИРГИ КӨЖЕГЕНИҢ ИЙИГИ КӨРГҮЗҮҮ

Айдың дүне. Алаак чер. Аныяктар чыгып келир.

- Аныяктар: – Он-на бештиң дүнү келди,
Ойнап, хөглөп алыылыңар.
Ортузунда турган өгдө
Ортун-карам үндүрүңер.

Бир оол, бир кыс ырлажыр:

– Үнелелге бараан боор
Үнүм өткүт эвес бол,
Ырлаксаам кээр ырлар бар
Ылавылап сактыр мен.

Чурттувустуң кыстары
Чуруп кагган чурук-ла.

Хор: – Ыржым өйде чүрээмни
Ындынналдыр хөгледир
Сагыжымда ырлар бар
Сакты хонуп келир мен.

Черивистиң кыстары
Черден үнген чечек-ле ийин.

*“Ак-ыяш” деп танцы. Танцы төнгөн соонда аныяктар тарай бээр. Мөңзүүлө
Чечектиң холундан туткаш, сөөртүп бар чорда, Мерген халып келгеш, Мөңзүүлени
моорады туткаш, ойтур идипкеш, Чечек-биле иелээн ыңай болурлар. Ийи хаа эртип
бар чорааш, моорап чыткан Мөңзүүлени көрүп каар.*

Бирги хаа: – Өлгөн кижиге чыдыр көрөм.

Ийиги хаа: – Өршээ, дадай, буктуг хей-дир.

Бирги хаа: – Бурган өршээ, амы-тыным,
Букка шын-на душкан-дыр бис.

Ийиги хаа: – Кандыг кончуг азалыг чоор,
Хамга бараал, дүрген чоруул.

Бирги хаа: – Богда кегээн, моон соңгаар,
Боже мал-даа чоргуспас-тыр.

Тейлээш дедир ыңай болурлар.

Көжеге хагдынгаш, ажыттына бээр.

*Хаяның өө. Кара-Кадай дааранып олулар. Хая аңнап чорааш, чаа келген,
боозун чүлгүн, аштап олулар. Өг иштинде аң эьди, кежи көстүр.*

Хая: – Малым-даа чок, эдим-даа чок,
Баксыравас уруг боор мен.
Баксыравас чүңдел дize,
Байлак улуг Тандымайда.

Ийи хаа кире халчын келир.

Хаалар: – Дүрзүң-Мээрeң кыштаан септээр,
Дүгүн салыр, хөмүн эттээр
Сигенин-даа кестирер дeэн
Силерни бис сүрүп чор бис.

Хая: – Арагалыг барайн дээрge,
Агым-даа чок, сүдүм-даа чок.
Ам бо дораан чедейн дээрge,
Аъдым-даа чок, хөлгeм-даа чок.

Сарыг сыптыг бижeэм биле
Чандыр дегбес боомдан өске
Хайыраатаа белeэм-даа чок.
Ха-ха-ха – ха-ха-ха-ха-ха!

Хаалар хорадап үнe халыырлар.

Хая: – Хыктыгларның хыы ханмас,
Кылынганым чүү-ле ирги?
Өштүглерниң өжү ханмас,
Өлүргеним чүү-ле ирги?

Эдим, малым чок-даа болза,
Элег, түрег сагынмас мен.
Эзириктиг ээр-ле Тандым
Эргилдимзе*, тодар-ла мен.

*Дөрт дүжүмет кире халчын келгеш, Хаяны хүлүп алгаш чоруй баарлар.
Кара-Кадай Чечекти куспактапкаш, Хаяның соондан көрүп, ыглажып турарлар.*

Көжeгe хаар.

* Эргилдимзе ~ диал. – сөзүглелде чогаалчы мынчаар бижип каан, лит. – эргилзимзе.

ИЙИГИ КӨЖЕГЕНИҢ БИРГИ КӨРГҮЗҮҮ

Күскү сарыг аьрга иштинде кижиги эриидээр чер. Хаяны хулун алган ийи хаа эриидеп турар. Көзүлбесте шимээн: – Хак! Хак! – дээн үннер дыңналыр. Торгу тоннуз дүжүмет көстүп кээп, байысаар.

Дүжүмет: – Хаан-төре хоойлузунга,
Хайырааттың амызынга,
Кыжанганың ужуру чүл,
Кымнар-биле сүлчээлиг сен?

Хая: – Таңды ышкаш кара нүгүл –
Даш дег акты хөмө баспас.
Кандыг херек кылып каан дээш
Ханымны төп турар силер?

Эдим, малым былаап алгаш,
Эдим шылаан ужуру чүл?
Өжээн өлбөс, назын кырыыр,
Өлүрдөн бээр көөр силер!...

Дүжүмет Хаяны алагадапкаш, хааларже “аппарыңар” деп имнепкеш ыңай болур.

Бирги хаа: – Өрттеп мунар аьды бар бе,
Өзөп чиптер хою бар бе,
Бачыттыгны мону чоорул,
Бажын кескеш азып каапса.

Ийиги хаа: – Бужар чүвө кылгаш чоор бис,
Бурган чарлыын эдерээли.
Төре херээ аңдарыптар шаа бар-бе,
Төөгүнү коптарыптар билии бар-бе,
Бээзи ноян чызаанынче
Бектеп хүлээш чорудупкай аан.

Хая: – Дарлал ээзи дүжүметтер
Дазагар көк тулуптар-дыр.
Төрээн чуртка чүге-ле олар
Төөгүде тывылган чоор.

Делегейге чаңгызы-даа
Дедир төрүп турбас кылдыр
Көстүг отка өргөзгөннөр,
Хөөржүзүннөр, сөнээзиннөр!

Хаяны моорады шапкаш, сөөртүп чоруй баарлар.

Кара-Кадай биле Чечек чедип келир.

Кара-Кадай: – Чүрээм болган ынак эжим кайда ирги?
Чүү деп ыяш бажындыва асчык ирги?
Үтче, хосче бажын кескеш октапчык бе,
Үгү куштар сөглөп берген болзуңарза.
Күдөр шыырак эъди-ханы соглу берген.
Күжүр сөөгү сайлы* берген чыдыр ийнен.
Оода чаңгыс көрүп алган болурумгай,
Оргу-делгем хаваандан бир ошкаарымгай.

Үнө бээрлер.

Караңгылай бээр. Аныяктарның ыры, танчызы.

Аныяктар: Он-на бештин дүнезинде
Ойтулааштап алыылыңар.
Ортулуктуң ак-ла талын
Шоор кылып ойнаалыңар.

Чечек: – Алдан аъттың аразындан
Кара-Доруг бедик ышкаш,
Узун-дынын шеле тырттып,
Ушта чүткүп турган ышкаш.

Арбын чоннуң аразындан
Карам караа менде ышкаш,
Уян чүрээ саргып, аарып,
Улуг тынып орган ышкаш.

Аныяктар тарай бээр. Чечек Мергенни манап артып каар.

Мөңзүүле чедип келгеш, Чечекче чөңгээлээр.

Мөңзүүле: – Эңмек дыттың бажынайда
Эзир чүглүг согун калды.

* Мында ~ сайлы берген – сайгарлы берген~ 'аай-баш чок тарай берген' дээн утканы илередип турар.

- Чечек: – Эрге кара Чечеккейде
Эвээш, биче сеткил калды.
– Кедереве, кедереве,
Хей-ле черге кедереве.
Хей-ле черге кедерээштиң
Хендирбелиг мойнуң сыктың.
- Мөңзүүле: – Чээреннери дезиг-даа бол,
Белден ырап кай-ла баарыл?
Чечекейи хедер-даа бол,
Менден чайлап кай-ла баарыл?
- Чечек: – Байның оглу бардам мен дээш,
Бажың-биле кылаштава,
Туразында чоргаар мен дээш,
Душтуктугга туралава!
- Мөңзүүле: – Алыр-албас айбычыны
Артык ынак сарыым диве.
Аксым сал дээн челер ойга
Аъттаныылы, чажам диве.
- Чечек: – Чүглүг куш дег чүректиг мен,
Чүгүрүкке ушкашпас мен.
Сеткилим дег өңнүктүг мен,
Ческинчидир сени чоор мен.
- Мөңзүүле: – Болчап алган болчанайның
Болдунганын көргей-ле сен.
Бодап чоруур күзелиңниң
Боттанганын көргей-ле сен.

*Чечектиң холундан сегирип алгаи дап бээрге, Чечек ушта соккаш ыңай болур.
Сценаны долгандыр маңнап чорда, Мөңзүүле четкеи, холдамнажып тура ужур
базып алыр. Мергенниң ырызы дыңналып келир.*

- Мерген: – Чодурааның чокпак чечээ
Кандыг талдан үнген ирги.
Чойган сынныг Чечекмааны
Кандыг кадай төрөөн ирги.

Улуг дагның кырынайдан
Бараан шуурган ыравазын.
Уруг күжүр Чечээмейден
Бодалымның салдынмазын.

Мелдер дайым тура дүшпө,
Белдин шөлү кызырылзын.
Салгын-сырын эстеп хады,
Чагызымга үнүм четсин.

Мерген көстүп келирге, Мөңзүүле Чечекти салыпкаш, тура халып келир.

Мерген. – Кускун караа холуң дегбе!
Адым-сураам үнген хей мен.
Хунааш-былааш кылыксава,
Адаанымны алыспас мен.

Мөңзүүле: – Сокса, сойлук! Соңгаар олур,
Шоюшкааңны өрү тырттын!
Адың-сурааң үнген болза,
Адап келир адаң кымыл?

Мерген: – Аттыг-чарлыг адам дээрин
Араатанзыг Дүрзүң ол бе?
Сурадыксаар сурааң дээрин
Суму чоннуң каргыжы бе?

Мөңзүүле: – Тоткан эник ээзин ээрер,
Дора-өлчүк оон дора.
Калчаарава, халыыдава!
Карааң деже шааптар мен.

Мерген. – Харын бодуң калчаарава,
Халызыңза бодуң шоруң.
Байыыргава, бардамнава!
Бажың чара шааптар мен.

Чечек чүгүрүп кээп, Мергенден куспактаныптар.

*Мөңзүүле халып келгеш, Чечекти Мергенден чара тырта бээрге, Мерген ону ийи
эгинден туткаш, бөөлдеп-бөөлдеп, сценадан үндүр октаптар. Мөңзүүлениң човууру
чоорту ырап чоруй баар.*

Хорга үдеткен Чечек биле Мергенниң дуэди:

Чечек: – Канчаарың ол, күжүр ынаам,
Хайлыг шошка чүге кирдиң?
Чаргы-чаалы орта деп бе,
Чаагың дөгеп бээр сен бе?

Мерген: – Чогуш-кырыш эревээн мен,
Шоглап келген шорузу-дур.
Канчап-канчап канчаарларыл
Карам сенден чарарлар бе.

Чечек: – Туман-булут диргелип кээп,
Дуруг дагны дуглай бүргээр,
Туразында Дүрзүң талаар –
Тудуп, баглап алгаш-ла баар.

Мерген: – Амыраамдан чарылзымза,
Амы-тынның дүжүү-даа чок.
Күзелимни кыпсып чоруур
Хүнүм чүгле чаңгыс сен-сен.

Куспактажы бээр. Ыракта сөс чок дуюкаа хор.

Мергенниң ырызы.

Мерген: – Хая ирей канчап баржык,
Бээзи ноян чызаанынче
Кара ажыт шөлүпчүк чоп,
Мени база ынчаптарлар.

Өскен төрээн черивиске,
Өвүрге, ам сыңмас-тыр мен.
Кара баарым чамдыы болган
Карам сени канчап каар мен.

Сеткилимде тудуш болган
Сенден өске бодалым чок.

Өөрүшкүнү, муңгаралды
Чартыктажып, кады көөр мен.

Өлүр-даа бол, кады баар мен,
Чарлып болбас чүрээм сен сен.
Ары черже, хары чонче
Ажа берээл, ажырбас бис.

*Кара-Кадай чедип келир. Аныяктар Мерген биле Чечекти долганып кээп,
сымыражып турарлар.*

Кара-Кадай: – Оглукужуум, канчаар сен ам?

Мерген: – Үүлемни өске-биле
Үлөшпөс мен. Бодум билийн.
Хей-ле ынчап хөлзээш канчаар.
Келген шаанда көргөй мен аан.

Чечек: – Чаа чалбак болган черге
Чаңгыс кижиге эннежир бе?
Сүрүп келзе, алдырбайн баар
Чүглүг куш дег аядың чок бе?
Баксыраза, кежиин шаңнаар
Байлак, улуг таңдың чок бе?

Мерген: Өргөөлөрдөн артык делгем
Өндүр бедик Таңдым-даа бар.
Артка, сынга тура дүшпөс
Арбас, турбас аядым-даа бар.
Сени каггаш, черге чааскаан
Чежеге дээр шыдажыр мен.

*Аныяктар тарап чоруп турар.
Сценага Кара-Кадай биле Мерген артып каар.*

Кара-Кадай: – Шаг-шаа-биле турар эвес,
Чавылдак оят оңмас эвес,
Дөңгү ириир, кинчи үстүр,
Төре херээ тайлыр дижир.

Кем чок бисти канчаарларыл?
Хей-ле ынчап муңгарава.
Канчап билир кажан бир хүн
Катап биске чедип кээр сен.

Чечек чүгүрүп келир.

Чечек: – Чедип келди! Канчаар бис ойт!

*Мерген ол угже көргөш, шириин турар. Сценаның бир талазындан
Дүрзүн-Мээрең баштаан дүжүметтер көстүп келир. Мерген шурай бергеш,
Дүрзүң-Мээреңни ойтур таварыптарга, өскелери доңгайып чыткылаптар.
Элээн болгаш ковайып келирге, кым-даа чок, арлы берген болур. Дүжүметтер
бот-боттарып буруудатчып турда, Дүрзүң-Мээрең алгырар.*

Дүрзүң-Мээрен: – Кончуг четкерни сүрээлиңер! Туткаш, аргактыг алды
мойнун адырбааже!...

Шоогайнып чоруптарлар.

Көжсеге хаар.

ҮШКҮ КӨЖЕГЕ

Бирги көргүзүг. Көжсеге мурнунга номчукчу.

Номчукчу: – Самага деп сарыг чечек
Шатты дургаар чатгы берген.
Чечээвис-даа шуудай берген,
Сестир, коргар чүвези чок.
Таныттынмас даңгына дег,
Даайы, күүйү каастап алган
Дүште-даа чок чурттап чорда,
Дүрзүң-Мээрең Мөңзүүлөгө
Чечекти кээп кудалаан деп,
Аяс дээрден динмирээн дег,
Сүрээденчиг чугаа үнген.
Чечек бажы четчирден бээр
Чедирер деп мындыг болган.
Куда дүжер хонук, хуусаа

Ынча-мынча чедип келген.
Куду, чамы аймаан Чечек
Ыглап-сыктап, чөгөл төткен.
Ак өг шагда белен болган,
Аъткараын манап турган.
Көжүртүр дээш Дүрзүн-Мээрен
Көвей улус чорудупкан.
Чажын чарып, чалаа-кара,
Чавагазын өрүп берген.
Куйга-шуру, сырга-дээрбек
Кулактарын шөе баскан.
Чечекти ам баштаңгылап,
Чедирер деп дерип турда,
Хенертен-не келин читкен!
Кежээге дээр келбейн барган.

Номчукчу үнө бээрге, көжсеге ажыттынар.

*Аьрга чарык. Баарында хем агып чыдар, хая кырында деспек черде
Чечек каас хептиг ырлап орар.*

Чечек: – Аьргаларның ыраажызы
Айлаң-куш дег чоргаар болза,
Калбак хову коңгулууру –
Хамнаарак дег шөлээн болза!

Чаржык-түвек чеже хүлээр?
Сагыш, чүрээм амыразын!
Кылык, чеме чеже дыңнаар,
Кылаң саарыг хөөрүм болзун!

... Чаңгыс бодум чаравадым,
Чараш карам дириг чорзун.
Чаштан чарган хугбайлардан
Чанмас өжүм негеп алзын!

*Чечек удуй бээр. Дүжүнде дүжүметтер азалар болу берген танцылап,
халдап кээп турар. Мөгүдөп чыда, оттуп келгеш алгырыптар.*

Ыракта Мергенниң ырызы дыңналыр.

Мерген: – Мелдер дайым тура дүшпө,
Белдин шөлү кызырылзын.
Салгын, сырын хадып эстеп,
Чаңгызымга үнүм четсин!

Чечек: – А-аа-уу-у Мерген!

Мерген чедип келир. Чечек шурай бергеш куспактаныптар.

(Музыка)

Чечек: – Кандыг черден адап-сурап,
Канчап маңаа чедип келдин?
Чаяан, бурган ачызы бе?
Салымывыс ындыызы бе?

Мерген: – Эжен чарлыы чадап каанда,
Ээр Танды бисти чарбас.
Чалбырааштыг күзел чокта,
Чаяан, бурган дуза болбас.

Чечек: – Дургун дүржөк чүвелерни
Тудуңар дээр, кагыңар дээр
Кадыг хала ыравас-тыр,
Канчап чурттаар улус боор бис?

Мерген: – Аржай буурул Тандывысты
Аал кылып чурттаай-ла бис,
Аргажоктуң кыры келзе,
Алдайже-даа ашкай-ла бис.

Мерген шай хайындыра бээр. Элбек ашак чедип келир. Чолугуп мендилежир.

Элбек: – Мындаа бир хүн аннап чорааш,
Мындыг чүвээ таварыштым:
Орай кежээ одаам долдур
Орус шериг сөктүп келди, –
Ыдым читкен, угааным чок.
Ыңай боор дээн – шимчеттинмес!
Чанчын-на боор, бир-ле киж
Чанымда кээп олурупту.

– Ядыы чонга эрге тыпсып,
Ядаралды узуткаар дээн:
“Кызылдар бис” – дижир чорду.
Кыска дүннү кады чаргаш,
Хүнезинин, огун-чемзээн
Артыкшылап меңээ бергеш,
Хүнче уткуй тугун чалааш,
Аъттангылааш чоруптулар.

Элбек ашак байырлашкаш чорунтар. Чечек, Мерген Элбекти үдөп каар.

Чечек: – Чежеге дээр манаар бис ам?

Мерген: – Шагы кээрин манапас дээш,
Чаңгыс кижичүмү канчаар?

Чечек : – Көшкө куду чуулган дашты
Өскө даштар эдербес бе?
Өөрүң сеңээ каттышпас бе?

Мерген: – Сагыжымны саарзыкталдыр
Чааскаандырың канчап каар мен.
Аьрга-биле сөстүг эвес,
Аштаан бөрү келзе канчаар?

Чечек: – Мээрөң, чалаң бырашпаанда,
Мелегей аң мени канчаар.
Алды, чеди хонук туржук,
Айда-даа бол ажырбас мен.

Мерген чөпшээрешкеш, Чечек-биле байырлашкаш чорунтар.

*Караңгылап келирге, Чечек удуп чыдып алыр. Мөңзүүлө баштаан
боо-чепсектиг улус Чечекти тудуп алгаш баар.*

Көжеге хагдына бээр.

Көжеге мурнунга номчукчу үнүп келир.

Номчукчу: – Топтук, топчок чугаалардан
Торгалыгга Чечек душ бооп,
Мөңзүүлөге туттурган деп
Мерген ындыг медээ дыңнааш,
Ынаар-мынаар арай бүдүү

Ылавылап сурап кээрге,
Аргалыкта камыңнарже
Аппарган деп чугаалашкан.
Мөңзүүлени истеп кээрге,
Кезек камың баштап алгаш,
Бөгүн маңаа дендеп хүнзээш,
Кедээр аалче үнген дишкен.
Мерген орай сүрүп келгеш,
“Бээр үн” деп кый деп алгаш,
Көстүп үнүп кээри билек,
Хөрээндиве боолавыйткан.
Чаатыга Мерген кээрге,
Чалзып баштаан кезек улус
Аргалыкче халдаар дижип,
Аъттаныр деп белен турган.
Элбек ашак баштап алган
Элээн кижиге база келген.
Хавыртканнар сургазын дээш,
Багай-оолду дуюкаалап,
Камын шериг баараңынче
Баш удур бадырыпкан.
Караңгылап кээри билек
Хамык улус аъттаныпкан.
Морзаң-мөрзең даштар туржук,
Доора-Дагны чара шапкан,
Моондак билбес Улуг-Хем дег,
Дошкун килең хайнып үнген.

Номчукчу үнө бээрге, көжеге ажыттынар.

*Өг иштинде меделер чок Чечекти Хая тудуп алган олурар. Көзүлбесте эзирик
улус шуугап турар. Чечек миннип келгеш:*

Чечек: – Кырган ирем, канчап барган,
Чеже болган кижиге боор мен?
Кастар ышкаш шулурашкан,
Кандыг, кым деп улузул бо?

Хая: – Кырың сынык кижиге чордун,
Дүүн кежээ эккелдилер.

Кыдат чанчын хөглезин дээш,
Дүрзүң-Мээрең дужаап берди.

Кырган чанчын демин чорааш,
“Эртен бо кыс экирзин!” деп
Кырза ышкаш, шартыңайнып,
Эмчилерге дужаап кагды.

Хаа, дүжүметти эдерткен кырган чанчын эзирик кирип келир.

*Хаяны хаа, дүжүметтер үндүрө бээрге, чанчын өөрүп, Чечектиң чаагын,
бажсын суйбап, куспактай бээрге, Чечек ойтур тептер. Чанчын тура халып олурда,
боо даажы дизирткайны бээр. Чанчын барба иштинче бажсын суптар. Мерген,
Хая, Элбек кире халып келирлер. Чечекти Мерген көдүрүп аар.
Кызыл-шериглер болгаш оон-моон улус чыгып кээп турар.*

Хор: Дөңгү, кинчи чүктевес бис,
Төрөөн чурттуң ээлери бис.
Хосталганың өндүр тугун
Холувустан салбас-даа бис.

Чоннуң күзөөн чырык хүнү,
Чолдуң бедик чоргааралы,
Өөрүшкүлүг чуртталгавыс
Өшпес мөңгө чайынналзын!

Көжсеге хаар.

Науч. арх. ТИГПИ. РФ. Архив С. Пюрбю (Д.Д. 1296-1345). Д. 1302.
Машинописные тексты. Всего 23 л.

Подготовил к печати:

Василий С. Салчак, научный сотрудник сектора литературоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Республики Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: kыrybazyр@mail.ru

Author ID РИИЦ: 793062

Vasily S. Salchak, Researcher in the Literature Studies Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tatarstan, Kyzyl, Russia; 667000, Russia, Republic of Tyva, Kyzyl, Kochetova str., 4.

E-mail: kыrybazyр@mail.ru

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 3 (11), 2024

Научный журнал

Учредитель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Издатель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Главный редактор: Моллеров Н. М.
Заместитель главного редактора: Натсак О. Д.
Выпускающий редактор: Натсак О. Д.
Вёрстка: Кыргыс Ч.С.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает мнение редакции

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Азиатские исследования: история и современность» обязательна.

Тел.: (394-22) 3-24-47, 3-04-71

Подписано в печать 25.02.2025
Дата выхода 30.02.2025

В розницу – цена свободная

Адрес редакции:
667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,
тел.: (39422)2-36-39

Формат 70X108 1/16. Бумага офс.№1.
Печать офсетная. Объем 9,7 п.л. Тираж 50 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинала-макета
в ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова»
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.

e-mail: asvestnik@tigpi.ru
Сайт журнала: asvestnik.ru

© Азиатские исследования:
история и современность, 2024